

# Образы синкретических существ в восточноевропейском скифском зверином стиле: классификация, типология, хронология, иконографическая динам

## Основные задачи и принципы исследования

Грифоны и иные зооморфные существа, объединяющие различные элементы реальных животных в фантастических сочетаниях - один из ключевых мотивов репертуара искусства скифо-сибирского звериного стиля. В данной статье отражены результаты морфологической классификации, типологии, статистического и иконографического анализа массива синкретических изображений, созданных в рамках одного из локальных вариантов скифо-сибирского звериного стиля - в пределах звериного стиля зоны скифской археологической культуры Среднего Поднепровья, Среднего Подонья, степного Северного Причерноморья и Приазовья, а также Северного Кавказа (Прикубанье и Центральное Предкавказье, включая Ставрополье). Анализируемые показатели являются частью более общего исследования, предпринятого автором в отношении скифского искусства, предусматривавшего классификацию и морфологическую типологию всех опубликованных до 2013 года (включительно) изображений, выполненных в канонах скифо-сибирского звериного стиля VII - начала III в. до н.э. и происходящих с территории скифской археологической культуры[1].

Критерием идентификации зооморфных изображений как принадлежащих к художественному направлению скифо-сибирского звериного стиля послужили три нижеперечисленных группы диагностических признаков, предложенные нами ранее с учетом более чем 100-летней традиции изучения скифского звериного стиля, в ходе которой сложились основы современных представлений об отличительных чертах этого искусства[2]:

- 1) специфические пропорции животного - преувеличенность определенных частей тела (в ущерб остальным): глаз, пасти, ноздрей, ушей, лопатки, бедра; кроме того, гипертрофированность рогов и копыт - у копытных, зубов и когтей - у хищников, клюва и крыльев - у птиц, всех вышеперечисленных деталей (при их наличии) - у синкретических животных;
- 2) акцентирование определенных анатомических деталей (таких, как глаз, рог, лопатка, плечо, бедро, копыто или лапа) посредством рельефа, линейного обрамления, намеренной геометризации и/или «зооморфного превращения» этой детали, т.е. трансформации в другой зооморфный мотив;
- 3) специфическая поза животного, соответствующая ограниченному набору поз, строго определенному для той или иной группы образов.

При этом для полнофигурного изображения необходимо наличие всех трех признаков, для намеренно редуцированного - достаточно первых двух.

В соответствии с вышеуказанными критериями из общего массива зооморфных изображений, известных на территории скифской археологической культуры, было отобрано 2196 оригинальных изображения. Это количество установлено без учета копий (т.е. бляшек, изготовленных по одному штампу, идентичных отливок наварший и т.д.), поскольку их включение в общую статистику исказило бы реальную картину; в качестве одной статистической единицы рассматривались и зеркальные изображения (например, парные конские нащечники, парные псалии и т.д.). Вместе с тем элементы «зооморфных превращений» учитывались нами как отдельные оригинальные изображения[3].

Эти 2196 изображения происходят из археологических памятников (погребений, поселений) и иных местонахождений (случайных находок, покупок), локализуемых в вышеуказанных территориальных пределах скифской археологической культуры. Общее число этих памятников и местонахождений составляет 862 единицы. Из этого массива местонахождений 738 единиц соответствуют погребениям и поселениям, при этом для упрощения подсчетов несколько погребений одного кургана, несколько курганов одного могильника (например, Келермесского) или несколько курганов или могильников, обозначаемых по одному населенному пункту, рядом с которым они расположены (например, у с.Аксютинцы) учитывались здесь как одна статистическая единица. Остальные 124 единицы соответствуют случайным находкам и покупкам, в это число входят 62 изображения на предметах из коллекции, условно именуемой «Майкопский клад», поскольку эти предметы происходят из разных мест[4].

Основная масса предметов, несущих изображения, составивших источниковую базу данной статьи (и общего исследования, частью которого она является), а также ряд их аналогов из других зон скифо-сибирского мира были изучены автором de visu, зафиксированы в фотографиях и рисунках и соотнесены с

их публикациями. Для этого автором была проведена работа в экспозиции и в фондах Государственного исторического музея, Государственного Эрмитажа, Государственного музея искусства народов Востока, учебного кабинета-музея кафедры археологии МГУ им. М.В. Ломоносова, Ростовского областного музея краеведения, Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника, Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника, Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника, Национального музея Республики Адыгея, Северо-Осетинского государственного объединенного музея истории, архитектуры и литературы, Национального музея Кабардино-Балкарской республики, Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока Института археологии и этнографии СО РАН, Национального музея истории Украины и его филиала - Музея исторических драгоценностей, Музея археологии Института археологии НАНУ (в составе Национального научно-природоведческого музея НАНУ), Одесского археологического музея НАНУ, Харьковского исторического музея, Музея археологии и этнографии Слободской Украины Харьковского Национального Университета, Полтавского краеведческого музея, Музея Научно-исследовательской лаборатории «Археология» Приднестровского государственного университета, Абхазского государственного музея, Государственных Музеев Берлина. Автор искренне признателен за любезное содействие в изучении коллекций сотрудникам этих музеев: К.Б. Фирсову, Е.Ю. Новиковой, А.П. Мошинскому, И.И. Гущиной, Л.К. Галаниной, А.Ю. Алексеєву, Е.Ф. Корольковой, Ю.Ю. Пиотровскому, Н.З. Куниной, Д.Е. Чистову, Е.В. Власовой, И.В. Ксенофонтовой, В.Р. Эрлиху, Е.А. Бегловой, В.С. Житеневу, Л.С. Ильюкову, В.М. Косяненко, А.А. Горбенко, В.И. Перевозчикову, В.Н. Галаевой, И.В. Отюцкому, Е.А. Хачатуровой, А.В. Пьянкову, Н.Ф. Шевченко, А.А. Коцевой, А.Х. Набоковой, Ф.К. Джигуновой, В.М. Батчаеву, А.Б. Деппеевой, И.А. Хашевой, Ф.Р. Накову, С.В. Диденко, Л.С. Ключко, А.А. Грибковой, Е.С. Подвысоцкой, Т.Ф. Шаминой, Н.А. Сон, Е.Ф. Рединой, И.В. Бруяко, Л.И. Бабенко, И.Б. Шрамко, С.А. Задникову, А.Б. Супруненко, В.С. Синике, Н.П. Тельнову, И.В. Четверикову, М.К. Инал-Ипа, А.И. Джопуа и др.

Статистика оригинальных изображений и образуемых ими морфологических типов представлена в **табл.1**. К анализу этих результатов в контексте синкретических образов мы вернемся в заключительной части статьи.

**Табл.1**

<i><b>Образно-видовая принадлежность</b></i>	<i><b>Количество оригинальных изображений</b></i>	<i><b>%</b></i>	<i><b>Количество типов</b></i>
<b>Хищники</b>	<b>589 (полнофигурных - 245, редуцированных - 344)</b>	<b>27</b>	<b>108</b>
<b>Копытные, в том числе:</b>	<b>787</b>	<b>36</b>	<b>127</b>
Олени	262 (полнофигурных - 128, редуцированных - 134)		42
Лоси	88 (полнофигурных - 19, редуцированных - 69)		17
Горные козлы	52		12
Бараны	78		10
Лошади	109 (полнофигурных - 5, редуцированных - 104)		13
Быки	4		2
Кабаны	37 (полнофигурных - 10, редуцированных - 27)		14
«Оленелоси»	12		3
"Лосекозлы"	16		1
"Оленекозлы"	19		1
Обособленное ухо копытного	24		2
Обособленная нога копытного / копыто	86		10

<b>Птицы</b>	<b>556 (полнофигурных - 83, редуцированных - 473)</b>	<b>25</b>	<b>55</b>
<b>Синкретические животные, в том числе:</b>	<b>206</b>	<b>9</b>	<b>46</b>
Грифоны и крылатые львы	100 (полнофигурных - 61, редуцированных - 39)		33
Бараноптицы	48		2
Гибрид грифона и бараноптицы	1		1
Гибрид грифона и кошачьего хищника - тупорылый зверь	10		1
Гиппокампы, грифогиппокампы и «петушки»	23		4
"Лосептица"	13		1
"Оленептица"	2		1
Комбинация элементов птицы и неопределенного копытного	8		2
Рогатая рыба	1		1
<b>Зайцы</b>	<b>21</b>	<b>0,96</b>	<b>3</b>
<b>Верблюды</b>	<b>6</b>	<b>0,27</b>	<b>1</b>
<b>Дельфины</b>	<b>4</b>	<b>0,18</b>	<b>2</b>
<b>Рыбы</b>	<b>27</b>	<b>1,23</b>	<b>3</b>
<b>ИТОГО</b>	<b>2196 изображения</b>	<b>100 %</b>	<b>345 типа</b>

## Результаты идентификации, классификации и хронологии синкретических образов восточноевропейского скифского звериного стиля

### §1. Образ грифона

**Идентификация.** С учетом существующей проблемы идентификации образа грифона в скифском зверином стиле нами были приняты следующие критерии: сочетание таких компонентов, как анатомические элементы птицы (голова, крылья, иногда когти) и хищного зверя, чаще семейства кошачьих (туловище, ноги, хвост, уши, которые могут быть не только короткими, как у кошачьих, но и длинными, как у волчьих хищников - ср. грифоны у Эсхила как остроклювые молчаливые собаки Зевса[5], а для определенного периода (V-IV вв. до н. э.) - и элементы рептилии (чешуя, перепончатый гребень). Именно этим признакам соответствует понятие «грифон» в современной исторической науке, в филологии и в искусствоведении, с опорой на длительную античную письменную традицию (Гесиод, Аристей, Эсхил и Геродот)[6], к которой, как известно, восходит сам термин «гриф/грифон», - при том, этимологические корни термина ряд исследователей связывают с ассирийским и древнееврейским языками[7]. Соответствующий анатомический облик во всех вышеприведенных деталях фиксируется уже более поздними античными авторами[8]. Существуют и отступления от данного списка критериев, когда грифоном именуют крылатого льва с рогами козла - «грифон ахеменидского типа»[9] - и просто крылатого льва[10].

В биологии же термин «гриф» применяется как таксон в рамках классификации отряда дневных хищных птиц, или соколообразных (falconiformes), и обозначает, во-первых, семейство американских грифов (Cathartidae), во-вторых, - группу (подсемейство) настоящих грифов (или грифов Старого света) в семействе ястребиных[11].

Таким образом, значение термина «грифон» в гуманитарных науках не совпадает со значением этимологически идентичного и восходящего к мифологии термина «гриф» в биологии. В нашей работе традиционно применяется первое значение.

С какими же вариациями грифона будут соотноситься анализируемые нами изображения скифского звериного стиля? Как известно, в научной литературе выделяются несколько иконографических типов, или канонов грифонов, задействованных в скифском культурном контексте: раннегреческий, ориентализирующий (переднеазиатский), «скифский грифон»<sup>[12]</sup>, грифон ахеменидского типа и позднегреческий грифон.

Между тем «скифский грифон», как признавала выделившая этот канон Н.Н. Погребова, «в большинстве случаев оказывается просто головой хищной птицы», порой, однако, имеющей ухо, которое появилось в структуре этого образа, как полагает исследовательница, прежде всего как подражание иконографии грифона<sup>[13]</sup>. Однако такого рода головы могли быть денотатами не хищников с птичьими крыльями и птичьей головой, а именно птиц, но наделенных ушами, что нереально с точки зрения биологии, но встречается в искусстве скифо-сибирского звериного стиля<sup>[14]</sup>. Поэтому, при всей своей фантастичности, данные изображения примыкают к теме птицы, а не собственно грифона в его изначальном мифологическом понимании; они учитывались нами в рамках образа птицы и дополнили соответствующую статистическую рубрику.

Иконография всех остальных канонов грифонов, как уже сказано, предполагает сочетание вышеперечисленных анатомических элементов хищного зверя и хищной птицы. При наличии этого условия идентификационными признаками этих канонов являются: 1) для ориентализирующего (переднеазиатского) грифона - гребень, идущий вдоль всей шеи до темени и завершающийся завитком, закрытый или полузакрытый клювовидный рот; 2) для грифона раннегреческого типа - отсутствие гребня, столь характерного для грифонов ассирийско-урартского, хеттского и позднегреческого типов, а также раскрытая клювовидная пасть и высунутый язык, вертикально торчащие уши и, как правило, шишковидный выступ-рог на темени<sup>[15]</sup>; 3) для грифона позднегреческого типа - орлиная голова, уши волчьего хищника, длинный перепончатый гребень рептилии, иногда чешуя; 4) для грифона ахеменидского (греко-персидского) - львиная голова с козлиными рогами, при наличии крыльев.

С учетом того, что эти иконографические каноны подвергались в скифском зверином стиле существенной корректировке, отступая от своих инокультурных эталонов, в нашей классификационной системе в таксон грифона были включены также изображения крылатого кошачьего хищника, выходящие за рамки вышеперечисленных канонов, но удовлетворяющие важнейшему признаку грифона - слиянию элементов хищного зверя и птицы.

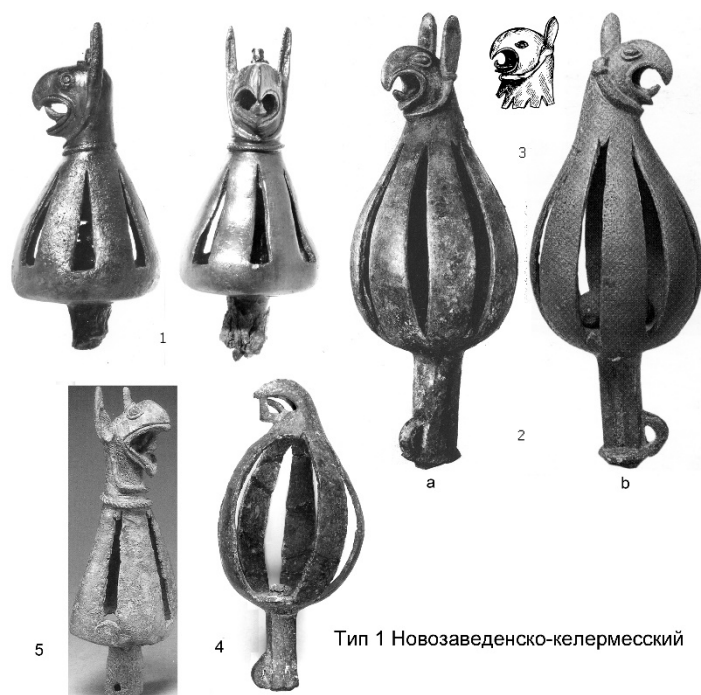
Образ грифона в восточноевропейском скифском зверином стиле реализуется как в редуцированном воплощении (головы и протомы), так и в полнофигурном.

## **§1-1. Редуцированные изображения грифона**

### **§1-1-1. Протомы и погрудные изображения грифонов**

В рамках данного таксона дифференцируются 6 типов.

**Тип 1 Новозаведенско-келермесский**<sup>[16]</sup> объединяет 5 оригинальных изображений<sup>[17]</sup>, происходящих с территории Ставрополя (1), Прикубанья (2-4) и неизвестного происхождения, но скорее всего, прикубанского или ставропольского (5). Все они оформляют бронзовые навершия с бубенцом<sup>[18]</sup>. Изображения скульптурные, моделированы сходящимися плоскостями, рассчитаны на круговой обзор. Бубенец наверший плавно (2-4) или через рифленый поперечный валик (1, 5) перерастает в короткую, иногда почти не выраженную (4) шею, увенчанную перпендикулярной ей головой (**рис. 1**).



Тип 1 Новозаведенско-келермесский

Рис.1. Образ грифона. Протомы и погрудные изображения. Тип 1 Новозаведенско-келермесский: 1 - Новозаведенное-II, курган 8 (по: *The Treasures of Nomadic Tribes in South Russia. Tokyo-Kyoto, 1991. P.48, cat №11*); 2 - Келермесские курганы, курган 3/III (3a - по: *Borovka G. Scythian Art. L., 1928. Pl.27*; 3b - то же навершие по: *Галанина Л.К. Келермесские курганы. "Царские" погребения раннескифской эпохи (Степные народы Евразии, 1). М., 1997. Табл.6*); 3 - находка близ г. Майкопа (по: *Волков И.Г. Скифские прорезные навершия из Прикубанья // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 23. 1983. Рис. 1: 5*); 4 - курган 1 у хутора Говердовского (по: *Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитейное искусство из курганов Адыгеи (VIII-III века до н.э.). М., 2006. Кат.45*); 5 - происхождение неизвестно (по: *Arts d'Orient: archeologie-Islam. Auction catalog. 7-9 June 2006. Paris, 2006. Fig.326*)

Здесь представлен монстр, в принципе соответствующий канону грифона раннегреческого типа, но при этом лишь новозаведенское изображение (1) содержит все атрибуты, предусмотренные данным каноном (открытая клювовидная пасть, высунутый язык, вертикально торчащие длинные острые уши, напоминающие уши хищников семейства волчьих, шишковидный выступ на темени и кожно-шерстная складка в основании головы).

Морфологическая динамика в рамках данного типа, очевидно, состоит в неуклонном упрощении образа, что проявляется в утрате выступа-рога и ушей. Так, если у грифонов на новозаведенских навершиях (1) шишковидный выступ на темени отображен очень четко, то у келермесского и майкопского грифонов, равно как и у грифона неизвестного происхождения он отсутствует (2, 3, 5). Монстр на говердовском навершии (4), лишенный не только выступа, но и ушей, вероятно, замыкает реконструируемый эволюционный ряд и, в принципе, образует своего рода иконографический тупик. Единственным признаком, который сигнализирует о связи данного изображения с каноном раннегреческого грифона, является трактовка клюва и языка, причем даже язык уже не прогнут, как требует канон, а выгнут и упирается в завершение геометризованного подклювья. В остальном же говердовское изображение скорее соответствует уже канонам не грифона, а хищной птицы.

Основу хронологии данного типа составляют изображения из объективно датированных комплексов: 1) из кургана 3/III Келермесского могильника, относящегося к поздней группе Келермесских курганов (курганы Шульца), датированной Л.К. Галаниной на базе тщательной типологии изделий и с учетом переднеазиатских импортов и влияний 2-й пол. VII в. до н.э.<sup>[19]</sup>, что подкрепляется аналогиями материала этих курганов с курганом 16 могильника Новозаведенное-II, датироваемым 610-590 гг. до н.э. на основании ионийского керамического импорта<sup>[20]</sup>; 2) из кургана 1 у хут. Говердовский, в целом синхронизируемого по сходству котла и навершия с Келермесскими курганами Шульца и датированного в пределах 2-й пол. VII - рубежа VII-VI вв. до н.э.<sup>[21]</sup> Изображение из кургана 8 могильника Новозаведенное-II, как эталонное для данного келермесского и говердовского изображений, должно датироваться в сходных рамках, во всяком случае, не позже. Остальные изображения в силу их морфологического сходства могут датироваться в тех же пределах. Таким образом, хронологические рамки данного типа: **2-я пол. VII в. до н.э.**

**Тип 2 Носакинско-кужорский** объединяет 5 изображений, происходящих с территории Нижнего Поднепровья (1, 2), Среднего Поднепровья (3) и Прикубанья (4, 5). Они оформляют уздечные принадлежности: бронзовые псалии (5), а также наносники/налобники - бронзовые (2, 4), серебряный (3) и серебряный с золотой плакировкой (1) (**рис.2**).



Тип 2 Носакинско-кужорский

Рис.2. Образ грифона. Протомы и погрудные изображения. Тип 2 Носакинско-кужорский: 1 - с. Носаки, курган 4, центральное погребение (по: Бидзиля В.И., Болтрик Ю.В., Мозолевский Б.Н. Савовский И.П. Курганный могильник в урочище Носаки // Курганные могильники Рясные могилы и Носаки / Под ред. В.И. Бидзили. Киев, 1977. Рис.15: 2); 2 - Ольвийская хора, случайная находка (по: Островерхов А.С., Охотников С.Б. О некоторых мотивах скифского звериного стиля на памятниках из собрания Одесского археологического музея // Вестник древней истории. № 2. 1989. Рис.3: 2); 3 - Старинская птицефабрика у г. Борисполя, курган 6 (по: Ильинская В.А. Скифская узда IV в. до н.э. // Скифские древности / Под. ред. А.И. Тереножкина. Киев, 1973. Рис.1: 7); 4 - станица Кужорская, курган 1 (по: Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Указ. соч. Кат.106); 5 Уляпские курганы, курган 5 (по: Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Указ. соч. Кат.66)

Грифон здесь отображен с разной степенью редуцированности - либо погрудно (2, 3, 4), либо погрудно с вытянутыми вперед передними ногами - в виде протомы (1), либо погрудно с рудиментарным безногим туловищем (5). Это орлиноголовый грифон позднегреческого типа - с клювом хищной птицы, с ушами и гребнем, с туловищем зверя и, в одном случае (1), с ногами хищника. Кужорский грифон, кроме того, наделен коротким рогом на лбу (4). Шея перпендикулярна груди (может быть немного согнута вперед - 4), голова перпендикулярна шее и, соответственно, горизонтальна (1-3, 5) или полуопущена (4). Шея и грудь грифонов на кужорских налобниках разделены поперечными валиками на крупные гладкие участки (имитация чешуи рептилии? свисающие складки шерсти на груди?) (4), тогда как грудь грифона в изображении из Ольвийской хоры заполнена рельефной пальметкой между волютами (2).

**Аналогии и хронология.** Основу хронологии данного типа составляют изображения из таких объективно датированных комплексов, как курган 4 могильника Носаки (2-я пол. IV в. до н.э.)<sup>[22]</sup> и курган 5 Уляпского могильника (1-я пол. IV в. до н.э.)<sup>[23]</sup>. Кроме того, кужорские изображения на наноснике (4-1, 4-2) по композиции, трактовке деталей и технике моделировки демонстрируют местное подражание таким вполне греческим изображениям, как головы - золотые украшений саркофага из кургана Большая Близница, датированного серединой - 2-й пол. IV в. до н.э.<sup>[24]</sup> Значительное морфологическое сходство с данными изображениями имеет грифон на налобнике из Ольвийской хоры (2), при этом его публикаторы полагают, что «четкая форма пальметки позволяет датировать изделие не позднее V в. до н.э.»<sup>[25]</sup>. Очевидно, если и датировать ольвийское изображение V в. до н.э., то не ранее 2-ой половины этого столетия. Изображение из Старинской птицефабрики (3), весьма сходное с носакинским и из Ольвийской хоры (1, 2), но более упрощенное (клюв сомкнут, гребень рудиментарен) не может датироваться ранее их. Таким образом, вероятные хронологические рамки данного типа - **2-я пол. V - IV в. до н.э.**

**Тип 3 Корнеевско-будковский** объединяет 10 изображений, происходящих в основном с территории Среднего Поднепровья (2-10), а также из Нижнего Поднепровья (1). Это изображения, оформляющие бронзовые уздечные наносники/налобники<sup>[26]</sup>. Изображения моделированы скульптурно, но в расчете преимущественно на профильный обзор. Здесь представлены голова, шея и грудь некоего существа с клювом хищной птицы или клювообразной мордой, с ушами и гребнем на голове и/или на шее (в одном случае гребень отсутствует - 10), что в общем соответствует иконографии грифона позднегреческого типа. Кроме того, большинство изображений (1-7), возможно, содержат схематичное воспроизведение сведенных передних лап при помощи продольного рифления грудной части (возможна и другая версия: это имитация



шерсти). Шея перпендикулярна груди (может быть немного приподнята - 3, 4), голова перпендикулярна шее (также может быть немного приподнята - 1, 3, 4) и, соответственно, параллельна груди. Восковица чаще отображена с помощью рельефного выступа над поверхностью надклювья или по бокам надклювья (1-8, 10), но может сливаться с гребнем (9). В ряде изображений завиток надклювья, обособляясь от восковицы, фактически превращается в закрученный рельефный язык (4-7, 10), а подклювье скорее напоминает короткую нижнюю челюсть кошачьего хищника с утолщенным или свисающим подбородком (2-7, 10), причем в изображениях из Скифской могилы эта нижняя, «звериная» челюсть даже обособляется от верхней, «птичьей», что подчеркивает синкретическую природу образа (8). В хитцовском изображении (2) надклювье имеет членистую структуру, наподобие птичьего когтя. Ладыжичинское изображение (10) находится на границе образов скифского грифона и нехищной птицы, поскольку в данном случае сильно обособленная от надклювья восковица может трактоваться и как надклювье нехищной птицы (тем более, что она отделена от глазной части валиком, который сам может трактоваться как край восковицы), и в таком случае изогнутый валик является не клювом, а языком в открытом рту птицы (рис. 3).



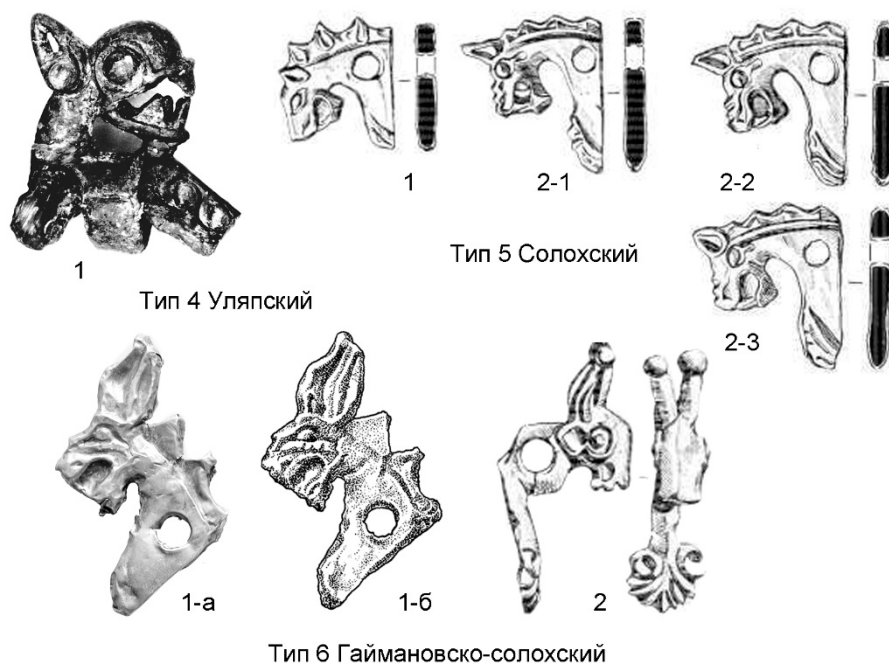
Рис.3. Образ грифона. Протомы и погрудные изображения. Тип 3 Корнеевско-будковский: 1 - Корнеевка, курган 2, погребение 2 (по: Ковалев Н.В., Полин С.В. Скифские курганы у с. Корнеевка Запорожской области // Курганы степной Скифии / Под ред. Ю.В. Болтрика, Е.П. Бунятян. Киев, 1991. Рис.8: 16); 2 - Хитцы (по: Могилов А.Д. Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. Київ; Кам'янець-Подільський. 2008. Рис.167:5); 3а, 3б - Роменский уезд (по: Могилов А. Д. Указ. соч. Рис.166:23); 4 - Будки (по: Могилов А. Д. Указ. соч. Рис.166: 25); 5 - Грушевка, курган 383 (по: Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднестровья в V III вв. до н.э. // Свод археологических источников. Д 1-4. М., 1967. Табл.29:22); 6 - Стайки верх, курган 2 (по: Могилов А. Д. Указ. соч. Рис.167: 3); 7 - Умань, курган 4, погребение 3 (Могилов А. Д. Указ. соч. Рис.166: 30); 8 - Скифская могила, Боковая гробница (по: Скорый С., Хохоровски Я. Аристократический курган Скифская Могила вблизи Мотронинского городища (Украинская Правобережная Лесостепь) // Stratum plus. 3. 2005-2009. Рис.30: 1); 9 - Аксютинцы, курган 2 (раскопки 1883-1885 гг.) (по: Могилов А. Д. Указ. соч. Рис. 167: 14); 10 - Малые Ладыжичи, курган 1886 г. (по: Шкурко А.И. О локальных различиях в искусстве лесостепной Скифии // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / Под ред. А.И. Мелюковой, М.Г. Мошковой. М., 1976. Рис.4: 5)

Рассматривая морфологическую динамику в рамках данного типа, мы наблюдаем, как в ходе тиражирования в варварской среде канона грифона позднегреческого типа, столь четко реализованного в вышеописанных изображениях типа 2 (Носакинско-кужорский), происходит либо общая схематизация (1, 9), либо изживание грифоновых признаков - атрофирование гребня (1-9), вплоть до его исчезновения (10), дробление и модификация клюва (2-10), упрощение и аморфизация клюва (9).

Основу хронологии данного типа составляют изображения из объективно датированных комплексов: из Боковой гробницы Скифской могилы (V в. до н.э.)<sup>[27]</sup> и из Корнеевки, курган 2, погребение 3 (последняя

четверть V в. до н.э.) [28]. Остальные изображения, подражающие характерному для V-IV вв. до н.э. типу позднегреческого грифона, должны датироваться в этих хронологических рамках. Кроме того, нововладимировское изображение найдено в комплексе с бляхами в виде выделенного нами в специальном исследовании определенного типа обособленных конечностей хищника («Солоха-Чертомлык»), а дата это типа, в свою очередь, была установлена нами как V - IV вв. до н.э. [29] Таким образом, предельные хронологические рамки типа 3 (Корнеевско-будковский) - V-IV вв. до н.э.

**Тип 4 Уляпский** представлен единственным изображением, происходящим с территории Прикубанья и оформляющим бронзовый налобник из 8-го кургана Уляпской группы (1). Это скульптурная, рассчитанная на трехмерное обозрение протомы короткоухого короткоголового хищника (т.е. семейства кошачьих) с рудиментарными ногами, раскрытой пастью, верхняя челюсть которой в сочетании с треугольным верхним клыком имеет столь значительное сходство с клювом, что это заставляет допускать стремление мастера изобразить не столько кошачьего хищника, сколько грифона. Вместе с тем, данное изображение в отношении моделировки, общей композиции и трактовки анатомических деталей аналогично полнофигурному объемному изображению лежащего кошачьего хищника с обращенной назад головой, оформляющего выпуклый ажурный конский налобник второй половины IV в. до н.э. из кургана 1 Кужорской группы [30]. И, судя по размещению рудиментов передних ног на уляпской протоме, соответствующих ногам этого кужорского зверя, уляпский хищник также показан с повернутой назад головой, сливающейся подбородком с выступом спины (рис. 4).



Курган 8 Уляпского могильника по дате найденной в нем боспорской (пантикапейской?) амфоры датируется 2-й пол. IV в. до н.э. [31], соответственно следует датировать и сам Уляпский тип.

**Тип 5 Солохский** включает 2 оригинальных изображения, происходящие с территории Нижнего Поднепровья (из бокового погребения кургана Солоха), оформляющие бронзовые обложенные золотом наносники (1, 2-1, 2-2, 2-3). Изображения моделированы в двустороннем рельефе, строго профилно, в расчете на боковой обзор. Это протомы львиноголового грифона с отчетливым гребнем рептилии (1) или с гривой, напоминающей одновременно грифоний гребень (2-1, 2-2, 2-3). Шея перпендикулярна груди, голова перпендикулярна шее. Уши короткие подтреугольные, свойственные кошачьим хищникам. Нос может быть гладким (1), может иметь рельефные складки (2), типичные для льва. В основании грудной части продольным рифлением показана шерсть или же имитирована лапа (рис. 4).



По чернолаковому килику комплекс бокового погребения Солохи датируется **400-375 гг. до н.э.**<sup>[32]</sup>, соответственно следует датировать и выделенный нами Солохский тип.

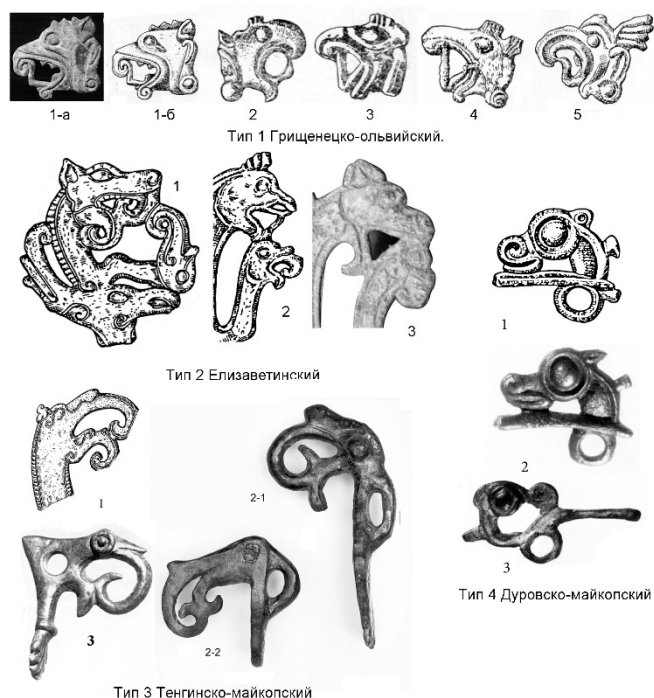
**Тип 6 Гаймановско-солохский** объединяет 2 изображения, происходящие с территории Нижнего Поднепровья. Они оформляют бронзовый обложенный золотом налобник из бокового погребения Солохи (2) и золотой налобник/наносник из двух половинок - обкладок деревянной основы, происходящий из центральной гробницы Гаймановой могилы (1). Изображения моделированы в двустороннем рельефе, в расчете преимущественно на боковой обзор. Это погрудное изображение львиноголового грифона с козлиными/бычьими рогами, а гаймановское изображение, кроме того, содержит и гребень рептилии. Возможно, это попытка передать облик львиноголового грифона ахеменидского типа с рогами (**рис. 4**).

Шея перпендикулярна груди, голова перпендикулярна шее. Уши отходят назад, противонаправленно морде. На уши опираются, почти сливаясь с ними, короткие рога - скорее бычьи, возможно, козлиные; в солохском изображении (2) они кончаются шариками. В основании грудной части солохского налобника помещена рельефная 7-лепестковая пальметка (передача львиной шерсти на груди или же имитация лапы).

**Хронология**. По объективным показателям комплекс бокового погребения Солохи, как уже отмечалось выше, датируется 400-375 гг. до н.э. Комплекс Гаймановой могилы в целом по амфорам и другим импортам был датирован началом 2-й пол. IV в. до н.э.<sup>[33]</sup> или 360-325/320 гг. до н.э.<sup>[34]</sup>, однако недавно С.В. Полин по тем же основаниям датировал центральную гробницу этого кургана более ранним и более узким интервалом - 390-380 гг. до н.э.<sup>[35]</sup> Следовательно, предельные рамки данного типа: **400-320 гг. до н.э.**

### §1-1-2. Головы грифонов

В рамках данного таксона дифференцируются 4 типа (**рис. 5**).



**Рис.5. Образ грифона. Головы. Тип 1 Грищенецко-ольвийский:** 1-а, 1-б - могильник Грищенцы, погребение 7 (фото (1-а) по: Яценко И.В. Искусство эпохи раннего железа // Произведения искусства в новых находках советских археологов. М., 1977. Табл. 7; рисунок (1-б) по: Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V-III вв. до н.э. // Свод археологических источников. Д 1-4. М., 1967. Табл. 31: 10); 2 - Берестяги, курган 5 (по: Там же. Табл. 31: 20); 3 - Журовка, курганы Г (по: Там же. Табл. 31:17); 4 - Золотой курган (по: Капошина С.И. О скифских элементах в культуре Ольвии // Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху // Материалы и исследования по археологии СССР. № 50. 1956. С. 186, рис. 24: 3); 5 - Ольвия (по: Капошина С.И. Указ. соч. С. 186, рис. 24:2). **Тип 2 Елизаветинский:** 1 - хутор Прикубанский (по: Марченко И.И., Лимберис Н.Ю., Бочковой В.В. Новый меотский могильник у хут. Прикубанский // Третья кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов / Под ред. И.И. Марченко. Краснодар-Анапа, 2001. Рис. на с. 93); 2 - Елизаветинский курган 7, 1917 г. (по: Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Указ. соч. Рис.15: 1); 3 - Краснодарский музей, случайная находка в районе Майкопа в 1917 г. (по: L'or des Amazones: peuples nomades entre Asie et Europe, VIe siècle av. J.-C. - IVe siècle apr. J.-C.: Musée Cernuschi, Musée des arts de l'Asie de la ville de Paris, 16 mars-15 juillet. Paris, 2001. 87—89, fig. 20)

**Тип 1 Грищенецко-ольвийский** объединяет 5 изображений, происходящих с территории Среднего Поднепровья (1-3), Крыма (4) и Нижнего Побужья (5); они оформляют бронзовые уздечные бляхи. Изображения моделированы в одностороннем рельефе. Здесь представлены головы монстров с мордой, похожей на морду кошачьего хищника, но с клювовидно загнутой верхней челюстью (в одном случае (1) сходство с птицей дополнительно подчеркнуто присутствием восковицы, край которой уступом переходит в клюв, а сходство с хищным зверем - наличием зубов) и с хохолком-гребнем на темени, что и составляет, как мы помним, иконографические признаки грифона. Рот при этом замыкается ломаным языком, который исходит от нижней челюсти, переламывается под прямым или острым углом и упирается в верхнюю челюсть, иногда загibasя внутрь окончания клюва (1, 3); таким образом, язык занимает именно то место в композиции, которое в изображениях хищников отдано крупным клыкам - ср., в частности, головы львов и иных кошачьих на аналогичных бляхах из Нимфейского некрополя (курган 32) [36], Журовки (курган 400) [37] и Макеевки (курган 491) [38]. Кожно-шерстная складка часто трансформирована в птичью голову, клюв которой направлен вверх и упирается в ухо (1, 2, 4, 5).

Хронология типа определяется изображениями из комплексов, объективно датированных по античной керамике: курганы Г Журовки (усредненная датировка: конец VI - начало V в. до н.э.) [39] и курган 5 Берестняг (2-ая половина V в. до н.э.) [40]. Комплекс погребения 7 Грищенецкого могильника датирован В.Г. Петренко началом или 1-й пол. V в. до н.э. [41] именно на основании бляхи с изучаемым нами изображением (1). Учитывая четкость и высокое качество данного изображения, вполне возможно относить его к ранней стадии выделенного нами типа, что соответствует датировке В.Г. Петренко. Остальные изображения так или иначе сходны с вышеуказанными и должны датироваться близким временем. Такая хронологическая позиция не противоречит стилистической близости и явной вторичности данного типа по отношению к вышеупомянутым головам хищников на аналогичных бляхах из кургана 400 Журовки и кургана 491 Макеевки, датированных по античной керамике 1-й пол. V в. до н.э. [42], а также на бляхах из кургана 32 некрополя Нимфея, могильник которого по античному импорту и иным показателям датирован в целом в рамках 475-425 гг. до н.э. [43] Таким образом, предельные хронологические рамки данного типа - **конец VI - V в. до н.э.**

**Тип 2 Елизаветинский** объединяет 3 изображения, происходящие с территории Прикубанья и оформляющие щитки бронзовых псалиев (1-3). Моделировка плоскостная односторонняя, с оформлением деталей с помощью прорезей и углубленных линий. Здесь представлены головы на длинных тонких шеях. Данные монстры наделены челюстями хищников, переходящими в птичьи клювы - это нечто среднее между кошачьим хищником и орлиноголовым грифоном позднегреческого типа. У монстра на псалии из хутора Прикубанский (1), кроме того, показано ухо, превращенное в трехлепестковую перевернутую пальметку, рифленой полоской вдоль края пасти имитированы зубы, а нижняя челюсть превращена в дополнительную птичью головку, глаз которой имитирован волнитообразным углублением.

Эти головы и шеи составляют элемент зооморфной трансформации. В одном случае эта голова зажата между двумя птичьими головами, вместе с которыми она трансформирует рога оленя, чья голова, в свою очередь, оформляет щиток псалия (1). Еще в двух случаях это элементы зооморфной трансформации птичьих лап, оформляющих щитки псалиев (2, 3) - превращение наименьшего пальца, в которое впирается кошачий хищник, трансформирующий предыдущий палец.

Ближайшую стилистическую аналогию изображениям данного типа составляют головы хищников на тех же изделиях, трансформирующие остальные отростки оленьих рогов или птичьих лап. Хронологию данного типа следует устанавливать по изображению (2) из датированного по античной керамике и торевтике Елизаветинского кургана 7 раскопок 1917 г. (3-я четв. IV в. до н.э.) [44]. Изображение из Краснодарского музея (3) очень близко елизаветинскому. Тем самым хронологические рамки всего типа могут быть определены как **3-я четв. IV в. до н.э.**

**Тип 3 Тенгинско-майкопский** объединяет 3 изображения, происходящие с территории Прикубанья (1-3) и оформляющие бронзовые наносники/налобники (2-1, 2-2 (два варианта одного изображения), 3) и элемент бронзового навершия (1) - верхнюю часть переднего отростка рогов оленя. Изображения моделированы либо в одностороннем низком рельефе с доработкой деталей углубленными линиями (1), либо скульптурно (2-1, 2-2, 3), но в расчете преимущественно на профильный обзор, с использованием прорезей для моделировки деталей. Здесь представлены голова и шея (а в двух случаях (2-1, 2-2, 3) еще и грудная часть) грифона с сильно загнутым (на 180 или почти на 360 градусов) клювом хищной птицы, в одном случае - с ухом, превращенным в трехлепестковую пальметку (1). Этот тип изображений находится на грани образов грифона и хищной птицы, при этом клюв здесь сочетается с короткой мощной звериной челюстью, в которую он упирается своим изгибом и которая имеет характерный свисающий подбородок (в изображении на Тенгинском навершии (1) эта звериная челюсть превращена в дополнительную головку грифона или ушастой птицы). Таким образом, в изображениях данного типа грань между образами птицы и грифона перейдена в пользу последнего.

Голова перпендикулярна шее, шея в одном случае плавно переходит в расширенную грудную часть (2-1, 2-2), еще в одном случае (3) грудь отделена от шеи горизонтальным валиком и преобразована в пальметку (возможно, это не грудь, а лапа).

Тенгинско-майкопский тип композиционно соответствует, с одной стороны, описанным выше типам погрудных изображений грифона - Носакинско-кужорскому (2-я пол. V - IV в. до н.э.) и Корнеевско-будковскому (V-IV вв. до н.э.), с другой - определенному типу погрудных изображений птиц, в частности происходящих из комплекса кургана 1 у с. Волковцы, (раскопки С.А. Мазараки 1897-1898 гг.), объективно датированного 2-й четв. - 2-й пол. IV в. до н.э. по античной керамике [45]. Изучаемый тип представляется прикубанским производным от этих более массовых и широко распространенных типов - причем таким дериватом, в котором почти утрачена грань между образами грифона и птицы.

Составляющие основу данного типа тенгинские изображения (1, 2-1, 2-2) происходят из комплекса, датированного по античным импортам (керамике и торевтике) 2-й пол. IV - нач. III в. до н.э. [46]. Майкопское изображение (3) может датироваться в тех же рамках, но с тяготением к началу этого периода, с учетом его высокого качества и попытки мастера передать лапу грифона. Таким образом, рамки данного типа: **2-я пол. IV - нач. III в. до н.э.**

**Тип 4 Дуровско-майкопский** объединяет 3 изображения, происходящие с территории Прикубанья (2, 3), и Среднего Подонья (1) и оформляющие бронзовые наносники/налобники. Изображения двусторонне-рельефные, рассчитанные на боковой обзор, моделированы с использованием сквозных отверстий. Здесь представлены голова, шея и рудиментарная грудная часть грифоподобного существа - с мордой зверя и знаком гребня на шее - вероятная модификация орлиноголового грифона позднегреческого типа, слитого с местными образами копытных или хищников. Центром симметрии является преувеличенный глаз. Животное представлено с дуговидно изогнутой шеей, перпендикулярной груди, голова продолжает линию шеи и упирается нижней челюстью в грудь. Изображения трактованы крайне лаконично - по сути, голова составлена огромным глазом и примыкающей к нему носовой частью.

Ближайшую морфологическую аналогию данному типу составляют изображения «оленекозла», - мотива, прикубанского по происхождению, оформляющего такие же бронзовые наносники/налобники и функционировавшего в восточноевропейском скифском зверином стиле (преимущественно в Прикубанье) в пределах сер. IV - нач. III в. до н.э. [47] Изучаемый тип изображений грифона - дериват и переосмысление темы «оленекозла», что, скорее всего, происходило в результате гипертрофирования рога и исчезновения головы «оленекозла» в ходе тиражирования. Таким образом, данный тип грифона не мог появиться ранее возникновения образа «оленекозла». Этому не противоречит имеющаяся датировка А.П. Абрамовым одного из комплексов, содержащих изображения данного типа - из кургана 1 Дуровки - по амфоре Книдского/Косского производства 2-й половиной IV - 1-й половиной III в. до н.э. [48] Аналогично следует датировать и майкопское изображение, практически тождественное дуровскому. Таким образом, предельные хронологические рамки данного типа: **2-я пол. IV - 1-я пол. III в. до н.э.**

## **§1-2. Полнофигурные изображения грифона**

**Таксономические уровни классификации.** Основу морфологического дифференцирования полнофигурных изображений грифона составили три универсальных таксономических уровня:

1. *По позиции ног относительно оси туловища* полнофигурные изображения грифона разделяются на три универсальных сюжетных группы:

группа I - нижние части ног параллельны оси туловища как минимум ниже сгиба запястья (передняя нога) и сустава заплюсны (задняя нога) - грифоны лежащие и летящие в прыжке;

группа II - нижние части ног под углом или перпендикулярны туловищу - стоящие, идущие;

группа III - комбинация обеих позиций ног - полулежащие-полустоящие.

В рамках I группы изображения грифона дополнительно дифференцируются *по взаимоположению передних и задних ног* на 3 сюжетные подгруппы:

подгруппа I-1 - передние и задние ноги - вперед;

подгруппа I-2 - передние ноги назад, задние вперед;

подгруппа I-3 - передние ноги вперед, задние назад.

В рамках II и III групп такое деление на данный момент нецелесообразно из-за малой вариативности взаиморасположения ног.

2. По позиции головы относительно туловища каждая сюжетная группа (в рамках I группы - соответствующие подгруппы) разделяется на 2 универсальных сюжетных отдела:

отдел I - изображения грифонов с головой, однонаправленной с туловищем (голова показана либо прямо и горизонтально, либо поднята, либо опущена);

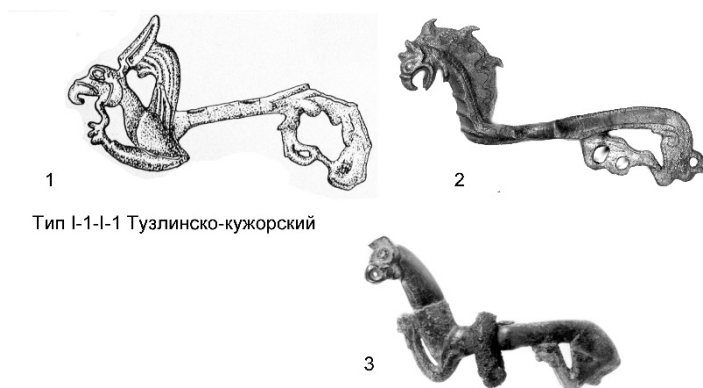
отдел II - изображения грифонов с повернутой головой (либо назад, либо вполборота, либо анфас и т.д.).

3. По менее значимым композиционным показателям, а также с учетом иных морфологических (стилистических) признаков каждый сюжетный отдел разделяется на морфологические типы.

### Группа I - подгруппа 1 - отдел I

В рамках данного таксона дифференцируются 5 типов.

**Тип I-1-I-1 Тузлинско-кужорский** объединяет 3 изображения из Прикубанья, оформляющие S-образные бронзовые двудырчатые псалии (1-3). Изображения моделированы скульптурно, но в расчете преимущественно на профильный обзор, соответственно парные органы (уши, крылья, ноги) даны в строго профильном ракурсе. При этом детали в тузлинском и майкопском изображениях (1, 3) переданы рельефом, тогда как в кужорском изображении (2) проработаны и рельефом, и углублёнными линиями (**рис. 6**).



Тип I-1-I-1 Тузлинско-кужорский

*Рис. 6. Образ грифона. Полнофигурные изображения. Тип I-1-I-1 Тузлинско-кужорский: 1 – Тузлинский могильник (по: Кашаев С.В. Тузлинские курганы (по материалам публикаций и архивов) // Российский археологический ежегодник. № 3. 2013. Рис.5: 2); 2 станица Кужорская, курган 1 (по: Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Указ. соч. Кат.92); 3 – Майкопский клад (по: Leskov A. M. Op. cit. № 254)*

Данный тип изображений представляет синкретических существ в едином композиционном построении: с прямой спиной, с шеей наискось вверх, с головой, перпендикулярной шее, т.е. немного наклонённой, и с ногами, подогнутыми под острым углом к туловищу: при этом задние ноги упираются в низ живота, а передние почти параллельны (3) или почти параллельны шее (1) (у кужорского грифона (2) отображены только задние ноги, передние отсутствуют). Образная природа этих персонажей не идентична: кужорский монстр (2) - это очевидная реализация канона позднегреческого грифона (туловище и лапы хищника, клювовидная голова хищной птицы, гребень рептилии). Тузлинского персонажа (1) Е.В. Переводчикова рассматривает как позднее проявление мотива протома грифона раннегреческого типа, но трактованного, в сравнении с традицией «скифской архаики» «по-новому», - в стиле круга Семибратних курганов V в. до н.э. [49] На майкопском же псалии (3) представлен монстр с туловищем хищника, короткой головой, коротким широким ухом и с клювовидной мордой - т.е. гибрид кошачьего хищника и птицы, своеобразный вариант грифона без крыльев. Однако композиционное единство и значительное сходство в трактовке анатомических деталей позволяет условно относить все три изображения к единому морфологическому типу.

**Морфологическая динамика, аналогии и хронология.** Как уже говорилось, Е.В. Переводчикова относит тузлинское изображение к прикубанскому стилю круга Семибратних курганов V в. до н.э., объединяемых (в противовес памятникам «елизаветинского стиля» IV в. до н.э. из Елизаветинских курганов) рельефной



моделировкой и определенными особенностями трактовки анатомических деталей[50]. По моделировке деталей, по полноте реализации образа очевидно, что тузлинское изображение является первичным в эволюционном ряду выделенного нами типа, тогда как майкопское, будучи близким ему по моделировке, уже теряет иконографические элементы грифона (нет крыльев, длинного уха, соответствующего канону «остроклювой молчаливой собаки Зевса»).

Майкопское изображение демонстрирует, помимо прочего, композиционное сходство с изображением оленя на аналогичных псалях из Уляпского могильника (курган 2, ритуальная площадка)[51], с которым и следует его синхронизировать. Между тем комплекс Уляпского 2-го кургана на основе амфорного материала датируется 1-й пол. (ближе к середине) IV в. до н.э.[52]

Кужорское изображение находится в конце внутритипового эволюционного ряда, поскольку наряду с объемностью «семибратненского стиля» наделено чертами плоскостной моделировки с доработкой углубленными линиями («елизаветинский стиль») и упрощено сообразно фактуре оформляемой вещи (утрачены передние ноги). При этом кужорское изображение возникло не только в результате внутритиповой стилистической эволюции, но и под воздействием внешнего импульса - позднегреческого канона грифона. Кужорские изображения на псалях очень близки в своей грудной части изображению на налобнике из того же комплекса. Этот налобник относится к вышеописанному типу 2 протом грифона (Носакинско-кужорский). Как и эти протомы, кужорские изображения на псалях по композиции, трактовке деталей и технике моделировки демонстрируют копирование местными мастерами таких вполне греческих изображений, как головы - золотые украшения саркофага из кургана Большая Близница, датируемого серединой - 2-й пол. IV в. до н.э.[53]

Таким образом, совокупные предельные рамки данного типа: **V - 3-я четв. IV в. до н.э.**

**Тип I-1-I-2 Елизаветинский** составляют 2 изображения из Прикубанья - на бронзовых налобниках из Елизаветинских курганов (1, 2). Моделировка плоскостная ажурная, контуры деталей обозначены углубленными линиями и прорезями. Фигуры строго профильные. Здесь представлены крылатые существа с туловищем и ногами хищника, с головой, сочетающей черты хищного зверя и птицы (клювовидные челюсти), с рогами лани (*Cervus dama*) (1) и благородного оленя (*Cervus elaphus*) (2), с множеством зооморфных превращений анатомических деталей (см. ниже) (рис. 7).

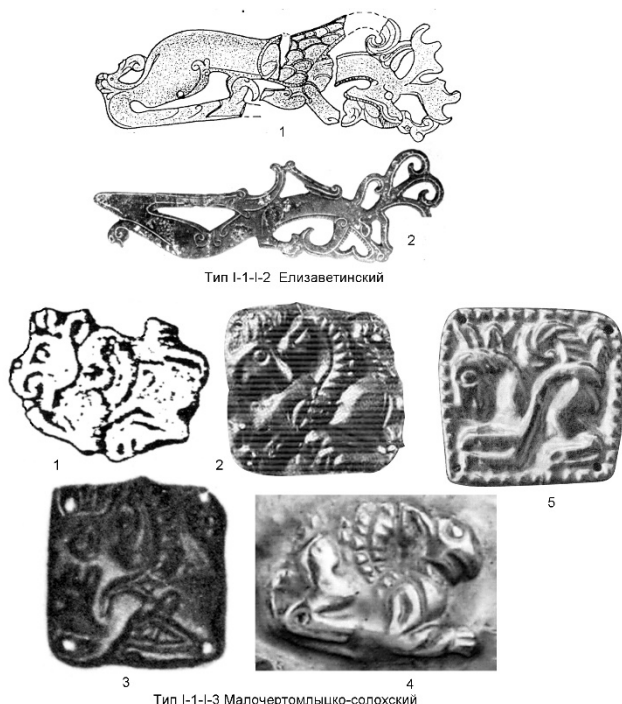


Рис. 7. Образ грифона. Полнофигурные изображения. Тип I-1-I-2 Елизаветинский: 1 – Южный Елизаветинский курган 4, 1913 г. (по: Галанина Л.К. Кубанское уздечное снаряжение IV в. до н. э. (по материалам Елизаветинского кургана, раскопанного Н.И. Веселовским в 1913 г.) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 37. 2005. Табл.1: 1); 2 - Елизаветинский курган 7, 1917 г. (по: Яценко И.В. Искусство скифских племен Северного Причерноморья // История искусства народов СССР: в 9 т. Т.1 / Под ред. А.Л. Монгайта, Н.В. Черкасовой. М., 1971. С. 121, илл.143). Тип I-1-I-3 Малочертотмыцко-солохский: 1 - Малый Чертомлык (по: Мозолевский Б.Н. Малый Чертомлык // Скифы Северного Причерноморья / Под ред. Е.В. Черненко. Киев, 1987. Рис.6: 24); 2 Солоха, Боковое погребение (по:



Манцевич А.П. Указ. соч. Кат. 42); 3 - лесостепное Поднепровье, из собрания Зноско-Боровского (по: Ханенко Б.Н., Ханенко В.И. Древности Приднепровья и побережий Черного моря. Вып. III. Киев, 1900. Табл. LVIII, с); 4 - Бердянский курган (по: Oro: Il mistero dei sarmati e degli sciti. Catalogo della mostra (Milano, 15 marzo-15 giugno 2001). Milano, 2001. 233, fig. 2); 5 Краснопереконские курганы, курган 22 (по: Лесков О.М. Скарби курганів Херсонщини. Київ, 1974. Рис. 77 правый)

Монстры представлены с прямоугольно подогнутой передней ногой, упирающейся лапой в нижнюю челюсть, с задней ногой, в одном случае подогнутой вперед под прямым углом с упором лапой в живот (1), в другом случае аналогично, но задняя часть туловища и задняя нога вывернуты на 180 градусов, поэтому задняя нога упирается внешней стороной лапы в спину зверя (2). Шея вытянута вперед, голова перпендикулярна шее и опущена вертикально, как бы грызет землю. В одном случае (2) каждая челюсть превращена, по сути, в птичью голову, клюв которой совпадает с челюстью, а роль птичьего глаза играет помещенный в основание челюсти монстра углубленный кружок (верхняя челюсть) или завиток (нижняя челюсть). К носу другого монстра (1) примыкает птичья голова, направленная клювом к переднему отростку рогов и упирающаяся в него. Ухо в одном случае выполнено в виде трехлепестковой пальметки с завитками лепестков (1). Крыло либо направлено вперед и немного вверх, упирается окончанием в ухо (1), либо, будучи резко уменьшенным (состоит всего из трех продольных полосок, имитирующих перья), развернуто назад и упирается окончанием в конец лапы вывернутой задней ноги (2). Лапы преувеличенные, сведены к одному огромному пальцу с загнутым когтем. Тазобедренная впадина заполнена клювовидным завитком (имитация самцовых гениталий?), перед ним в одном случае прочерчены еще два завитка (2). Хвост прилегает к задней стороне бедра и у изгиба ноги выгибается в обратную сторону, причем его окончание превращается в голову хищной птицы.

Близкую аналогию данному типу составляет амбивалентное изображение на бронзовом налобнике из кургана 3 Филипповки в Южном Приуралье, обнаруженном на горизонте под насыпью, в сочетании с рядом других уздечных предметов, оформленных в прикубанском стиле [54]. Это изображение может интерпретироваться одновременно как фигура копытного (олень?) с подогнутой задней ногой и вывернутой передней ногой (ноги зверя, при этом, в свою очередь, трансформированы в головы птиц с длинным загнутым клювом и ступенчатой восковицей), так и в качестве обособленной ноги со свисающим копытом с акцентированным рудиментарным пальцем-«шпорой», превращенным, опять-таки, в птичью голову [55].

Данному типу грифонов наиболее близки стилистически (а изображению номер 2 данного типа – еще и в композиционном отношении, учитывая вывернутость задней части на 180 градусов) изображения лежащего хищника из Уляпского кургана 2 [56], из кургана 2 некрополя II Тенгинского городища [57], из Майкопскогоклада [58] и Мезмая [59], образующие единый морфологический тип IV - начала III в. до н.э.

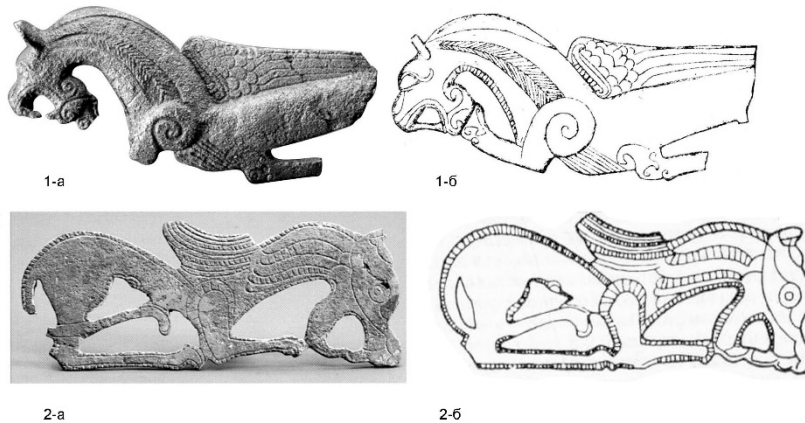
Хронология Елизаветинского типа определяется объективными датировками (по античной керамике и торовтике) соответствующих курганов Елизаветинской группы - кургана 4/1913 г., или Южного (1-я четв. IV в. до н.э.), а также кургана 7/1917 г. (3-я четв. IV в. до н.э.) [60]. Таким образом, совокупные рамки типа - **1-я - 3-я четв. IV в. до н.э.** Вышеприведенные аналогии не противоречат этой датировке.

**Тип I-1-I-3 Малочертомлышко-солохский** объединяет 5 изображений, происходящих из Нижнего Поднепровья (1, 2, 4, 5) и Среднего Поднепровья (3) - на золотых нашивных бляшках (1-3, 6) и на золотой обивке деревянного сосуда (4). Изображения рельефные. Здесь представлены существа с телом хищника, с крыльями, с головой, комбинирующей черты кошачьего хищника и орла (клювовидная верхняя челюсть), с гребнем (в одном случае гребень не прослеживается - 4). Вероятно, это некая модификация грифона позднегреческого типа. Грифон показан чаще со всеми четырьмя ногами (2, 3, 5), реже - строго профильно (1, 4). Крылья ориентированы вертикально, перпендикулярно туловищу. Голова опущена вниз, чаще наискось, в одном случае вертикально (5) (рис. 7).

Хронология типа определяется объективными датировками (по античной керамике) курганов Малый Чертомлык (2-я пол. V в. до н.э. или, уже, 3-я четв. V в. до н.э.) [61], Солоха, впускное погребение (400-375 гг. до н.э.) [62] и Бердянский (предельные границы: 1-я треть IV в. до н.э.) [63]. Бляшки из собрания Зноско-Боровского, на близкое сходство которых с бляшками из Солохи уже указывала А.П. Манцевич [64], должны датироваться аналогично солохским. Краснопереконские изображения - заключенные в рамку (признак, более свойственный IV в. до н.э.) и крайне схематичные - не могут датироваться ранее вышеописанных. Таким образом, хронологические рамки данного типа - **2-ая пол. V - IV в. до н.э.**

**Тип I-1-I-4 Майкопский** объединяет 2 изображения из Прикубанья - случайные находки в районе Майкопа. Они оформляют предметы конского снаряжения - элемент бронзового псаля (1) и бронзовую бляху (2). Изображения выполнены в одностороннем высоком рельефе с дополнением некоторых деталей углубленными линиями (1), либо плоскостные с передачей анатомических элементов углубленными линиями и прорезями (2). Фигуры в целом строго профильные, однако на псалии показаны оба уха (1), на

бляхе - обе задние ноги (2). Здесь представлен крылатый кошачий хищник. Зверь показан с прямоугольно подогнутой передней ногой, упирающейся лапой в подбородок (на псалии эта нога ныне фрагментирована (1-а), но в более ранней публикации еще зафиксирована в сохранном состоянии (1-б)), с задней ногой (на псалии она обломана в основании - 1), подогнутой вперед с упором лапой в живот, при этом в изображении на бляхе (2) вторая задняя нога упирается в локтевой сустав передней ноги. Шея дуговидно изогнута, голова продолжает линию шеи и направлена мордой к земле. Крыло ориентировано горизонтально вдоль спины (рис. 8).

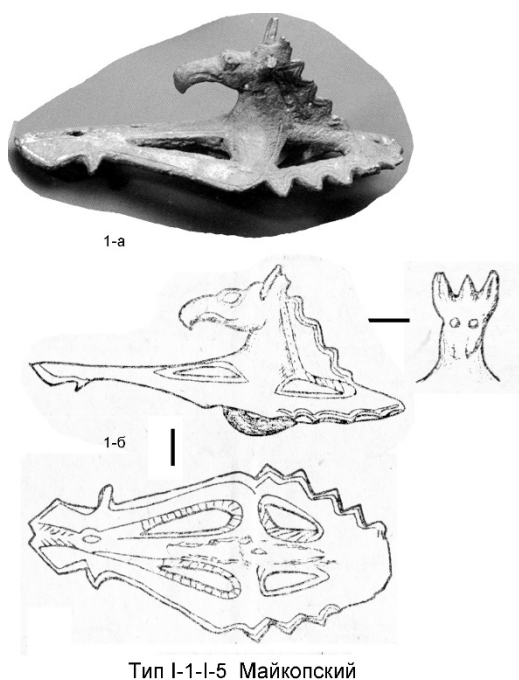


Тип I-1-I-4 Майкопский

Рис.8. Образ грифона. Полнофигурные изображения. Тип I-1-I-4 Майкопский: 1-а, 1-б - Майкоп, случайная находка (фото (1-а) по: L'Or des Amazones... Cat. № 17; рисунок (1-б) по: Переводчикова Е.В. Характеристика предметов скифского звериного стиля // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа / Под ред. Н.И. Кирея. Краснодар, 1984. Рис.4: 11); 2-а, 2-б - Майкоп, случайная находка (фото (2-а) по: L'Or des Amazones... Cat. № 18; рисунок (1-б) по: Переводчикова Е.В. Характеристика предметов скифского звериного стиля // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа / Под ред. Н.И. Кирея. Краснодар, 1984. Рис.25: 14)

Не имея непосредственных аналогий, данные изображения композиционно-стилистически близки вышеописанному типу «грифонов» I-1-I-2 (Елизаветинский) 1-ой - 3-ей четверти IV в. до н.э. В этих хронологических рамках и следует датировать изучаемый тип.

**Тип I-1-I-5 Майкопский** составлен единственным изображением, оформляющим бронзовый налобник из Прикубанья - случайную находку в районе Майкопа (1). Здесь представлен монстр с головой хищной птицы, острыми (вольчими?) ушами, гребнем рептилии, передними ногами копытного и задними ногами хищника, т.е. существо, близкое канону позднегреческого грифона. Моделировка шеи и головы скульптурная, рассчитанная на трехмерное обозрение, моделировка минимизированного туловища и ног плоскостная, рассчитанная на одностороннее обозрение, в ракурсе в плане (оборотная сторона примыкает к морде лошади), с оформлением деталей углубленными линиями. Хищник лежит с вытянутыми вперед прямыми ногами, развёрнутыми в плане, причем передние ноги сходятся в окончаниях внешними сторонами копыт, задние расходятся, упираясь окончаниями в локтевые суставы передних ног. В плане фигура имеет асимметрично-ромбические очертания. Шея перпендикулярна туловищу, голова перпендикулярна шее (рис. 9).



Тип I-1-I-5 Майкопский

Рис.9. Образ грифона. Полнофигурные изображения. Тип I-1-I-5 Майкопский: 1-а, 1-б (фото (1-а) по: *L'Or des Amazones... Cat. №24*; рисунок (1-б) по: Переводчикова Е.В. Характеристика предметов скифского звериного стиля // *Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа* / Под ред. Н.И. Кирея. Краснодар, 1984. Рис.5: 1)

**Аналогии и хронология.** Близких полнофигурных аналогий данному изображению нет. Однако по моделировке и по композиции оно отчасти сходно с изображением хищника, происходящим также с территории Прикубанья (бронзовый налобник из кургана 1 у станицы Кужорской). Комплекс этого кургана, в свою очередь, следует датировать в рамках 1-й - 3-й четв. IV в. до н.э. с учетом происходящих из него изображений в зверином стиле, стилистически и иконографически аналогичных изображениям из надежно датированных Елизаветинских курганов (курган 4/1913 г., или Южный, 1-ой четверти IV в. до н.э. и курган 7/1917 г. 3-ей четверти IV в. до н.э.)<sup>[65]</sup>. Кроме того, образно-стилистически, а также по сочетанию плоскостной и скульптурной моделировки изучаемое майкопское изображение сходно с прототипами грифона типа 2 Носакинско-кужорский 2-ой пол. V-IV вв. до н.э. Очевидно, на пересечении датировок этих типов и следует определять хронологическую позицию изучаемого Майкопского типа, т.е. относить его к **1-ой - 3-ей четверти IV в. до н.э.**

#### Группа I - подгруппа 1 - отдел II

В рамках данного таксона выявляется 1 тип.

**Тип I-1-II-1 Красноперекоско-корнеевский.** К данному типу относятся 3 изображения на золотых нашивных бляшках из Нижнего Поднепровья (1, 2) и Среднего Подонья (3). Изображения моделированы в рельефе. Здесь представлены существа с телом хищника, крыльями и с головой, комбинирующей черты кошачьего хищника и орла (клювовидная верхняя челюсть). Вероятно, это некая модификация грифона позднегреческого типа. В мастюгинском изображении это подтверждается наличием гребня рептилии (3) (рис. 10).

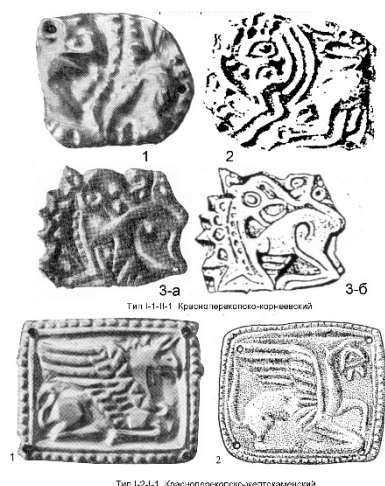


Рис.10. Образ грифона. Полнофигурные изображения. Тип I-1-II-1 Красноперкопско-корнеевский: 1 - Красноперкопские курганы, курган 22 (по: Лесков О.М. Указ. соч. Рис.82); 2 - Корнеевка, курган 2, погребение 3 (по: Ковалев Н.В., Полин С.В. Скифские курганы у с. Корнеевка Запорожской области // Курганы степной Скифии / Под ред. Ю.В. Болтрика, Е.П. Бунятян. Киев, 1991. Рис. 9:3); 3-а, 3-б – Мастюгино, сборы А.А. Спицына из грабительских раскопок кургана в 1905 г. (фото (3-а) по: Отчет Императорской археологической комиссии за 1905 г. СПб., 1908); рисунок (3-б) по: Гуляев В.И. На восточных рубежах Скифии (древности донских скифов). М., 2010. Рис.29, третий ряд сверху, первый рисунок слева). Тип I-2-I-1 Красноперкопско-желтокаменский. 1 - Красноперкопские курганы, курган 22 (по: Лесков О.М. Указ. соч. Рис.77 левый); 2 – Желтокаменка (по: Мозолевский Б.Н. Скифский царский курган Желтокаменка // Древности степной Скифии / Под ред. А.И. Тереножкина, Б.Н. Мозолевого, Е.В. Черненко. Киев, 1982. Рис.37: 24)

Грифон показан со всеми четырьмя ногами. Крылья ориентированы вертикально, перпендикулярно туловищу. Голова повернута на 180 градусов, горизонтальна. Грифоны данного типа отображены крайне схематично и малопонятно.

Хронология типа определяется датировкой комплекса погребения 2 кургана 2 у с. Корнеевка 4-й четв. - кон. V в. до н. э. - по гераклейским амфорам с клеймами и с учетом датировки последнего впускного погребения из того же кургана [66]. Красноперкопское изображение, в силу его сходства с корнеевским, должно датироваться аналогично. Мастюгинское изображение, с одной стороны, ближе к канону позднегреческого грифона (наличие гребня), с другой, достаточно примитивно, крыло атрофировано: в любом случае оно не может датироваться ранее красноперкопского.

Таким образом, предельные хронологические рамки данного типа: **4-я четв. - кон. V в. до н. э.**

### Группа I - подгруппа 2 - отдел I

В рамках данного таксона выявляется 1 тип.

**Тип I-2-I-1 Красноперкопско-желтокаменский** объединяет 2 изображения, происходящие из Нижнего Поднепровья и помещенные на золотые нашивные бляшки (1, 2). Изображения моделированы в рельефе. Здесь представлен орлиноголовый грифон позднегреческого канона со всеми характерными для него атрибутами (в том числе с крупнозубчатым гребнем, который проходит по шее за ухом; в одном случае (2) от гребня остался всего один зубец). Грифон показан с обеими передними ногами (левая над правой, правая согнута на 180 градусов, левая - под прямым углом) и одной задней, Крылья, напротив, отображены строго профилно, горизонтально, параллельно туловищу. Шея вертикальна, голова опущена вниз (рис. 10).

Хронология типа определяется объективной датировкой центральной гробницы кургана Желтокаменка (3-я четв. IV в. до н.э., возможно, 350-340 гг. до н.э.) - по амфорам из Фасоса и с рюмкообразной ножкой и по амфорным клеймам [67]. Красноперкопское изображение, очень близкое желтокаменскому, должно датироваться сходно. Таким образом, хронологические рамки типа: **3-я четв. IV в. до н.э.**

### Группа I - подгруппа 2 - отдел II

Нет изображений, соответствующих данному таксону.

### Группа I - подгруппа 3 - отдел I

В рамках данного таксона выявляется 1 тип.

**Тип I-3-I-1 Елизаветинский** представлен единственным изображением, происходящим с территории Прикубанья - на бронзовом конском налобнике из Елизаветинского кургана 7/1917 г. (1). Это одностороннее плоскостное изображение на ажурном плоском щитке наносника, с проработкой деталей углубленными линиями и прорезями. Здесь представлена фигура синкретического существа - крылатого хищника, наделенного чертами семейства кошачьих (короткое широкое ухо), с клювовидными загнутыми вниз челюстями. Ракурс в передней части строго профильный, тогда как задние ноги отображены обе (в их нижней части). Зверь показан в прыжке с вытянутой вперед шеей, с выброшенной вперед передней и вытянутыми назад задними ногами, одна над другой (правая задняя нога в бедренно-коленной части полностью перекрывает левую заднюю, стопа правой проходит над стопой левой и загибается к ее окончанию). Голова монстра перпендикулярна шее, опущена и упирается окончаниями клювовидных челюстей в переднюю лапу. Ухо выполнено в виде птичьей головки с загнутым клювом. Ноздря одновременно играет роль глаза дополнительной птичьей головки, клюв которой помещен в основании верхнего клыка основного монстра. Трактовка деталей подробная и в то же время условная (рис. 11).



1  
Тип I-3-I-1 Елизаветинский



1  
Тип I-3-II-1 Кужорский

Хронология типа определяется **3-ей четвертью IV в. до н.э.** на основе датировки Елизаветинского кургана 7/1917 г., которая, как указано выше, базируется на объективных показателях.

### Группа I - подгруппа 3 - отдел II

В рамках данного таксона дифференцируется 1 тип.

**Тип I-3-II-1 Кужорский** составлен единственным изображением, происходящим с территории Прикубанья - на бронзовом конском наноснике из 1-го Кужорского кургана (1). Это одностороннее плоскостное изображение на ажурном щитке наносника, с проработкой деталей углубленными линиями и прорезями. Здесь представлена фигура крылатого льва. В зависимости от ракурса рассмотрения можно по-разному трактовать позу зверя: либо он показан в прыжке с выброшенными вперед передними и вытянутыми назад задними ногами (при рассмотрении налобника в горизонтальном положении), либо он летит со свисающими вниз задними ногами (при рассмотрении в естественном для конского наносника вертикальном положении). При этом голова монстра обращена назад, представлена строго профилно, тогда как крылья и ноги даны как бы в объемном обзоре. Правое крыло представлено полностью (перекрывает плечо монстра) и отходит вниз или назад, левое крыло перекрыто правым и направлено вверх или вперед, упираясь на конце в



подбородок зверя. Одна из передних ног сохранилась полностью, вторая обломана. Правая нога частично перекрывает левую. Хвост, вероятно, обломан и сохранился в виде рифленой полосы, поперечно пересекающей задние ноги монстра (**рис. 11**).

Изображение насыщено фито- и зооморфными превращениями анатомических деталей. Ухо выполнено в виде трехлепестковой пальметки. Сочетание верхнего и нижнего клыков хищника одновременно играет роль загнутого клюва птицы (верхний клык соответствует восковице), причем голова этой птицы обозначена с помощью специального выступа над пастью хищника. Голова монстра при переходе в шейную часть на участке, где обычно отображается кожно-шерстная складка, ограничена перевернутой птичьей головой с длинным загнутым клювом.

Не имея близких аналогий, данное уникальное и высококачественное изображение сходно в стилистическом отношении с вышеописанной фигурой грифона/крылатого льва типа I-3-I-1 Елизаветинский (из Елизаветинского кургана 7/1917 г., датируемого 3-ей четвертью IV в. до н.э.). Кроме того, в сюжетно-композиционном отношении кужорское изображение, очевидно, продолжает вышеупомянутую традицию «семибратненской» серии псалиев середины - 3-ей четверти V в. до н.э., представляющих хищников как бы в прыжке с вывернутой на 180 градусов задней частью, с откинутыми назад задними ногами[68]. Отличие в том, что у кужорского грифона бедренная часть и сами ноги не перекручены, а даны в том же ракурсе, что и грудная часть с передними ногами, что, очевидно, надо относить на счет более поздней интерпретации (на то же указывает и плоскостная односторонняя моделировка кужорского изображения в противовес объемной трактовке «семибратненской» серии псалиев).

Таким образом, кужорское изображение не могло возникнуть ранее этой «семибратненской» серии псалиев. Вероятно, оно должно датироваться в рамках **1-й - 3-й четв. IV в. до н.э.** на основании стилистических и иконографических аналогий с изображениями из упомянутых выше надежно датированных Елизаветинских курганов (курган 4/1913 г., или Южный, 1-ой четверти IV в. до н.э. и курган 7/1917 г. 3-ей четверти IV в. до н.э.).

## **Группа II - отдел I**

В рамках данного таксона дифференцируются 9 типов.

**Тип II-I-1 Защитненско-дуровский** объединяет 4 изображения, происходящие с территории Среднего Поднепровья (1, 2), Среднего Подонья (3) и Нижнего Поднепровья (4)[69]. Изображение моделировано в одностороннем рельефе - на плоскости (3) или с прорезями (1, 2) либо же в двустороннем рельефе с прорезями, но в расчете на боковой обзор (4). Это фигуры, оформляющие бронзовые бляхи (1, 2), бронзовое навершие (4), а также фигура, помещенная на золотую пластину (3). Здесь изображено существо с туловищем и ногами хищника, с головой кошачьего хищника (короткая тупомордая), с крыльями, с бычьими (1) или козлиными (2-1, 2-2, 3, 4) рогами. Рога в защитненских изображениях помещены на темени перед ухом, развернуты на зрителя и представляют собой, в одном случае, отчетливые подковообразные рога быка, моделированные короткими серповидными выступами (1-1), которые могут на концах загигаться в кружки (1-2); в другом случае рога аналогичной формы, но сильно согнуты вовнутрь и сомкнуты окончаниями (2-1). В дуровском и слоновском изображениях показан один рог, он помещен за ухом, он короткий изогнутый, скорее, козлиный (3, 4). В защитненских изображениях к подбородку примыкает серповидная борода, имеющая крупное продольное рифление, ее окончание упирается в переднюю лапу. Таким образом, перед нами монстры, соответствующие скорее иконографии грифона ахеменидского типа, хотя, возможно, в сочетании с чертами грифона позднегреческого типа (если трактовать рельефную полосу вдоль верхнего края шеи не как шерсть, а как гребень рептилии) (**рис. 12**).



Тип II-I-1 Защитненско-дуровский

Рис.12. Образ грифона. Полнофигурные изображения. Тип II-I-1 Защитненско-дуровский: 1-1, 1-2, 2-1, 2-2а – курган у с.Защитна (по: Яценко И.В. Искусство эпохи раннего железа. Илл.5, 6; Бокій Н.М. Нові пам'ятки скіфського звіриноного стилю в Кіровоградщині // Археологія. XXIII. 1970. С. 184. Рис. 2: 1-6); 3-а, 3-б - Дуровка, курган 1 (рисуюнок (3-а) по: Пузикова А.И. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов). М., 2001. 209, рис.7: 1), фото (3-б) по: Яценко И.В. Искусство эпохи раннего железа. Илл.14; 4 - Слоновская Близница (по: Древности Геродотовой Скифии. Сборник описаний археологических раскопок и находок в Черноморских степях. Вып. II. СПб., 1872. Табл. XXXVI: 1, 2)

Грифон показан с обеими задними ногами, тогда как из передних ног в трех случаях представлены также обе (1-3), в одном случае - одна с одной стороны и другая с другой стороны (4). Задние ноги находятся в высоком узком шаге, а передние в двух случаях также в шаге (1, 2), а еще в двух случаях (3, 4) они ориентированы наискось предплечьем и кистью наискось вперед и когтят жертву. Шея направлена наискось вперед, голова опущена перпендикулярно шее. Это грифон с поднятой лапой, подобно льву, остановившемуся в шаге с поднятой передней лапой, в готовности нападения или в состоянии терзания. Крылья ориентированы вертикально, перпендикулярно туловищу. Голова защитненских грифонов отделена от шеи уступом, в котором в одном случае (1-1, 1-2) помещена птичья голова, трансформирующая кожно-шёрстную кладку на шее. Лопатка может быть закрыта крылом (3, 4), может быть рельефно акцентирована на фоне крыла в виде гладкого сегмента с выемкой, в которой рельефно показан сустав плеча («малая лопатка») (1, 2). Крылья показаны строго профилно, ориентированы вертикально, перпендикулярно туловищу. В дуровском и слоновском изображениях верхняя часть крыла в общей композиции отведена для вписывания головы (4) или грудной части (3) антропоморфного персонажа, оседлавшего грифона (3) или убивающего этого грифона (4) [70]. Окончание хвоста может быть трансформировано в птичью голову (1, 2), либо резко расширяться в крыло птицы/ухо копытного (4).

В рамках данного типа прослеживается иконографическая эволюция от защитненских изображений, более близких к канону ахеменидского грифона, к таким изображениям, как слоновские. В то же время слоновские и, особенно, дуровские, являются несомненным подражанием изображению грифона в греческих трехфигурных композициях типа сцены на аттическом керамическом медальоне из Феодосийского музея [71].

Комплекс из Слоновской Близницы датируется по аттическому килику в пределах 2-й четв. - кон. IV в. до н.э. [72], курган 1 у с. Дуровка, как уже было сказано, по амфоре датируется 2-й пол. IV в. - 1-й пол. III в. до н.э. Это вполне соотносится с подражательным характером этих композиций по отношению к феодосийскому медальону. Вместе с тем защитненские изображения датируются И.В. Яценко V в. до н.э., с учётом репродукции в них темы львиноголового ахеменидского грифона с рогами козла [73]. Относительный лаконизм данных изображений, не характерный для IV в. до н.э., может служить подтверждением такой датировки. Таким образом, предельные рамки данного типа: **V - 1-я пол. III в. до н.э.**

**Тип II-I-2 Краснокутско-александропольский** объединяет 8 изображений, происходящих с территории Нижнего Поднепровья (1-8) [74]. Это фигуры, оформляющие в основном бронзовые навершия (1-6), а также золотые нашивные бляшки (7, 8). Изображение моделировано в рельефе: на навершиях - в двустороннем рельефе с прорезями, в расчете на боковой обзор (1-6), на бляшках - в одностороннем рельефе (7, 8). Здесь представлено крылатое существо с туловищем и ногами хищника, с головой кошачьего хищника, но с клювовидной верхней челюстью (короткая тупомордая), т.е. зверь, соответствующий скорее иконографии

грифона позднегреческого типа, что подтверждается в четырех случаях наличием редкозубого гребня на шее (1, 5, 7, 8) (рис. 13).



Рис.13. Образ грифона. Полнофигурные изображения. Тип II-I-2 Краснокутско-александропольский: 1 - Краснокутский курган (по: Мелюкова А.И. Краснокутский курган. М., 1981. Рис.10: 1, 2); 2 – Гайманова могила, Центральная гробница (по: Бидзиля В.И., Полин С.В. Скифский царский курган Гайманова Могила. Кат. 88, рис. 92: 2); 3, 4 Толстая могила (по: Мозолевский Б.М. Товста Могила. Київ, 1979. Кат.149, рис.103: 1-3); 5 Догмаровка, находка у насыпи кургана (по: Ключко Л.С., Оленковский Н.П. Новые скифские навершия с Нижнего Днепра // Советская археология. № 3. 1990. Рис.1); 6 - Александропольский курган (по: Древности Геродотовой Скифии. Сборник описаний археологических раскопок и находок в Черноморских степях. Вып. I. СПб, 1866. Табл. III, 1-4; IV, 1-4); 7 – Желтокаменка (по: Мозолевский Б.Н. Скифский царский курган Желтокаменка. Рис.37: 23); 8 - Братолюбовский курган, погребение 5 (по: Кубышев А.И., Бессонова С.С., Ковалев Н.В. Братолюбовский курган. Киев, 2009. Фото 27). Тип II-I-3 Гаймановско-чмыревский: 1 - Гайманова могила, Северная гробница (по: Бидзиля В.И., Полин С.В. Скифский царский курган Гайманова Могила. Кат.166, рис.104:1). 2 - Верхний Рогачик (по: Отчет Императорской археологической комиссии за 1913-1915 гг. Пг. 1918. С. 135, рис. 221); 3 Чмырева могила (по: Отчет Императорской археологической комиссии за 1898 г. СПб, 1901. С. 27, рис.25); 4 - Майкопский клад (по: Leskov A.M. Op. cit. Cat. № 60); 5 - Мастюгино, курган 5 1908 г. раскопки Н.Е. Макаренко (по: Макаренко Н.Е. Археологические исследования 1907-1909 годов // Известия Императорской археологической комиссии. Вып.43. СПб., 1911. Таб. I, 14); 6 - Мастюгино, на практически тождественных семи идентичных бляшках, собранных А.А. Спицыным из грабительских раскопок кургана в 1905 г. (по: Отчет Императорской археологической комиссии за 1905 г. СПб., 1908. С.82-83, 96. Рис.119: 8); 7-1, 7-2, 7-3 - Воронежские курганы (по: Либеров П.Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону // Свод археологических источников. Д1-31. М., 1965. Таб. 33: 4, 5; Гуляев В.И. Указ. соч. Рис.29, первый ряд сверху, первый рисунок справа)

Общий контур подпрямоугольный, что в трёх случаях подчеркнуто рамкой, обрамляющей фигуру (6-8). Грифон показан со всеми четырьмя ногами и с обоими крыльями, одно за другим; лишь в одном случае показано одно крыло, возможно, в силу недостатка пространства (8). Задние ноги находятся в относительно высоком узком шаге, а передние в большинстве случаев также в шаге (1-5), но в трех случаях одна из передних ног проходит наискось вниз, опираясь о землю (6-8), вторая - направлена горизонтально вперед (6) или наискось вверх (7, 8) и либо охватывает рамку (6), либо упирается в нее (7, 8) - это грифон с поднятой лапой, подобно льву, остановившемуся в шаге с поднятой передней лапой, в готовности нападения или в состоянии терзания жертвы. Шея дуговидно изогнута, голова продолжает изгиб шеи и соответственно наклонена. Крылья ориентированы вертикально или наискось назад.

Лопатка может быть полностью закрыта крылом (1, 5-7), может никак не выделяться (2, 3), может быть показана каплевидным выступом в углублении (4), может быть сегментовидной рельефной, заключающей в себе «малую лопатку» - плечевой сустав, за которым овальной полосой с поперечным крупным рифлением показана зона ребер (8). В изображениях краснокутском, гаймановском и из Толстой могилы (1-4) к

подбородку грифона примыкает опущенная вниз серповидная борода, опирающаяся на грудь. Композиционно этой бороде в догмаровском изображении (5) соответствует некое редуцированное животное, шея которого исходит из груди грифона, а голова поглощается тем же грифоном. В композиционном и сюжетном отношении эта деталь соответствует также голове существа, терзаемого и поглощаемого грифоном в композициях из Слоновской Близницы вышеописанного типа II-I-1 Защитненско-дуровский.

**Морфологическая динамика и хронология.** Более близкими к исходному канону позднегреческого грифона являются, прежде всего, братолюбовское изображение, четкое и экспрессивное (8), а также краснокутское, догмаровское и александропольское изображения (1, 5, 6), тогда как желтокаменские (7) и, в особенности, примитивизированные изображения из Гаймановой и Толстой могил (2-4), искажают данный образ, что отражается, в особенности, в трактовке головы и в неуклюжих и бесформенных силуэтах приземистых ног грифона. Вместе с тем это не обязательно определяет хронологическую последовательность изображений данного типа, поскольку здесь могло иметь место независимое подражание неким образцам древнегреческого искусства.

Почти все изображения данного типа (кроме догмаровского) имеют объективные датировки (по античной керамике) в своих комплексах. Это Гайманова могила, центральная гробница (предельные рамки: 360-325/320 гг. до н.э.) [75], Краснокутский курган (предельные рамки: 350-320 гг. до н.э.) [76], Толстая могила (предельные рамки: 2-ая - 3-я четв. IV в. до н.э.) [77], Желтокаменка (предельные рамки: 3-я четв. IV в. до н.э.) [78] и Александропольский курган (предельные рамки: 340-300 гг. до н.э.) [79]. В этих же границах должно датироваться догмаровское изображение, что не противоречит его композиционно-сюжетному сходству с изображением из Слоновской Близницы, которое, как уже указывалось, объективно датируется 2-й четв. - кон. IV в. до н. э. Таким образом, хронологические рамки данного типа: **2-я четв. - кон. IV в. до н.э.**

**Тип II-I-3 Гаймановско-чмыревский** объединяет 7 изображений, происходящих с территории Нижнего Поднепровья (1-3), Прикубанья (4) и Среднего Подонья (5-7), оформляющих золотые нашивные бляшки. Изображение моделировано в одностороннем рельефе, в шести случаях заключено в квадратную рифленую рамку (1-3, 5-7), в одном случае без рамки с доработкой деталей прорезями (4). В трех случаях пустое пространство между фигурами заполнено - либо розетообразной пальметкой (4), либо безрогими лосиными головами (5, 6) (рис. 13).

Здесь представлен лев (или, во всяком случае, хищник семейства кошачьих) с крыльями и, иногда, еще и с более или менее различимым рудиментарным козлиным рогом (1-4), т.е. зверь, соответствующий скорее канону иконографии ахеменидского грифона. Данные фигуры показаны в подквадратных по контуру парных геральдических синтетических композициях, стоящими на задних ногах с одной из передних ног, вытянутой вертикально вверх к собственной морде; при этом в шести случаях показана только одна эта передняя нога (2-7), тогда как в гаймановском изображении у каждого монстра присутствует и вторая передняя нога, идущая наискось вперед к морде визави (1). Шея вертикальна, слабо изогнута, голова перпендикулярна шее и чуть опущена.

Грифон показан с обеими задними ногами, тогда как обе передние ноги, как уже было сказано, показаны только в гаймановском изображении (1). Задние ноги всех грифонов, кроме гаймановских, находятся в нешироком шаге, как бы в двуногой походке, тогда как гаймановские грифоны (1) представлены с одной ногой поверх другой, т.е. если их рассматривать в горизонтальном положении, показаны с задними ногами, отставленными назад, а с передними в положении грифона или льва, припавшего передней частью к земле с одной поднятой передней лапой, другой положенной на землю или на добычу, в готовности нападения или в состоянии терзания, причем в роли жертвы выступает грифон-визави. Соответственно и хвост в гаймановском изображении показан по канону горизонтально стоящего или припавшего к земле хищника, т.е. изогнутым вверх и отогнутым назад, что в образовавшейся геральдической композиции при вертикальном рассмотрении грифона создает впечатление, что грифон упирается в собственный горизонтально изогнутый хвост. В других случаях грифоны упираются мордами и лапами друг в друга (2 - 7), а хвост их, как у стоящего на задних лапах зверя, изогнут вверх (2-4, 7-1, 7-2) или же слит с отставленной назад задней ногой (5, 6, 7-3). Крылья изогнуты вперед к голове и вверх, вдоль туловища, примыкают к шее, тем самым заполняют пространство между головой и изгибом спины. Лопатка может быть закрыта крылом (2, 3, 5, 6, 7-1, 7-2, 7-3), может быть рельефно акцентирована на фоне крыла в виде гладкого сегмента (1, 4). В гаймановском изображении (1) под лопаткой показан подшерсток или ребра, имитированные полосой с крупным поперечным рифлением. Шея вертикальна, слабо изогнута, может быть полностью перекрыта крылом (1, 5, 6). Голова перпендикулярна шее и чуть опущена, пасть открыта (1) или ощерена (2-4, 7-2, 7-3), либо почти закрыта (5, 6, 7-1).



В рамках данного типа прослеживается эволюция от четких и натуралистичных, предельно близких к ахеменидским образцам гаймановских изображений (1) - к остальным, более схематичным и упрощенным, являющимся очевидными подражаниями, с отходом от композиционного канона стоящего/припавшего к земле льва/грифона, что выразилось в постановке монстра на задние ноги и поднятием зада и хвоста, а также в утере одной из передних ног.

**Хронология.** Два изображения данного типа имеют объективные датировки (по античной керамике) в своих комплексах. Это Гайманова могила, Северная впускная гробница (360-325/320 гг. до н.э.) [80], а также Чмырева могила (330-315 гг. до н.э.) [81]. По логике вышеприведенной морфологической динамики, чмыревское, верхнерогачикское и майкопское изображения не могут датироваться ранее гаймановского. Таким образом, хронологические рамки типа: **360-315 гг. до н.э.**

**Тип II-I-4 Майкопский** объединяет 2 изображения, происходящие с территории Прикубанья - оформляющие золотые нашивные бляшки из «Майкопского клада» (1, 2). Изображение моделировано в одностороннем рельефе (рис. 14).

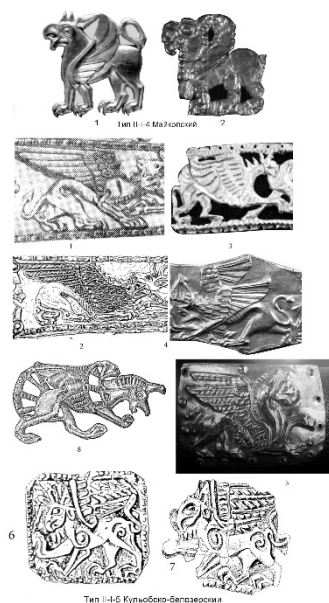


Рис. 14. Образ грифона. Полнофигурные изображения. Тип II-I-4 Майкопский: 1, 2 - Майкопский клад (по: Leskov A. M. *Op. cit. Cat. №№ 63, 59*). Тип II-I-5 Кульобско-белозерский: 1 - Великая Белозерка (по: Отрощенко В.В. *Парадный меч из кургана у с. Великая Белозерка // Вооружение скифов и сарматов / Под ред. Е.В. Черненко. Киев, 1984. Рис. на с.123*); 2 - Куль-Оба (по: Древности Босфора Киммерийского. СПб., 1854. Табл. XXVI: 2); 3 Александропольский курган (по: Древности Геродотовой Скифии. Сборник описаний археологических раскопок и находок в Черноморских степях. Вып. I. СПб, 1866. Табл. XV, 1, 4); 4, 5 - Бердянский курган (по: Чередниченко Н.Н., Фялко Е.Ф., Ковалев Н.В., Погорелый В.Н., Мурзин В.Ю., Ольховский В.С., Бидзиля В.И., Зубарь В.М. *Раскопки большого скифского кургана в Приазовье // Археологические открытия 1978 года / Под ред. Б. А. Рыбакова. М., 1979. Рис. на с.420; L'or des Steppes. Des Scythes a l'invasion mongole. VIIe siecle av. J.-C.- XIVe siecle ap. J.-C. Toulouse, 1993. P. 66, cat. № 30*); 6 д. Мастюгино, сборы А.А. Спицына (по: Гуляев В.И. *Указ. соч. Рис.29, левый нижний*); 7 - курган 5 у с. Мастюгино (по: Там же. *Рис.29, правый нижний*); 8 - Толстая могила, центральная гробница (по: Мозолевский Б.М. *Товста Могила. Рис.47: 3*)

Здесь представлен орлиноголовый грифон позднегреческого типа с рудиментарным гребнем, имитированным либо двумя высокими треугольными выступами (1), либо двумя слабозаметными «жемчужинами», аналогичными кожно-шерстной складке на шее данного грифона (2). Общий контур изображения подпрямоугольный. Грифон показан со всеми четырьмя ногами, но с крылом в строго профильном ракурсе. Ноги находятся в высоком узком шаге, упираются или почти упираются друг в друга лапами. Шея вертикальна, голова перпендикулярна шее. Крыло ориентировано вверх и немного назад. Лопатка полностью закрыта крылом.

Изображения данного типа не имеют объективных датировок. Вместе с тем одно из этих изображений (1), более качественно и четко проработанное, явно первичное по отношению ко второму, схематичному и примитивному (2), находит себе ближайшую композиционно-стилистическую аналогию в изображениях оленя на аналогичных бляшках из того же «Майкопского клада» [82]. Эти фигуры относятся к выделенному нами в специальной работе Нимфейско-уляпскому типу стоящего/идущего оленя [83]. Дата Нимфейско-



уляпского типа на основании объективных показателей (античных импортов в соответствующих комплексах) и с учетом иконографической динамики была определена нами в рамках 2-й четв. V - кон. IV в. до н.э. [84] В свою очередь, упомянутые олени фигуры из Майкопского клада ближе всего в рамках Нимфейско-уляпского типа изображениям оленя на аналогичных бляшках из кургана 5 Уляпского могильника, датируемого, как мы уже отмечали, по античной керамике 1-й пол. IV в. до н.э. Очевидно, именно в рамках **1-й пол. IV в. до н.э.** и следует датировать изучаемый тип грифонов.

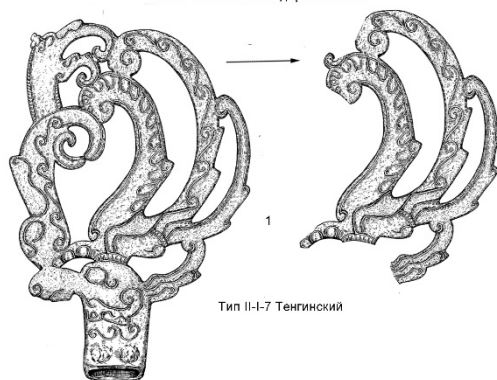
**Тип II-I-5 Кульобско-белозерский** объединяет 8 изображений, происходящих в основном из Нижнего Поднепровья и Приазовья (1? 3-5, 8), а также с территории Крыма (2) и Среднего Подонья (6, 7). Эти фигуры помещены на золотые обкладки ножен меча (1, 2), на золотую ленту - нашивку на нагрудный конский ремень (3) [85], на золотой налобник (4), оформляют золотую обивку деревянного сосуда (5), золотые пластины (6, 7) и золотую обивку горита (8). Изображения моделированы в низком рельефе, в двух случаях (3, 8) с доработкой деталей прорезями (**рис. 14**).

Здесь показано орлиноголовое существо с телом хищника и крыльями, с четким (2, 3, 6-8) или с рудиментарным (1, 4, 5) гребнем на шее, т.е. зверь, соответствующий иконографии грифона позднегреческого типа. Грифон показан с обеими задними ногами, тогда как из передних в шести случаях представлены также обе, в двух случаях - лишь одна (3, 8). Задние ноги находятся в высоком шаге, а одна из передних согнута под тупым или прямым углом и ориентирована предплечьем и кистью вперед, по направлению движения, тогда как вторая передняя (при ее наличии) поставлена или положена на землю (1, 2, 5-7). Это грифон с поднятой лапой, подобный льву (5-8), остановившемуся в шаге с поднятой передней лапой (в готовности нападения или в состоянии терзания) или припавшему передней частью к добыче. Соответственно ряд грифонов данного типа когтят добычу в сценах терзания - в роли жертвы выступает олень (1-4). При этом в двух случаях (2, 5) грифон, в сущности, припадает передней частью к земле. Крылья ориентированы горизонтально, вдоль туловища чаще показано одно крыло (1-3, 6-8), реже - оба, одно за другим (4, 5). Лопатка может быть закрыта крылом (2-5), может быть рельефно акцентирована на фоне крыла в виде гладкого сегмента с выемкой, в которой рельефно показан сустав плеча («малая лопатка») (1), может, наконец, быть маркирована рельефным завитком (6, 7). В кульобском изображении во впадине у тазобедренной части рельефной полоской имитированы самцовые гениталии (2).

В рамках данного типа прослеживается эволюция от четких и натуралистичных, предельно близких к греческим образцам изображений - таких как кульобское, белозерское и одно из бердянских (1, 2, 5) - к более схематичным и упрощенным подражаниям - в первую очередь это среднедонские изображения (6, 7), а также одно из бердянских (4) и александропольское (3). На периферии типа находится крайне упрощенное изображение из Толстой могилы (8).

**Хронология.** Ряд изображений данного типа имеют объективные датировки в своих комплексах (по античной керамике). Наиболее ранними являются бердянские изображения (1-я треть IV в. до н.э. или, уже, 380-370 гг. до н.э.) [86], далее следуют изображения: из Толстой могилы (предельные рамки: 2-я-3-я четв. IV в. до н.э.) [87], кульобское (345-335 гг. до н.э.) [88] и александропольское (340-300 гг. до н.э.) [89]. Белозерское изображение, очень близкое кульобскому, должно датироваться аналогично и, во всяком случае, не позднее последней трети IV в. до н.э. - даты, предложенной В.В. Отрощенко для белозерского меча на основании его аналогии с кульобским [90]. Подражательные среднедонские изображения не могут датироваться ранее бердянских и кульобского. Таким образом, хронологические рамки данного типа - **IV в. до н.э.**

**Тип II-I-6 Майкопско-дортобинский** объединяет 2 изображения, происходящие с территории Прикубанья (1) и Крыма (2). Они оформляют навершие золотой булавки (1) и золотые нашивные бляшки (2). Изображение моделировано в одностороннем рельефе, с использованием прорезей (**рис. 15**).



Здесь представлено существо с головой козла (судя по наличию козлиного рога и зауженной морды), с туловищем и ногами хищника, - вероятно, модификация грифона ахеменидского типа, но с существенным семантическим сдвигом (голова копытного вместо головы льва). Общий контур изображения подпрямоугольный. Зверь показан со всеми четырьмя ногами, но с крылом строго в профиль. Ноги находятся в высоком узком шаге, упираются или почти упираются друг в друга лапами. Шея вертикальна, голова опущена. Крыло ориентировано вверх и немного назад. В дортобинском изображении верх крыла превращён в птичью голову с огромным концентрическим рельефным глазом и коротким загнутым клювом с впадиной рта (2). Лопатка полностью закрыта крылом.

Изображения данного типа не имеют объективных датировок. Вместе с тем курганы в местности Дорт-Оба, раскопанные Н.И. Веселовским в 1892 г. поблизости от Талаевского кургана в имении Пастака датируются большинством исследователей в рамках **IV в. до н.э.** [91] Очевидно, именно эти рамки следует установить и для Майкопско-дортобинского типа изображений.

**Тип II-I-7 Тенгинский** составлен единственным изображением, происходящим из Прикубанья - на бронзовом навершии из кургана 2 могильника II Тенгинского городища. Моделировка плоскостная ажурная, изображения односторонние, контуры деталей обозначены углубленными линиями и прорезями. Это зооморфная трансформация основного (заднего) пучка рогов обособленной головы оленя, каковая, в свою очередь, относится к определенному типу оленьих голов вышеупомянутого стиля прикубанских Елизаветинских курганов [92]. Задние рога оленя композиционно противопоставлены переднему рогу и сливаются в единую композицию, представляющую собой условно-полнофигурное изображение грифона позднегреческого типа с выпяченной грудью, с дуговидно изогнутыми шеей и двумя крыльями, с четырьмя ногами. Первый из задних отростков оленьих рогов играет роль передней части грифона (голова, шея, грудная часть), второй и третий - роль крыльев грифона, а основание задних рогов оленя - это сведенное к минимуму туловище грифона со схематичными атрофированными ногами. Клюв грифона, образованный завитком и подчеркнутый линией, упирается в противостоящий ему завиток клюва птицы, формирующего нижнюю часть переднего отростка оленьего рога. Вдоль всего верхнего края шеи и головы грифона проходит линия, от которой вниз отходят овы, образующие единую полосу, являющуюся ничем иным, как обозначением гребня грифона, который мастер был вынужден отобразить в плоскостном варианте, очевидно, не имея возможности сделать это рельефно. При этом роль обособленного роговидного выступа, завершающего гребень [93], возможно, выполняет упирающаяся в темя данного грифона противонаправленная ему загнутая нижняя челюсть обособленной головы грифона (в неё превращена верхняя часть переднего отростка оленьего рога), отнесенная нами к типу голов грифона, описанному выше и обозначенному нами как тип 3 (Тенгинско-майкопский). Спереди шея и грудь грифона также акцентированы по контуру линией, которая в месте перехода грудной части в переднюю ногу образует

завиток, ограничивающий грудь. Тем самым мастер показывает, что выпяченная грудь грифона переходит уступом в выступающую вперед ногу. Роль этой передней ноги выполняет начальная часть переднего отростка оленьих рогов (от корня рогов до места, где рог, опираясь на нос оленя, переламывается вверх под прямым углом). Фактически вся эта нога грифона сведена к преувеличенной лапе с четырьмя когтями, отображенными с помощью четырех ов. Вторая передняя нога грифона также отображена крайне условно с помощью двух волнистых линий, образующих ее контур (идут от спины грифона между шеей и крылом, пересекают его туловище, сближаясь и изгибаясь, упираясь затем в перпендикулярную им дуговидную рифленую полоску лапы с когтями (одновременно это зубчатый корень рогов оленя, составляющего основное изображение). Аналогично трактованы сдвоенные задние ноги грифона, имеющие единую лапу. В роли грифоньего хвоста задействовано ухо оленя - основного персонажа на вершии, на которое опирается задний отросток рогов этого оленя (рис. 15).

Как уже было показано А.Р. Канторовичем и В.Р. Эрлихом, образцом для подражания при зооморфном трансформировании рогов оленя послужили сцены на распространенных в Боспорском царстве расписных вазах «керченского стиля» 2-й половины IV в. до н.э. [94] На этих вазах мы встречаем такого же, как бы остановившегося на ходу грифона с выпяченной грудью и дуговидно изогнутой, отклоняющейся назад шеей. В особенности примечательны те сцены, в которых грифон предстает коню с седоком, ибо именно голове этого коня соответствует в тенгинской композиции обособленная голова грифона, трансформирующая верхнюю часть переднего отростка рогов [95]. Кроме того, в графических приемах передачи гребня и крыльев грифона использованы декоративные элементы греческого искусства этого времени: редуцированные овы и бегущая волна из волют.

**Хронология**. Как указано выше, по объективным показателям тенгинский комплекс датируется в рамках **2-й пол. IV - нач. III в. до н.э.** Эта датировка подтверждается для изучаемого изображения его преемственностью по отношению к вазам «керченского стиля».

**Тип II-I-8 Елизаветовский.** К данному типу относятся 1 изображение, происходящее с территории Нижнего Поднепровья - из Елизаветовского могильника (1). Эта фигура помещена на золотую обкладку деревянного сосуда (рис. 16).



Здесь представлен лев (о чем свидетельствуют короткая широкая морда, грива) с рогами оленя и с оленьим ухом.

Изображение моделировано в высоком рельефе. Контур изображения подквадратный. Монстр показан со всеми четырьмя ногами, в высоком одноименном шаге, практически на прямых ногах, правая нога позади левой, лапы правых ног упираются соответственно в пясть и плюсну левых ног. Шея и голова направлены наискось вперед, голова чуть наклонена. Рога отходят назад параллельно туловищу. Они состоят из S-видных отростков, разделенных на 2 передних и 5 задних (превращенных в птичьи головы). Хвост опущен вниз вдоль задней ноги.

**Аналогии и хронология.** Ближайшая образно-композиционная аналогия имеется в искусстве пазырыкской культуры - ср. кошачьего хищника с оленьими рогами, оформляющего кожаную аппликацию на седло из 1-го Туэктинского кургана[96]. Можно расценивать эту параллель как яркий пример конвергенции в отображении единого для двух культур зооморфного персонажа, можно - как следствие взаимовлияния.

Также близок в образном и композиционном отношении, но отличается по структуре рогов, по пропорциям деталей кошачий хищник с оленьими рогами на бронзовой пластине-матрице из Гарчиново[97]. Эта пластина, происходящая из зоны фракийской культуры, демонстрирует очевидное влияние скифского звериного стиля, о чем говорит обилие зооморфных превращений, приемы моделировки, композиционное и стилистическое сходство изображений хищников, оленей, кабанов и птиц на гарчиновской матрице с целым рядом изображений этих персонажей в скифском искусстве[98].

В восточноевропейском скифском зверином стиле нет аналогий елизаветовскому изображению, однако присутствует вышеописанная встречная тенденция изображения оленей с видовыми элементами кошачьего хищника - ср. полнофигурные изображения выделенного нами Нимфейско-уляпского типа стоящего/идущего оленя 2-й четв. V - кон. IV в. до н.э.: часть оленей, относящихся к данному типу (из Майкопского клада и из Уляпских курганов) показаны опирающимися на всю плоскость пальцев, включая рудиментарные пальцы, а не только копыта, что напоминает опору не копытоходящих, а пальцеходящих, т.е. хищников[99]. Кроме того, по трактовке рогов елизаветовский монстр близок выделенному нами в специальной работе Завадско-акмечетскому типу лежащих оленей 2-й-четв. V - 1-й пол. III в. до н.э.[100], причем именно тем изображениям этого канона, которые относятся к V в. до н.э. (собственно оленям из Завадской могилы и Ак-Мечети), имея в виду место рогов в общей композиции, их построение из крупных отростков, превращенных в птичьи головы, использование пальметки в качестве разделителя переднего и заднего отростка рогов. Учитывая объективную датировку завадских изображений (450-425 гг. до н.э.)[101], а также лаконизм и четкость в оформлении деталей елизаветовского монстра, моделирование четкими крупными рельефными фрагментами (признаки, в целом не свойственные скифскому звериному стилю IV в. до н.э.), можно согласиться с датировкой елизаветовской обкладки V в. до н.э., предложенной в свое время Г.И. Боровкой[102], принимая ее как обозначение крайних хронологических пределов. Но эта датировка может быть сужена, поскольку птичьи головы, в которые превращены рога елизаветовского оленельва, относятся к определенному типу птичьих голов (Елизаветовско-елизаветинскому), датируемому в рамках сер. V - нач. III в. до н.э. Следовательно, дата елизаветовского оленельва может быть установлена как **сер. - 2-я пол. V в. до н.э.**

Учитывая вышеуказанную параллель в пазырыкской культуре, эта дата не противоречит датировкам комплекса 1-го Туэктинского кургана, который, в соответствии с новой хронологией курганов пазырыкской культуры относится к 442 г. до н.э.[103]. Распространенная датировка менее близкой аналогии - монстра на Гарчиновской пластине - VI веком до н.э., по мнению И. Венедикова и Т. Герасимова, не является достаточно аргументированной[104]. Судя по позиции другого персонажа матрицы - полулежащего-полустоящего оленя с повернутой головой - не следует исключать для Гарчиновской матрицы и датировку V веком до н.э.

**Тип II-I-9 Александропольский.** К данному типу относится 1 изображение, происходящее из Нижнего Поднепровья (1) (рис. 16). Это фигура, помещенная в левый край многофигурной композиции с вышеописанными грифонами на золотой ленте - нашивке на нагрудный конский ремень из Александропольского кургана[105].

Как представляется, здесь показана искаженная химера или гибрид химеры и грифона. Как известно, Химера - синкретическое трехчастное существо греческой мифологии, описанное еще Гомером (Hom. II. VI 180-182) («лев головою, задом дракон и коза серединой», пер. Н.И. Гнедича) и Гесиодом (Hes. Theog. 319-324) («спереди лев, позади же дракон, а коза в середине», пер. В.В. Вересаева). Соответственно античная иконография Химеры (см., например, знаменитую этрусскую скульптуру Химеры из Ареццо кон. V - нач. IV в. до н.э.) предполагает изображение чудовища с туловищем и головой льва, с еще одной головой - головой козы, выступающей из спины Химеры (крыло александропольского зверя преобразовано в отчетливую козью голову с бородой), а хвост Химеры должен быть одновременно змеей, чья голова соответствует кисточке львиного хвоста (в александропольском изображении эта зооморфная трансформация не

прослеживается). Элементы позднегреческого грифона в александропольском изображении проявляются в клювовидности верхней челюсти и наличии гребня рептилии.

Данное изображение моделировано в низком рельефе, с доработкой деталей прорезями. Монстр показан со всеми четырьмя ногами, но с крыльями в строго профильном ракурсе. Задние ноги находятся в высоком шаге, левая передняя немного поднята (подобно грифону или льву в характерной позе), правая передняя опирается на землю. Шея вытянута наискось вперед, голова опущена перпендикулярно шее. Крыло загибается вперед и, в своей верхней части, поднимаясь над спиной монстра, превращается в голову и шею козы или козла, рог которого не прослеживается, но в наличии борода и характерная морда [106]. Хвост отогнут вверх и далее вперед и вниз, упирается концом в спину монстра, образуя замкнутую петлю.

**Хронология.** Как уже отмечалось выше, комплекс александропольского кургана на основании объективных показателей датируется в пределах **340-300 гг. до н.э.**

## Группа II - отдел II

В рамках данного таксона дифференцируется 1 тип.

**Тип II-II-1 Нимфейско-майкопский** составлен 2 изображениями, происходящими с территории Крыма (1) и Прикубанья (2) и оформляющими золотые нашивные бляшки (рис. 16). Изображения моделированы в высоком одностороннем рельефе. Здесь представлен крылатый короткоголовый и широкомордый хищник с коротким ухом (т.е. крылатый лев), в одном случае с клювовидно загнутым языком (2). Фигура строго профильна в трактовке крыльев, но отображены все четыре ноги, а в нимфейском изображении - еще и оба уха (1). Контур изображения подпрямоугольный. Монстр показан стоящим в высоком одноименном шаге (правая нога перед левой), с разрывом между парами передних и задних ног, причем в майкопском изображении (2) зверь опирается на землю, имитированную двойной широкой рифленой полосой. Голова на дуговидно изогнутой шее повернута назад и направлена горизонтально, симметрично загибу крыла и хвоста. Крыло ориентировано назад и вверх. Хвост в нимфейском изображении гладкий, с продольным желобком, на конце трансформируется в крупную птичью головку с округлым глазом, мощным загнутым клювом и рельефной восковицей (1); в майкопском изображении (2) хвост состоит из рельефных шариков.

Не имея близких аналогий среди грифонов, данные изображения композиционно-стилистически очень сходны со стоящим кошачьим хищником на бляшках из того же Майкопского клада, также опирающимся на землю, имитированную рифленой полосой [107].

**Хронология.** Объективную датировку имеет лишь нимфейское изображение - как уже было сказано, весь Нимфейский могильник (по античным импортам и иным показателям) датируется в рамках 475-425 гг. до н.э. Майкопская фигура гораздо схематичнее нимфейской, причем характерная для нее столь редкая деталь, как горизонтальная опора для лап хищника, присутствует помимо вышеуказанного кошачьего хищника из Майкопского клада, в двух надежно датированных прикубанских изображениях кошачьего хищника - из курганов 1 и 8 Уляпского могильника, комплексы которых по объективным показателям (античная керамика) датируются соответственно 1-й половиной (с тяготением к 1-й трети) IV в. до н.э. [108] и 2-й половиной IV в. до н.э. [109]. Соответственно майкопское изображение тяготеет уже к IV в. до н.э., но не может, в силу большого сходства с нимфейским, быть отделено от него значительным хронологическим разрывом. Таким образом, можно допустить совокупную датировку данного типа в пределах **2-й четв. V - нач. IV в. до н.э.**

## Группа III - отдел I

В рамках данного таксона дифференцируется 1 тип.

**Тип III-I-1 Перепятихинский** составлен единственным изображением. Это воплощение канона раннегреческого грифона, выполненное с элементами собственно скифского звериного стиля и оформляющее золотые и серебряную нашивные бляшки из кургана Перепятиха у с.Марьяновка на Среднем Днепре, раскопанного в 1845 г. Н.Д. Иванишевым [110] (рис. 17).



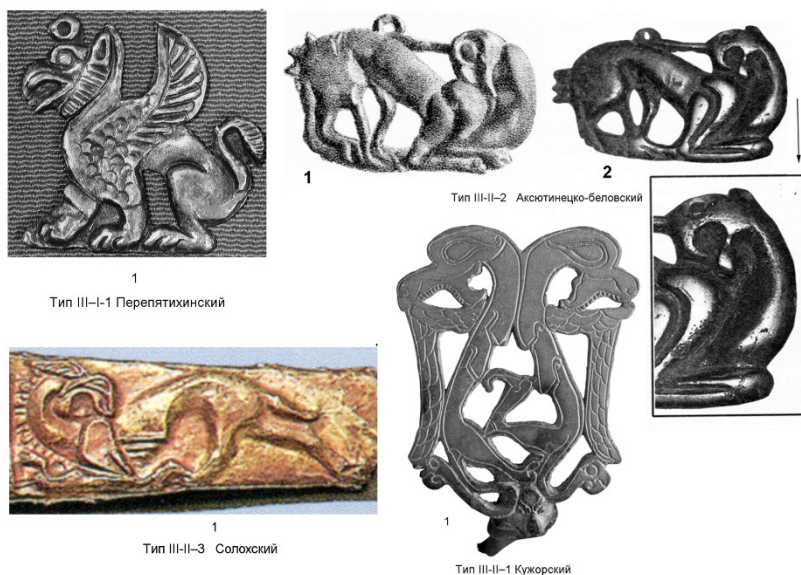


Рис. 17. Образ грифона. Полнофигурные изображения. Тип III-I-1 Перепятихинский: 1 - курган Перепятиха у с. Марьяновка (по: Piotrovsky B., Galanina L., Grach N. Scythian Art. Leningrad, 1986. Fig.22). Тип III-II-1 Кузьорский: 1 - станция Кузьорская, курган 1 (по: Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Указ. соч. Кат.89). Тип III-II-2 Аксютинецко-беловский. 1 – Аксютинцы, курган 2, раскопки С. А. Мазараки 1883-1885 гг., (по: Бобринский А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. 2: Дневники раскопок 1887–1889 гг. СПб., 1894. Табл. XXIII, 6, 7); 2 - Беловский р-н Курской обл., предположительно окрестности с. Гочево, случайная находка (по: Шпилев А.Г. Зооморфные украшения скифского времени из Курской области // Древности Днепровского Левобережья от каменного века до позднего средневековья (к 80-летию со дня рождения А.И. Пузиковой) // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Вып.4. Курск, 2012. Рис.3: 3). Тип III-II-3 Солохский: 1 - Солоха, Боковое погребение (по: Манцевич А.П. Указ соч. Кат.44)

Эти бляшки неоднократно становились объектом исследования, начиная с работы М.И. Ростовцева<sup>[111]</sup>, но наиболее тщательному анализу их подверг С.А. Скорый<sup>[112]</sup>. Исследователь дифференцировал три типа изображений - «реалистичных» левосторонних (1 серебряная позолоченная бляшка), «схематичных» левосторонних (5 золотых бляшек) и «схематичных» правосторонних (3 золотых бляшки), изготовленных по двум противоположенным матрицам с последующей доработкой деталей. Для бляшки из Перепятихи, относящейся к первому типу, С.А. Скорый допустил непосредственно переднеазиатское производство и объяснил ее появление в Поднепровье следствием переднеазиатских походов скифов, приведя в качестве ближайших аналогий изображения грифонов раннегреческого типа на келермесском зеркале и на ионийском сосуде, а также переднеазиатского типа из Луристана<sup>[113]</sup>. Для двух других типов бляшек исследователь предположил местное производство, исходя из большей схематичности и примитивности данных изображений по сравнению с бляшкой первого типа, отметив при этом отсутствие каких-либо аналогий данным изображениям в Северном Причерноморье.

К сказанному С.А. Скорым следует добавить, что грифоны из Перепятихи, при всем их сходстве с греко-ионийскими грифонами на Келермесском зеркале, более схематичны и гротескны и отличаются невнятно переданным незагнутым языком в полуприкрытой пасти, геометризованным ухом, холкой, шейной складкой и крылом, гипертрофированными лапами и кончиком хвоста. Вместо малопонятного для местных мастеров шишки-рога раннегреческих грифонов или завитка переднеазиатских грифонов на темени грифонов из Перепятихи изображен кружок - следствие геометризации образа в скифской среде. На пяти бляшках из девяти, представляющих все три выделенных С.А. Скорым типа, этот кружок был, очевидно, доработан и имеет округлое углубление, что создает впечатление кольцевидного завитка, который в совокупности с глазом грифона может трактоваться как птичья головка клювом вверх, т.е. как следствие характерного для скифского искусства приема зооморфной трансформации.

**Аналогии и хронология.** Грифоны из Перепятихи, скорее всего, созданы под влиянием полнофигурных изображений грифонов в искусстве греческой архаики (ср. грифона с детенышем на бронзовой пластине из Олимпии<sup>[114]</sup>. Здесь также весьма вероятно влияние греческой вазописи VII в. до н.э.<sup>[115]</sup> - ср., в частности, грифонов на ойнохое Леви<sup>[116]</sup>, геральдических грифонов у священного древа на коринфской вазе<sup>[117]</sup>, и, особенно, изображенную на вазе того же круга птицу-грифа с закрученным вперед хохолком на месте шишки-рога<sup>[118]</sup>, аналогичным вышеупомянутому кольцевидному завитку на темени некоторых перепятихинских грифонов, с одной стороны, и завитку на темени более ранних хеттских монстров, с

другой стороны. Последняя аналогия позволяет допускать прямую преемственность изображений из Перепятихи по отношению к передневесточной традиции - ср. луристанскую аналогию, приводимую С.А. Скорым [119], с учетом не раз отмечавшегося непосредственного влияния хеттского монументального искусства на иконографию протокоринфских ваз [120]. Не случайно А.И. Шкурко склонен относить перепятихинские изображения к типу ориентализирующего, а не раннегреческого грифона [121].

Курган Перепятиха ранее, как правило, относили к VI в. до н.э. [122], но С.А. Скорый датировал его **2-й половиной VII в. до н.э.** [123], что подтверждается, как мы видели, иконографическими параллелями.

### **Группа III - отдел II**

В рамках данного таксона дифференцируются 3 типа.

**Тип III-II-1 Кужорский** составлен единственным изображением, происходящим с территории Прикубанья - на щитке бронзового псаля из кургана 1 у ст. Кужорской (1). Моделировка плоскостная, контуры всех внутренних деталей в изображениях на щитке образованы либо прорезями, либо (на плоскости) углубленными линиями (**рис. 17**).

Это трансформация рогов оленя, объемная головка которого оформляет стержень данного псаля. Щиток псаля в целом выполнен в виде односторонних осесимметричных пышных рогов оленя, направленных вверх и трансформированных в двоянные фигуры безухих грифонов, упирающихся раскрытыми ртами в собственные крылья. При этом в качестве передних рогов оленя выступают нижние части хвостов этих грифонов, а вся остальная часть грифоновых тел играет роль задних рогов оленя. Грифоны представлены в строго профильном ракурсе. Они предостоят или предлежат друг другу и примыкают друг к другу шеями и (частично) ногами. Головы грифонов обращены назад, в противоположные стороны. Завершение нижней челюсти отогнуто вниз, отчего она приобретает сходство с клювом, тогда как подбородок обозначен невысоким треугольным выступом в основании нижней челюсти. Геометризированная лопаточно-плечевая часть слита с рудиментарной, крайне схематизированной передней ногой, отходящей назад. Окончания крыльев упираются в окончания изогнутых хвостов грифонов. Нога левого от зрителя грифона показана почти прямой, перпендикулярной туловищу, ее когти упираются в подхвостье грифона, помещенного справа. Задняя нога правого грифона также отходит перпендикулярно от туловища, но затем при переходе в ступню изгибается вверх или вперед, подпирает живот данного грифона и зажата между окончаниями рудиментарных передних ног грифонов. Преувеличенная ступня этой задней ноги, имеющая всего один коготь, перпендикулярный ступне, превращена в шею и голову хищной птицы; роль шеи птицы здесь выполняет собственно ступня/лапа до когтя, глаз отграничен дуговидной линией в основании когтя, а сам коготь играет одновременно роль загнутого клюва. Окончания хвостов грифонов превращены в голову хищной птицы.

**Аналогии и хронология.** Ближайшую композиционно-стилистическую аналогию составляет псалий из того же кургана 1 у станицы Кужорской - с головой оленя, рога которого трактованы в виде стилистически тождественных хищников, грызущих собственные передние лапы [124]. Как уже указывалось, изображения из кургана 1 у ст. Кужорской, относящиеся к разным образам и типам, датируются в рамках **1-й - 3-й четверти IV в. до н.э.** на основании стилистических и иконографических аналогий с изображениями из упомянутых выше надежно датированных Елизаветинских курганов (курган 4/1913 г., или Южный, датируемый 1-ой четвертью IV в. до н.э. и курган 7/1917 г., датируемый 3-ей четвертью IV в. до н.э.).

**Тип III-II-2 Аксютинецко-беловский** образован 2 изображениями из Среднего Поднепровья (1) и Среднего Подонья (2), оформляющими бронзовые уздечные бляхи. Здесь представлен бескрылый рогатый клювоголовый грифон. Изображение рельефное, одностороннее, с использованием прорезей. Грифоны представлены с приподнятым задом, опирающимся на почти прямые сближенные ноги, согнутые в лапах, с опущенной до земли грудной частью и подложенными передними ногами, с изогнутой назад шеей, с повернутой назад головой, противонаправленной туловищу и опирающейся клювом на лопатку, с единственным рогом, отходящим от темени или глазной части назад и упирающимся в спину (**рис. 17**).

Основу хронологии типа составляет аксютинецкое изображение, поскольку комплекс, к которому оно относится - Аксютинцы, курган 2 раскопок С.А. Мазараки (1883-1885 гг.), - датируется по чернолаковому килику **3-й четв. - сер. V в. до н.э.** [125]. Почти тождественное ему беловское изображение должно датироваться аналогично.

**Тип III-II-3 Солохский.** К данному типу относится 1 изображение, происходящее с территории Нижнего Поднепровья. Оно оформляет золотую обкладку ножен меча из бокового погребения Солохи (1) (**рис. 17**).

Здесь представлено синкретическое существо, в целом отвечающее нормам иконографии кошачьего хищника, но наделенное при этом четким гребнем рептилии и ухом копытного или волчьего хищника, с хвостом волчьего хищника, т.е. перед нами нечто вроде грифона позднегреческого канона, при этом лишенного птичьих элементов - крыльев и клюва. Изображение моделировано в высоком рельефе. Грифон показан в S-видной композиции, со всеми четырьмя ногами, с приподнятым задом, с опущенной до земли грудной частью, с изогнутой назад шеей, с повернутой назад головой, опущенной вертикально и опирающейся мордой на лопатку. Задние ноги находятся в широком низком шаге, левая перед правой (лапа левой ноги упирается в суставы согнутых передних ног), передние ноги согнуты под острым углом и ориентированы предплечьем и кистью вперед, правая над левой.

Хронология изображения определяется объективной датировкой бокового погребения Солохи на основании античных импортов. Эта дата, как уже отмечено выше - **400-375 гг. до н.э.**

## §2. Образ бараноптицы/грифобарана

**Идентификация.** Необходимыми иконографическими признаками грифобарана/бараноптицы традиционно в научной литературе считаются загнутый или закрученный птичий клюв и U-образные бараньи рога, исходящие из двух близко расположенных точек на темени, затем расходящиеся в стороны вниз по поверхности головы, обрамляющие глаза снизу и проходящие перед глазами, почти смыкаясь на лбу. В некоторых случаях рога и иные детали бараноптицы могут быть зооморфно трансформированы.

Полная сводка изображений бараноптицы и результаты картографирования соответствующих местонахождений на территории скифской археологической культуры и за ее пределами представлены (см. **рис. 18**) в предыдущих работах автора [126]. Там же решаются вопросы генезиса данного образа, его стилистической эволюции, хронологии, семантики и статистики категорий вещей, которые оформляет этот мотив (их количество, естественно, больше, чем оригинальных изображений и составляет 91 единицу [127]). Поэтому здесь мы сосредоточимся на типологии и хронологии изображений.

Тема бараноптицы в скифском искусстве представлена неизменно в редуцированном отображении, причем в двух вариациях - головы в сочетании с ногами или копытами и просто обособленные головы.

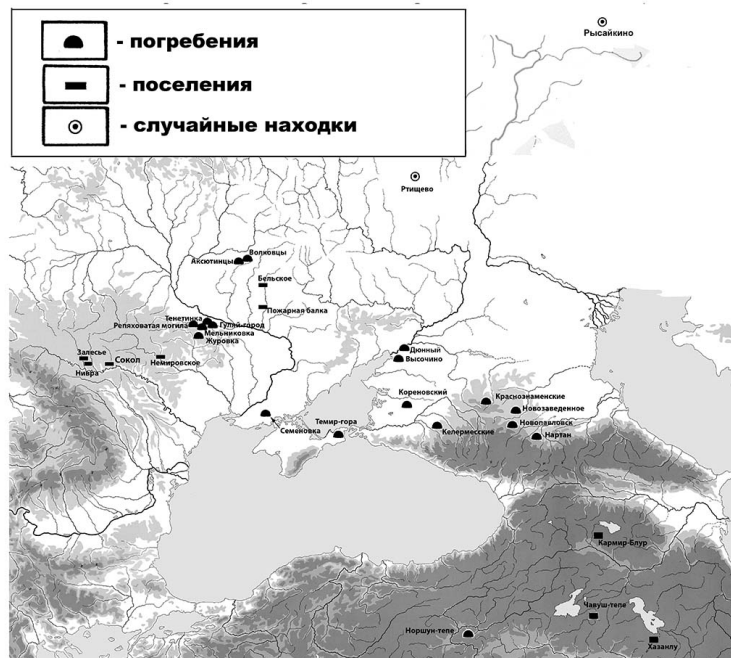


Рис. 18. Картография изделий с изображениями бараноптицы

### §2-1. Головы в сочетании с ногами или копытами

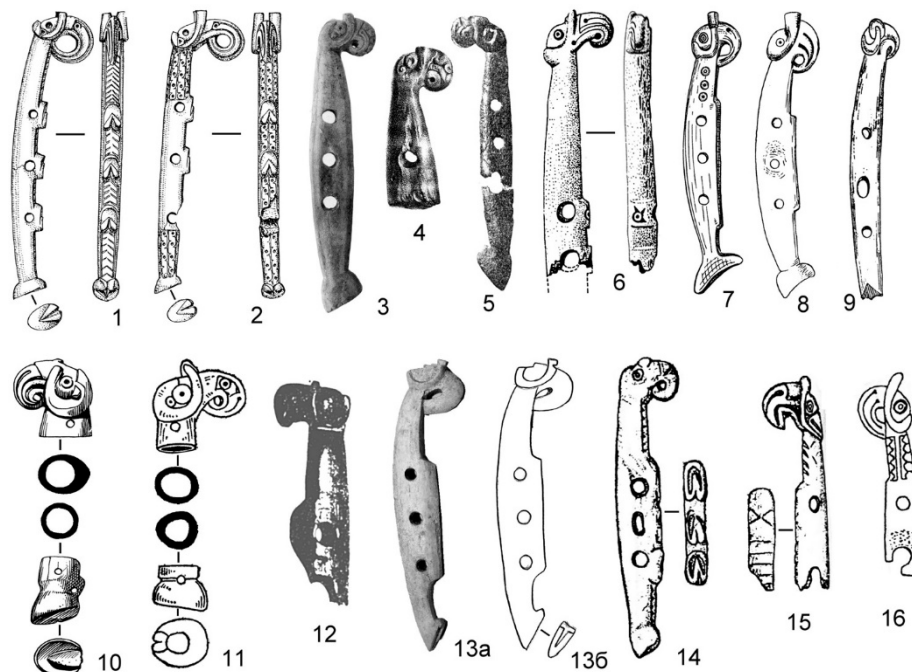
Изображения, относящиеся к данному мотиву, формируют единый тип (**рис. 19**).

**Тип 1 Новоазовско-аксютинецкий** объединяет 16 оригинальных изображений, происходящих преимущественно с территории Среднего Поднепровья (3-9, 11, 14-16), а также из Центрального



Предкавказья (1, 2, 13) и Прикубанья (10). Все эти изображения оформляют элементы конского снаряжения - трёхдырчатые костяные/роговые пса́лии (1-9, 12-16) и костяные насадки на деревянные пса́лии (10, 11) [128]. Моделировка объёмная, детали рельефные, при этом изображения рассчитаны на профильное обозрение - в одних случаях двустороннее, в других одностороннее.

Изображения данного типа, как правило, представляют голову и шею бараноптицы (верхняя часть пса́лия) и ногу бараноптицы (нижняя часть пса́лия). Это своего рода знак полнофигурной бараноптицы, её «альфа и омега»; при этом отображается не птица с бараньими рогами, а животное с копытами, бараньими рогами (часто и с ухом - 1-4, 10, 11, 15), но с птичьим клювом, что очень важно для семантической идентификации образа.



Тип 1 Новозаведенско-аксютинецкий

Рис. 19. Образ бараноптицы. Головы в сочетании с ногами или копытами. Тип 1 Новозаведенско-аксютинецкий: 1, 2 – Новозаведенное-II, курган 16 (по: Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Хронология центральной группы курганов могильника Новозаведенное-II // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология / Под ред. В.И. Гуляева, В.С. Ольховского М.: ИА РАН, 2000. Рис. 3; 4: 8); 3 – Аксютинцы, курган 2 (по: Бобринский А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т.III. СПб., 1901. Табл. VII); 4 курган у Мельниковки (по: Бобринский А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т.I. Дневники пятилетних раскопок гр. Алексея Бобринского. СПб., 1887. Табл. XI, 16); 5 – Журовка, курган 407 (по: Бобринский А.А. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 году в Чигиринском уезде Киевской губернии // Известия археологической комиссии. Вып. 14. СПб., 1905. Рис. 76); 6 – Немировское городище (по: Смирнова Г. И. Предварительные данные о Немировском городище// Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи / Под ред. А.Б. Супруненко. Полтава, 1996. Рис. 11: 2); 7 – Старшая могила (по: Ильинская В.А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья. Киев, 1968. Табл. III, 2); 8 – Волковцы, к. 2, 1886 г. (по: Могилов А. Д. Указ. соч. Рис.43: 4); 9 – с. Гуляй-город, курган 40 (по: Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII–VI вв. до н.э.). Киев, 1975. Табл. III, 2); 10 Келермесские курганы, курган 1/В, набор коня 21 (по: Галанина Л.К. Келермесские курганы. Кат. 179-182, табл.16, 21); 11 – Репяховатая могила, погребение 1 (по: Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А. И. Курганы VI в. до н.э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ / Под ред. А.И. Тереножкина. Киев, 1980. Рис. 4: 13, 14); 12 – поселение Пожарная Балка (по: Андриенко В.П. Детали конской упряжи с поселения Пожарная Балка // Донецкий археологический сборник. Вып. 9. Донецк, 2001. Рис. 2: 1); 13-а (фото), 13-б (прорисовка) – могильник Нартан-1, курган 15 (фото автора в Национальном музее Республики Кабардино-Балкария, шифр изделия НМРКБ № ИК 50717, публикуется с любезного разрешения директора музея Ф.Р. Накова и хранителя А.Б. Денпуевой; прорисовка В.Г. Петренко по НМРКБ № ИК 50717, публикуется с любезного разрешения В.Г. Петренко); 14, 15 – Бельское городище, зольник Царина (по: Могилов А.Д. Указ. соч. Рис.43: 6, 7); 16 – Волковцы, курган 4 (по: Могилов А. Д. Указ. соч. Рис.43: 5)

Голова увенчивает длинную усеченно-коническую или цилиндрическую шею, при этом клюв горизонтален, реже немного приподнят (1, 2, 6). Клюв закручен (1-11, 13, 14, 16) реже загнут (12, 15). Надклювье может быть поперечно зарифлено овалами или квадратами (3, 4). Линия рта чаще обозначена одним или двумя

желобками, но может быть маркирована и вписанной в клюв рудиментарной птичьей головкой, сонаправленной с клювом бараноптицы и состоящей из кружка-глаза (играющего одновременно роль ноздри бараноптицы) и длинного сегментовидного клюва (1, 2, 11). Глаз нормальных пропорций, округлый, выпуклый, с впадиной зрачка в рельефных кольцах зеницы и глазницы, но может быть и не проработан (9, 13). Рога тонкие рельефные гладкие, восходят над поверхностью головы, в келермесском изображении между рогами на темени показан выступ. Ухо плотно прилегает к шее, заходя на поверхность рога, оно либо миниатюрное подтреугольное (1-4), полуовальное (10), либо округлое (11), либо же средних размеров подтреугольное (15); оно показано с впадиной раковины, а в одном случае изоморфно подошве копыта (15). Шея слабо изогнута, чаще гладкая (3-6, 8-13) или с циркульными фигурами на боковой поверхности (7), но в ряде случаев на передней поверхности шеи, а иногда еще и по бокам, а также по задней поверхности рельефно обозначена шерсть - елочной или горизонтальной или косой насечкой (1-2, 14-16), причем эти насечки могут переходить в центральную зону псаля (1-2) (имитация шерсти на брюхе?), а также на его нижнюю часть псаля (1-2) (имитация мохнатых ног бараноптицы?). Нога укороченная, завершается преувеличенным копытом, обозначенным при переходе от надкопытной части с помощью утолщения, а также иногда отделенным уступом (10, 11); в одном случае (10) четко оформлен рудиментарный палец. Три остальные копыта могут быть обозначены выступами «под брюхом» - сбоку от трех отверстий псаля, причем это может быть как действительное копыто (1, 6, 14), так и выступы в виде солярного знака - «киммерийской розетки» (6). При этом копыта, в тех случаях, когда их подошва детализирована, всегда соответствуют морфологии лошадиного копыта - V-образной выемкой в основании (1, 2, 10, 11, 13, 14). Иногда завершения рогов изоморфны подошве лошадиного копыта (9) (это опять-таки «альфа» и «омега»).

**Иконографическая динамика.** Ядро типа составляют насадки на псалях из кургана 1/В Келермесского могильника (10) и, особенно, изображения, оформляющие псалях из могильника Новозаведенное-II, курган 16 (1, 2), где образ представлен наиболее полно, показаны четыре копыта, по сути, обозначающие все четыре ноги животного, завитками или елочкой передана шерсть на шее, животе и ноге бараноптицы; в келермесском изображении показан рудиментарный палец над копытом. Именно в келермесских и новозаведенских изображениях тщательно проработаны все анатомические детали, клюв удлиненный, воспроизведено овальное ухо, в основном утрачиваемое в ходе тиражирования в Среднем Поднепровье. К этому ядру типа примыкают также аксютинское, мельниковское и репяховатое изображения (по таким признакам, как оформление клюва и наличие уха) (3, 4, 11), а также бельское из Цариной могилы (14), передающее все четыре копыта. Остальные среднеднепровские изображения (5-9, 12, 15, 16), а также нартановское (13) демонстрируют тиражирование образа, в ходе которого искажается его иконография - исчезает ухо, порой и глаз (Нартан), клюв сливается с шеей и т.д.

**Аналогии и хронология.** Предшествующий опыт картографирования изделий и морфологический анализ изображений бараноптицы [129] позволяет утверждать, что мотив бараноптицы возник на Северном Кавказе, развивался и тиражировался в Среднем Поднепровье, Подонцовье и Нижнем Подонье, но распространялся, хотя и в значительно меньшем масштабе, и в других регионах, так или иначе испытывавших влияние скифской культуры (в зоне «савроматской» культуры на границе лесостепного Подонья и Поволжского Правобережья (псалях из Ртищева) и в Самаро-Приуралье (псалях из Рысайкина), а также в регионе скифских походов в Закавказье и Передней Азии - см. псалях из Хасанлу-III и Чавуш-тепе), причем в одних случаях налицо вполне адекватное воплощение образа, в других случаях - искажающее тиражирование.

Основу хронологии рассматриваемого типа бараноптиц составляют объективно датируемые изображения (келермесские, новозаведенские, из Репяховатой могилы и зольника Царина могила на Бельском городище). Курган 1/В относится к ранней группе Келермесского могильника, датируемой 660-640 гг. до н.э., по версии Л.К. Галаниной, содержащейся в ее основной публикации Келермесских курганов и основанной на базе тщательной типологии изделий и с учетом переднеазиатских импортов и влияний [130]. Датировка Новозаведенского кургана 16 610-590 гг. до н.э., как уже было указано, основывается на импортной ионийской керамике. Дата основного погребения (№ 1) Репяховатой могилы (не позднее рубежа VII-VI вв. до н.э.) определяется на основе датировки античной керамики, содержащейся во впускном погребении (№ 2) Репяховатой могилы и, естественно, указывающей на *terminus ante quem* для основного погребения [131]. Урочище Царина могила относится к горизонту Б Бельского городища, тогда как данный горизонт датируется в пределах 3-й четв. VII - 1-й четв. VI в. до н.э.; эти рамки определяются фрагментами ионийской столовой расписной посуды и обломками милетских и лесбосских амфор; также горизонт Б содержит наконечники стрел келермесского типа и характерные железные ножи [132]. Остальные среднеднепровские изображения, как и нартановское, будучи подражательными по отношению к вышеуказанным, могут датироваться вплоть до сер. VI в. до н.э., сообразно датировке соответствующих псаляев.

Этим датировкам не противоречат переднеазиатские аналогии из Чавуш-тепе и Хасанлу, датированных А.И. Иванчиком 2-й - 3-й четв. VII в. до н.э. [133]. Существенное удревление (до рубежа VIII-VII в. до н.э.) самаро-приуральского псаля из Рысайкина с изображением бараноптицы, недавно предпринятое А.С. Балахванцевым на основе тщательного палеографического анализа арамейской надписи, нанесенной на этот



предмет [134], как представляется, пока является дискуссионным, поскольку нельзя исключить сохранения навыков старых начертаний арамейских букв в течение четверти века - до 2-й четверти VII в. до н.э. - времени, когда, по нашим представлениям, сформировался образ бараноптицы.

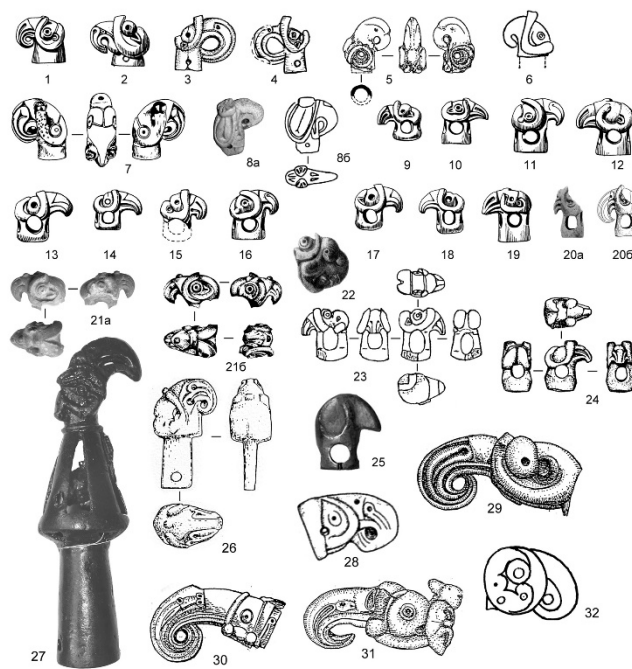
Таким образом, предельные рамки данного типа: **2-я четв. VII - сер VI в. до н.э.**

## §2-2. Головы

Изображения, относящиеся к данному мотиву, формируют единый тип (**рис. 20**).

**Тип 1 Келермесско-новозаведенский** объединяет 32 оригинальных изображения, происходящих преимущественно с территории Прикубанья (1, 2, 9-19, все - из Келермесских курганов), Ставрополя (3, 4, 20, 21, 26, 30) и Среднего Поднепровья (6-8, 22-25, 27), в меньшей мере из Нижнего Поднепровья (29), Крыма (31) и Нижнего Подонья (5, 28, 32). Большинство из этих изображений оформляют элементы конского снаряжения - костяные наконечники деревянных псалиев (1-8), костяные столбики-распределители уздечных ремней (9-25); реже это костяные наконечники (28-32) и бронзовые наконечники (27), а также костяная насадка со шпеньком неясного назначения (26). Моделировка скульптурная, рассчитанная на объемное обозрение.

Изображения данного типа представляют обособленную голову бараноптицы (иногда с шеей). Голова чаще посажена горизонтально (8-21, 23-25), реже - может быть приподнята относительно шеи (1-7). Линия рта, как и у головок бараноптицы Новозаведенско-аксютинского типа, может быть дополнительно маркирована вписанной в клюв рудиментарной птичьей головкой (2-4, 7, 28), либо головой некоего неясного животного (копытного, хищника или зайца) с длинным ухом (30, 31); на волковецких наконечниках (27) место этой фигуры в общей композиции занимает объемный дуговидный язык, отграниченный прорезями, что соответствует скорее иконографии грифона раннегреческого типа в скифском искусстве. В ряде случаев на темени между рогами показан округлый выступ (1, 19, 21, 26).



Тип 1 Келермесско-новозаведенский

Рис. 20. Образ бараноптицы. Головы. Тип 1 Келермесско-новозаведенский: 1, 2 — Келермесские курганы, курган 1/В, наборы коней 19 и 20, набор коня 24 (по: Галанина Л.К. Келермесские курганы. Кат. 168, табл. 21; кат. 195, табл. 16, 21); 3, 4 — Новозаведенное-II, курган 14, курган 5 (по: Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Хронология центральной группы курганов могильника Новозаведенное-II. Рис. 2А; 17: 11); 5 — могильник Кореновский-VII, курган 2, погребение 1 (по: Рябова Т.В. Образы звериного стиля в эпоху скифской архаики // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 37. СПб., 2005. Илл. 1: 7); 6 Репяховата могила, погребение 2 (по: Ильинская В.А., Мозолевский Б. Н., Тереножкин А. И. Курганы VI в. до н.э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ / Под ред. А.И. Тереножкина. Киев, 1980. Рис. 17: 3); 7 — поселение у с. Нивра (по: Бандрівський М. С. Про час появи найраніших зразків скіфського звіриногостилу на заході України // Білське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи / Под ред. А.Б. Супруненко. Полтава, 1996. Рис. 1: 1; 1а); 8 - поселение у с. Залесье (по: Могилов А.Д. Указ. соч. Рис. 56: 23); 9-12 - Келермесские курганы, курган 1/В, наборы коней 19 и 20, набор коня 22 (по: Галанина Л.К.

Келермесские курганы. Табл. 21, кат. 172, 173, 188, 189); 13 19 Келермесские курганы, курган 2/В, наборы коней 3 и 4, набор коня 5, набор коня 11, набор коня 14 (по: Галанина Л.К. Келермесские курганы. Табл. 16, 22, кат. 235-238, 240, 241, 275, 289, табл. 22); 20-а (фото), 20-б (прорисовка) – могильник Красное Знамя, курган 1, Южная могила (по: Петренко В.Г. Краснознаменский могильник: элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе (Серия *Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum*. Т. 1.). М.; Берлин; Бордо, 2006. Табл. 74, кат. № 62, табл. 105: 6); 21-а (фото), 21-б (прорисовка) - Новоавловск-3, курган 1 (по: Канторович А.Р., Петренко В.Г., Маслов В.Е. Раскопки кургана раннескифской эпохи у г. Новоавловска (предварительная публикация) // *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа*. Вып. VII. Археология, палеоантропология, краеведение, музееведение / Под ред. А.Б. Белинского. М., 2007. Рис. 39); 22 Тенетинка, курган 211 (по: Бобринский А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. 2: Дневники раскопок 1887–1889 гг. СПб., 1894. Табл. IV, 2); 23 - поселение Сокол (по: Могилов А.Д. Указ. соч. Рис. 135, 2); 24 - поселение Пожарная Балка (по: Андриенко В.П. Указ. соч. Рис. 2: 9); 25 - Журовка, курган 407 (по: Бобринский А.А. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 году в Чигиринском уезде Киевской губернии // *Известия археологической комиссии*. Вып. 14. СПб., 1905. Рис. 77а); 26 - Новозаведенное-II, курган 7 (по: Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Погребение знатной скифянки из могильника Новозаведенное II (предварительная публикация) // *Материалы и исследования по археологии России*. Вып. 6, 2004. Рис. 9: 7); 27 - Волковцы, курган 476 (фото автора в Государственном Эрмитаже, шифр изделия ГЭ Дн 1932 16/8, публикуется с любезного разрешения заведующего Отделом археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа А.Ю. Алексеева; 28 - курган Дюнный в Аксайском районе Ростовской области (по: Посегун А.А. Раскопки кургана Дюнный в Аксайском районе Ростовской области // *Археологические записки*. Вып. 6. 2009. Рис. 9: 34); 29 – Семеновка (по: Leskov A.M. *Die Skythischen Kurgane: die Erforschung der Hügelgräber Südrusslands* // *Sondernummer of Antike Welt: Zeitschrift für Archäologie und Urgeschichte*, Jg. 5. Zürich, 1974. 54, abb. 74); 30 - Новозаведенное-II, курган 13 (по: Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Хронология центральной группы курганов могильника Новозаведенное-II. Рис. 5: 1); 31 - Темир-гора, погребение 81 (по: Яковенко Э.В. Предметы звериного стиля в раннескифских памятниках Крыма // *Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии* / Под ред. А.И. Мелюковой, М.Г. Мошковой. М., 1976. 128, 130, рис. 1); 32 - Высочино (по: Коренько В.А., Лукьяшко С.И. Новые материалы раннескифского времени на левобережье Нижнего Дона // *Советская археология*. № 3. 1982. Рис. 2: 2, с дополнениями рисунка автором по итогам изучения изделия *de visu* в Азовском краеведческом музее, шифр изделия АКМ, КП-15207, с любезного разрешения директора музея А.А. Горбенко)

Сами рога восходят над поверхностью головы и часто подвергнуты зооморфной трансформации: их завершения могут быть изоморфны подошве лошадиного копыта (7, 8), их корень может быть преобразован в голову быка анфас (27), причем рога этого быка, проходящие под глазом бараноптицы, в свою очередь, трансформированы в головы хищной птицы с мощными загнутыми клювами, упирающимися в расположенную перед глазом бараноптицы фигуру длинноухого зверя (вероятно, копытного, но не исключено, что зайца). Рога бараноптицы на налучье из Темир-горы (31) за и перед её глазом замещены двумя парами фигур животных, сросшихся головами. Рога обычных, не нагруженных дополнительными изображениями головок бараноптиц и баранов в памятниках келермесского круга обычно исходят из двух близко расположенных точек на темени, а затем расходятся в стороны вниз, и соответственно звери за головой темиргоринского грифобарана слиты головами, а туловища их расходятся. Далее рога в изображении из Темир-горы обрамляют глаза снизу - это рельефные валики, продолжающие линию вышеназванных зверей и, возможно, играющие роль хвостов этих зверей, преувеличенных и задранных вверх, а затем проходят перед глазами, почти сходясь на лбу, где и трансформируются во вторую пару зверей. У бараноптицы на налучье из Новозаведенного-II, к. 13 рога образованы «разъятой» на два профиля фигурой кошачьего хищника (30). У бараноптицы на налучье из Высочино оба рога превращены в головы хищных птиц (32). Во всех случаях, как мы видим, указанные «вторичные» парные фигуры копытных и хищников композиционно располагаются строго по линии рогов грифобарана. Описанная трансформация рогов приводит к фактической неразличимости последних и, как следствие, к образно-семантической пограничности [135].

В рамках данного типа наблюдается определенная иконографическая динамика. Ядро типа составляют столбики-распределители из Келермесских курганов 1/В и 2/В (1, 2, 9-19), а также из могильников Новозаведенное II, к. 7 (26) и Новоавловск-3, к. 1 (21), где образ представлен наиболее полно и тщательно: клюв мощный, отображен выступ между рогами - атавизм теменных выступов на передневозосточных и ионийских прототипах бараноптицы (связан с влиянием образа восточногреческого грифона, одного из стилистических истоков бараноптицы [136]), наличествуют уши (исключая новозаведенское изображение). Среднеднепровские изображения демонстрируют тиражирование образа, в ходе которого искажается его иконография - исчезает ухо (присутствует только в изображении из поселения Сокол - 23), порой исчезает и глаз (24), клюв сливается с шеей, рога становятся аморфными (8) и т.д.

**Аналогии и хронология.** Аналогии данному типу бараноптиц происходят из Закавказья и Передней Азии - зоны скифских походов: это костяные насадки из Тейшебаини, одна из них - втульчатая - на деревянный псалий, другая - со шпеньком - неизвестного назначения [137], бронзовые распределители уздечных ремней из погребения Норшун-тепе [138].

Основу хронологии рассматриваемого типа составляют изображения из Келермесских курганов 1/В и 2/В (660-640 гг. до н.э.) (о проблеме датировки ранней Келермесской группы см. выше), из Темир-горы (дата по ионийской ойнохое - 3-я четв. VII в. до н.э. [139] или, более узко - 640-630 гг. до н.э. [140]), из курганов 7 и 13 могильника Новозаведенное II (2-я пол. VII - нач. VI в. до н.э.) [141], из вышеупомянутого впускного погребения (№ 2) Репяховой могилы, об основаниях датировки которого рубежом VII-VI вв. до н.э. было уже сказано. При этом большинство среднеднепровских изображений, будучи подражательными по отношению к вышеназванным, могут датироваться вплоть до сер. VI в. до н.э., сообразно датировке соответствующих предметов узды. Таким образом, предельные рамки данного типа: **2-я четв. VII - сер VI в. до н.э.**

### §3. Комбинация образов грифона и бараноптицы

**Идентификация.** В скифском искусстве присутствует образ, сочетающий черты раннегреческого грифона и бараноптицы. Эта тема представлена в редуцированном отображении, в виде обособленной головы, выявляется единственный тип с единственным изображением (рис. 21).

**Тип 1 Ульский** составляет изображение головы, оформляющей бронзовое навершие ритуального шеста из Прикубанья - из Ульского кургана №1 (раскопки 1908 г.). Изображение объемное, моделировано сходящимися плоскостями, с использованием прорези для передачи пасти, рассчитано на боковой обзор. Бубенец навершия через гладкий поперечный валик перерастает в короткую шею, увенчанную перпендикулярной ей головой.

Морда клювообразная, надклювье мощное, дуговидно изогнутое, по бокам разделенное на три продольных валика. Подклювье изломано под прямым углом, упирается в небо, по бокам разделено на два продольных валика. Рот открыт, во рту четко моделирован скульптурный язык: он отходит от нижней челюсти наискось вверх и касается неба. Восковица почти вертикальная, выступающая над клювом. Глаза монстра небольшие округлые, моделированы полушариями. Уши не показаны. На затылке монстра, за глазом помещен уплощенно-шаровидный выступ, обрамленный подковообразным бараньим рогом. Шея гладкая, выполнена в виде короткого перевернутого усеченного конуса.

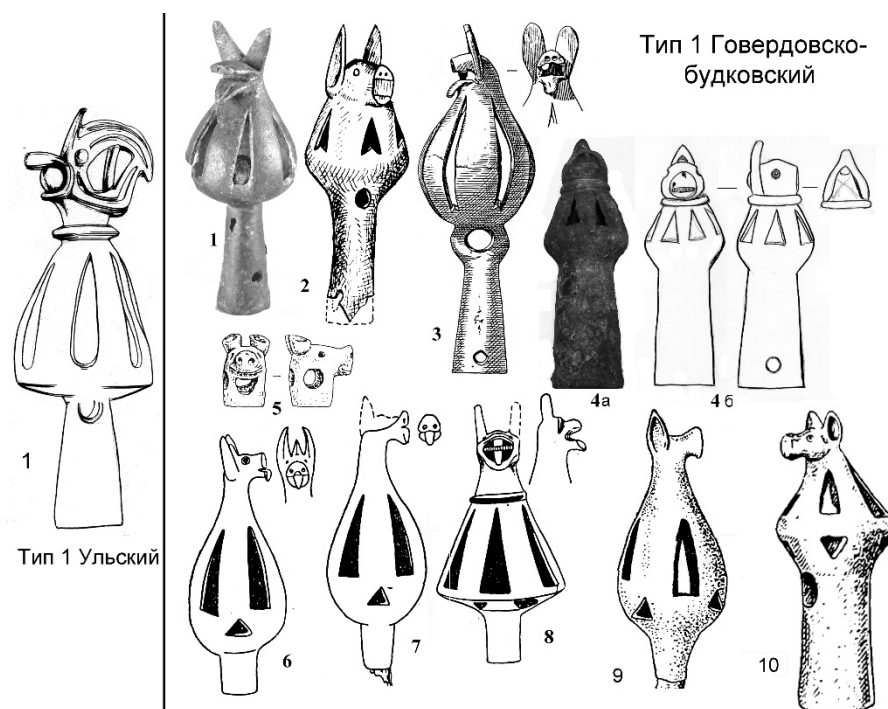


Рис. 21. Гибридные образы. Комбинация образов грифона и бараноптицы. Тип 1 Ульский: 1 - Ульские курганы, курган 1 1908 г. (по: *L'or des Scythes. Trésors de l'Ermitage. Bruxelles, 1991. P. 66, fig. 29*). Образ тупорылого зверя. Тип 1 Говердовско-будковский: 1 - курган 1 у хутора Говердовского (по: Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Указ. соч. Кат. 46); 2 - находка близ г. Майкопа (по: Волков И.Г. Указ. соч. Рис. 1: 7); 3 -

*Келермесские курганы, курган 3/III (по: Галанина Л.К. Келермесские курганы. Табл. 44, кат. 45); 4-а (фото), 4-б (прорисовка) - могильник Нартан-1, курган 13, фото и рисунок (фото автора в Национальном музее Республики Кабардино-Балкария, шифр изделия НМРКБ № 8050/551, публикуется с любезного разрешения директора музея Ф.Р. Накова и хранителя А.Б. Деппуевой; прорисовка В.Г. Петренко, публикуется с любезного разрешения В.Г. Петренко; впервые опубликовано в: Батчаев В.М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972—1979 гг. Вып. II. / Под ред. В.И. Марковин. Нальчик, 1985. Табл. 35: 14); 5 – Новозаведенное-II, курган 7 (по: Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Погребение знатной скифянки из могильника Новозаведенное II (предварительная публикация) // Материалы и исследования по археологии России. Вып. 6, 2004. Рис. 11: 4); 6, 7 – курган у с. Будки (по: Ильинская В.А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья. Киев, 1968. Рис. 42: 1, 2); 8 Роменские курганы (по: Там же. Рис. 42: 3); 9 - Волковцы, курган 476 (по: Там же. Табл. XXXVI, 11); 10 - с. Межирички у г. Балта Одесской обл. (по: Ильинская В.А. Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля // Советская археология. № 1. 1965. Рис.6: 3)*

**Аналогии и хронология.** Голова этого существа соответствует голове грифона раннегреческого типа (с полураскрытой прорезной клювовидной пастью, в которой виден торчащий наискось скульптурный язык, с ломаной нижней челюстью), но без вертикальных острых ушей, при этом их место в композиции занимает восковица (ср. вышеописанные погрудные изображения грифона типа 1 (Новозаведенско-келермесский), в первую очередь изображение из Новозаведенного). Но затылочную часть данного монстра мастер, очевидно, создавал под влиянием иконографии барана и бараноптицы, т.к. наделил монстра бараньим рогом, уменьшив его и сильно загнув назад. Огибаемый рогом шаровидный выступ на затылке монстра соответствует глазу в композиции барана и бараноптицы, но остается неясным, что конкретно хотел показать мастер ульского навершия - преувеличенный глаз, который он потом дополнил глазом в основании клюва, или же геометризированное ухо.

Наиболее близко ульскому монстру изображение «псевдогрифона» из Говердовской рассмотренного выше типа 1 протом грифона (Новозаведенско-келермесский тип) 2-й пол. VII в. до н.э.

Таким образом, данное изображение - очевидное следствие пересечения иконографии грифона и бараноптицы в рамках скифской изобразительной системы в процессе развития этих независимо возникших образов. Видимо, разрабатывая голову ульского монстра, мастер ориентировался на канон раннегреческого грифона, уже искаженный скифской переработкой. Это соответствует идентификации ульского изображения по типам уздечных принадлежностей с первым хронологическим горизонтом Ульских курганов по В.Р. Эрлиху, дата которого определена с учетом аналогий с курганом 16 Новозаведенного II и с Младшей группой Келермесских курганов в пределах 1-й пол. VI в. до н.э.<sup>[142]</sup>

#### **§4. Образ тупорылого зверя**

**Идентификация .** В скифском искусстве выявляется образ неопределенного животного, охарактеризованный А.И. Шкурко как «странные смешанные изображения»<sup>[143]</sup>. Данное существо наделено мордой с тупым завершением, четко выраженными ноздрями, высунутым языком и остроконечными вертикальными ушами (иногда еще и гребнем). Образ представлен только редуцированно (голова с шеей) и в рамках единого изобразительного типа (**рис. 21**).

**Тип 1 Говердовско-будковский** объединяет 10 изображений, происходящих с территории Прикубанья (1-3), Центрального Предкавказья (4, 5), Среднего Поднепровья (8, 9) и Нижнего Поднепровья-Поднестровья (10). В основном эти изображения оформляют бронзовые навершия с бубенцом (1-4, 6-10), и лишь в одном случае - роговые столбики-распределители уздечных ремней (5)<sup>[144]</sup>.

Изображения объемные, рассчитанные на круговой обзор. Бубенец наверший плавно (реже - через поперечный валик - 4, 8) перерастает в короткую, иногда почти не выраженную (2-4) шею, увенчанную перпендикулярной ей головой животного (1-4, 6-10), тогда как на столбиках-распределителях роль шеи выполняет сам столбик с отверстиями (5). Нос утолщен, причем спереди, по подобию пяточка свиньи, помещены ноздри, моделированные крупными округлыми углублениями по краям «пяточка» над прорезью пасти (в нартанском изображении (4) одна из ноздрей помещена не с краю морды, а на вершине «пяточка»). Рот зверя приоткрыт или открыт, пасть обозначена глухой прорезью или узким желобком по фасу, иногда с заходом на профили (1, 3, 5, 7-9). В случае, если пасть разинута, во рту, на плоскости нижней челюсти, отогнутой вниз, рельефным выступом показан треугольный язык, доходящий до самого конца нижней челюсти (1, 8), либо свисающий вниз за пределы челюсти (3, 6, 7, 9). Шея в изображениях на навершиях усеченно-коническая (1-4, 6-10), на столбиках-распределителях - цилиндрическая (5). Глаза животного либо небольшие округлые, моделированы выпуклостями (2, 4, 6, 9, 10) или впадинами (5) по сторонам головы, либо глаза не показаны, а как бы замещены сгибами между ушами и лбом (1, 3, 8). Уши преувеличенные,



треугольные или треугольно-овальные, развернуты вперед (1, 3, 4, 6) или в стороны (2, 8-10), ушные раковины могут быть имитированы углублениями (2, 4, 5, 9, 10). При этом в нартанском изображении (4) два уха слились в одно. В новозаведенском изображении (5) уши трактованы своеобразно: они скульптурные воронковидные, развернутые раковинами вверх, напоминают уши свиньи.

На одном из наверший из Будков (6; второе навершие обломано, но очень похоже на первое - 7) и на навершии из Волковцев (9) между ушами на темени помещен конусовидный выступ, возможно, имитирующий выступ на темени грифона раннегреческого типа или же хохолок гривы лошади.

О вероятных истоках и проблеме семантики данного образа см. в заключительной части данной статьи.

**Хронология**. Основу хронологии изучаемого типа и образа составляют изображения из объективно датированных комплексов (об основаниях их датировки уже сказано выше): из кургана 3/III Келермесского могильника (2-я пол. VII в. до н. э.), из кургана у хут. Говердовский (2-я пол. VII в. до н. э.) и из кургана 7 могильника Новозаведенное-II (2-я пол. VII - нач. VI в. до н.э.). С учетом подражательного характера волковецкого и нартанского изображений (4, 9), их можно датировать вплоть до середины VI в. до н.э.

Таким образом, совокупные рамки данного типа: **2-я пол. VII - сер. VI в. до н.э.**

## §5. Образы гиппокампа-лошади, грифоно-гиппокампа и «петушка-гиппокампа»

**Идентификация**. Выявляется серия из трех образов, объединяемых наличием в своей основе природной темы рыбы рода *Hippocampus* - морского конька (гиппокампа), контаминированной с иными образами, поэтому они рассматриваются в едином разделе. Эти образы формируются на границе с образом орлиноголового грифона и под очевидным влиянием греческого (а также, в ряде случаев, греко-фракийского) искусства, в котором тема гиппокампа, связанная в первую очередь с Посейдоном, была хорошо разработана.

### §5-1. Комбинация гиппокампа и лошади

Образ гиппокампа-лошади представлен единственным морфологическим типом.

**Тип 1 Уляпский** составлен единственным изображением из Прикубанья (из кургана 5 Уляпского могильника) (1), оформляющим парные S-овидные бронзовые двудырчатые псалии. Здесь представлены лошадиная голова и шея с гривой, оформляющие верхнюю часть псалия, и загнутый хвост гиппокампа, в виде которого выполнена нижняя часть псалия (**рис. 22**).



**Рис.22.** Образы модифицированного гиппокампа. Гиппокамп-лошадь. Тип 1 Уляпский: 1 – Уляпские курганы, курган 5 (по: Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Указ. соч. Кат. 63). Грифоно-гиппокамп. Тип 1 Краснокутско-тигульский: 1 – находка в районе Тилигульского лимана (по: Островерхов А.С., Охотников С.Б. О некоторых мотивах скифского звериного стиля на памятниках из собрания Одесского археологического музея // Вестник древней истории. № 2. 1989. Рис.4: 4); 2-1, 2-2, 3 - Краснокутский курган (по: Мелюкова А.И. Краснокутский курган. М., 1981. 9: 1 3)



Моделировка в целом объемная, но рассчитанная на одностороннее профильное восприятие, соответственно изображение сочетает скульптурность в трактовке шеи, головы, хвоста, рельефность в передаче глаз, ушей, носа, пасти, с плоскостной передачей гребня-гривы, внешний край которого подчеркнут углубленной линией. Шея гиппокампа дуговидно изогнута, голова перпендикулярна шее, уши торчат наискось назад, гребень-грива проходит от темени между ушами по всей длине шеи, нижняя часть тела дуговидно изогнута противоположно шее.

Детали трактованы схематично и лаконично. Гиппокамп наделен узкой конской головой. Ноздри и рот обозначены углублениями. Глаза округлые, моделированы выпуклой зеницей в кольце глазницы. Уши короткие треугольные с впадиной раковины. Голова плавно переходит в шею. Грива (она же гребень) пышная, моделирована высокими крупными треугольными выступами-зубцами. Нижняя часть тела представляет собой стержень, переходящий через рельефный поясok в рельефное кубаревидное утолщение, очевидно, имитирующее завершение хвоста гиппокампа.

**Аналогии и хронология.** Уляпское изображение, не имея близких образных аналогий в собственно скифском зверином стиле, композиционно сближается с изображениями лошади на бронзовых псалях из территориально близкого 2-го кургана группы Семибратних [145], датируемого по античной керамике 450-440 гг. до н.э. [146], а в трактовке головы эти псалии близки и стилистически, хотя уляпское изображение менее натуралистично в передаче носовой части и глаза. Сам же образ гиппокампа, несомненно, заимствован создателем уляпского изображения из греческого искусства, где он был широко известен, в том числе и на территории Северного Причерноморья (ср. изображения морских коньков на золотых пластинах из Куль-Обы) [147]. Однако создатель уляпских псалиев трактовал его вполне в духе местной стилистики. S-видная форма псалиев оказалась идеальной для передачи силуэта гиппокампа.

Таким образом, уляпские гиппокампы представляют собой уникальный опыт для местного искусства. Хронология изучаемого типа определяется **1-ой половиной IV в. до н.э.** по вышеуказанным объективным датировкам комплекса кургана 5 Уляпского могильника.

## **§5-2. Грифоно-гиппокампы**

Данный образ, являющийся комбинацией грифона позднегреческого канона и гиппокампа, представлен двумя типами.

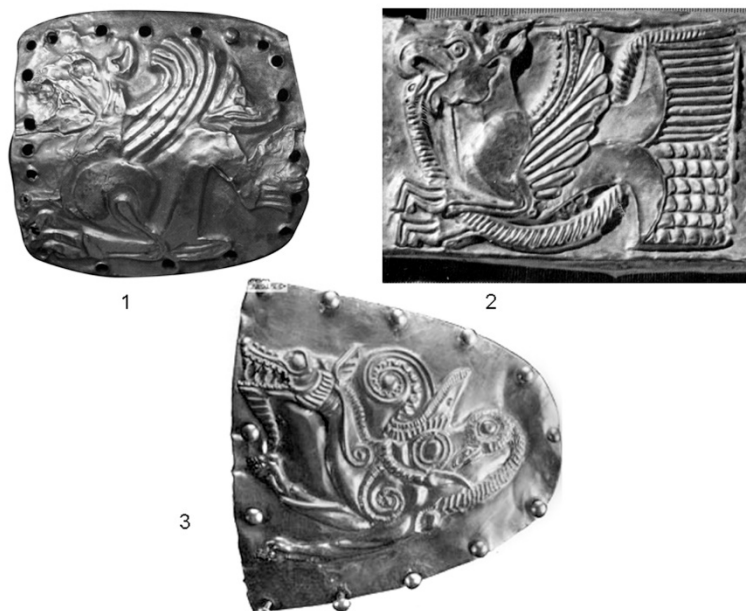
**Тип 1 Краснокутско-тилигульский** объединяет 3 изображения, происходящие с территории Нижнего Поднепровья (1-3) и оформляющие бронзовые навершия. Изображения моделированы в двустороннем рельефе с прорезями, но в расчете на боковой обзор. Здесь представлено некое существо (схватившее за шею и грызущее неизвестного зверя), наделенное головой и передними ногами кошачьего хищника, гребнем грифона, крыльями, без задних ног, со змеевидной задней частью туловища и хвостом, которые очень похожи на туловище и хвост гиппокампов в греческом искусстве (ср. например, вышеупомянутых морских коньков на золотых пластинах из Куль-Обы) [148] (рис. 22).

У грифоно-гиппокампа показаны обе передних ноги - с одной стороны и с другой стороны, совмещённые в единую объёмную ногу, и оба крыла (каждое рассчитано на односторонний обзор) - с одной стороны и с другой стороны, одно за другим. Передние ноги ориентированы наискось предплечьем и кистью горизонтально вперед и хватают жертву за шею. Шея грифоно-гиппокампа согнута дуговидно вперед, голова продолжает линию шеи и вертикально опущена. Это поза грифона или льва с поднятой передней лапой. Крылья ориентированы вертикально, перпендикулярно туловищу. Переднее из крыльев упирается концом в гребень, в его изгиб упирается следующее крыло, а в его изгиб, в свою очередь, упирается завиток хвоста. Лопатки закрыты крыльями. Змеиная часть туловища однократно закручена и переходит в хвост, задранный вверх и на конце загнутый вперед. Эта часть туловища может быть гладкой (1, 3), может быть покрыта рельефными овами (2 - имитация чешуи?). Окончание хвоста этого грифоно-гиппокампов в двух из трех случаев зооморфно трансформировано - превращено в голову хищной птицы (1) или в развернутую на зрителя подошву копыта (2).

**Аналогии и хронология.** Ближайшие аналогии, возможно, прототипы данному типу изображений и всей сцене пожирания неизвестного животного встречаются на золотых бляшках (вполне греческих по стилистике) из Никопольских курганов [149].

Хронология типа определяется объективной датировкой комплекса Краснокутского кургана, который, как было указано выше, датируется в пределах **350-320 гг. до н.э.** Остальные изображения, очень близкие краснокутским или почти тождественные с ними, должны датироваться в тех же рамках.

**Тип 2 Акимовско-елизаветовский** объединяет 3 изображения, происходящие с территории Нижнего Поднепровья (1), Нижнего Подонья (2) и Прикубанья (3). Они оформляют золотые обивки чаши (1) и золотую обкладку ритона (3), а также украшают основную лопасть золотой обкладки ножен меча (2). Изображения моделированы в одностороннем рельефе. Здесь представлено некое существо, состоящее из грифоньей передней части и рыбовидной (1, 2) или змеевидной (3) задней части. Точнее, эти монстры лишены задних ног и наделены в передней части: крыльями, лапами хищника и головой - в одном случае это голова волчьего хищника, но с бородой (3), в двух случаях - голова кошачьего хищника, но с клювовидной верхней челюстью (1, 2). При этом в язык елизаветовского монстра (2) впивается змея (выполненная вполне в греческой манере), обвивающая туловище монстра, проходящая под его животом и затем пропущенная между его лапами (рис. 23).



Тип 2 Акимовско-елизаветовский

У грифоно-гиппокампа показаны обе передних ноги - они подогнуты под грудь и вытянуты нижними частями вперед, левая над правой (в акимовском изображении (1) из-за левой ноги виднеется только лапа правой ноги). Правая нога семибратненского монстра (3) поднята наискось вверх и упирается лапой в конец бороды, вертикально спускающейся от подбородка. Крылья даны строго профилно. Задняя часть семибратненского монстра трансформирована в шею и голову птицы с незагнутым коротким клювом - очевидно, это нехищная птица, скорее всего, относящаяся к отряду гусеобразных, возможно, к семейству утиных. Шея монстров прямая, чуть наклонена вперед, голова приподнята. В елизаветовском (2) и семибратненском (3) изображениях вдоль шеи проходит рельефная полоса - у елизаветовского монстра - гладкая по переднему краю шеи, у семибратненского - рифленый валик по заднему краю шеи (грива? гребень?). При этом у семибратненского монстра вдоль шеи по ее поверхности свисает рельефный локон, напоминающий элемент ориентализирующего грифона. Крылья ориентированы вверх и немного назад. В семибратненском изображении (3) крыло полностью трансформировано в голову хищной птицы с мощным закрученным клювом и торчащим острым ухом (канон «скифского грифона»).

Рыбья (1, 2) или змеиная (3) часть туловища загнута немного вниз (1) или чуть вверх (3), либо прямо отходит назад (2); эта часть переходит в хвост, направленный горизонтально назад (1, 2) или загнутый на конце вперед, с упором окончанием в крыло (3). Задняя часть акимовского (1) и елизаветовского (2) монстров короткая гладкая, переходит в большой (1) или огромный (2) хвостовой плавник - в виде трехлепестковой пальметки (1) или в виде прямоугольника с продольно зарифленой верхней половиной и заполненной шестью продольными рядами квадратов нижней половиной (имитация чешуи) (2).

**Аналогии и хронология.** Данный тип, не имея аналогий в собственно скифском зверином стиле, может с бóльшим основанием, чем Краснокутско-тилигульский тип, быть соотнесён с образом «собако-птицы»,

наличие которого в скифском искусстве обосновывается С.С. Бессоновой [150]. Во всяком случае, в Иране, в более позднюю, сасанидскую эпоху известен целый ряд иконографически близких изображений, которые воплощали именно этот мотив местной мифологии [151].

Хронология данного типа определяется в первую очередь датировкой комплекса из кургана 4 группы Семибратних, устанавливаемой по античной керамике либо 2-й пол. или 3-й четв. V в. до н.э. [152], либо, более узко - 440-430 гг. до н.э. [153] Елизаветовское изображение (2) соседствует с головой оленя на боковой лопасти тех же ножен, а эта голова, в свою очередь, композиционно аналогична оленьей голове на налобнике из кургана 3 группы Семибратних, датируемого по античной клеймёной керамике 390-380 гг. до н.э. [154] Очевидно, акимовское изображение должно датироваться в рамках, задаваемых этими хроноиндикаторами.

Таким образом, вероятная предельная датировка типа: **3-я четв. V - 1-я четв. IV в. до н.э.**

### §5-3. «Петушки»-гиппокампы

Термин «петушки» был предложен В.А. Ильинской [155]. Нами более двадцати лет назад была посвящена отдельная статья идентификации и характеристике вероятных истоков и особенностей данного образа [156]. С момента ее выхода был обнаружен и опубликован ряд новых изображений, относящихся к данному мотиву. Позднее к этому образу в контексте темы фантастических коней и гиппокампов обращалась С.С. Бессонова [157].

Данный образ представлен единственным типом (рис. 24).

**Тип 1 Мордвиновско-уляпский** объединяет 16 изображений, происходящих в основном с территории Нижнего Поднепровья (1-6) и Среднего Поднепровья (7, 13-16), а также Среднего Подонья (11, 12) и Прикубанья (8-10). Все эти изображения оформляют бронзовые уздечные бляхи, за единственным исключением (2), когда изображение «петушка», однозначно квалифицированное Б.Н. Мозолевским как гиппокамп [158], помещено на золотые обивки ритона [159]. Изображения односторонние, моделировка рельефная с использованием прорезей или плоскостная с доработкой деталей углубленными линиями.

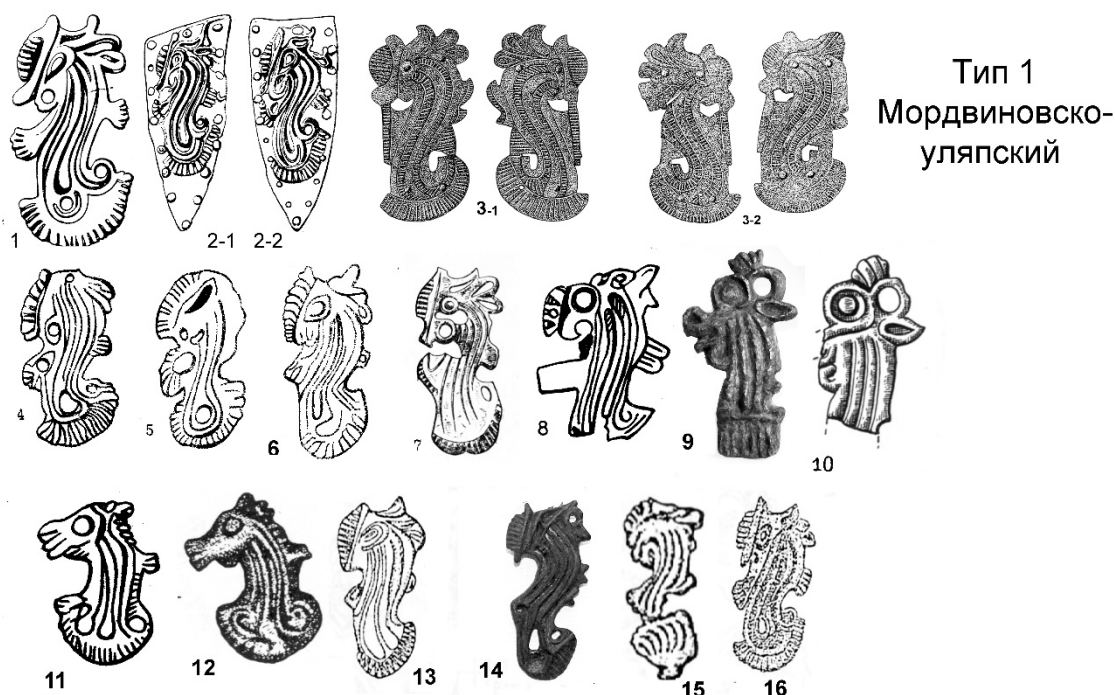


Рис.24. Образы модифицированного гиппокампа. «Петушки»-гиппокампы. Тип 1 Мордвиновско-уляпский: 1 - Второй Мордвиновский курган (по: Ильинская В.А. Скифская узда IV в. до н.э. // Скифские древности / Под. ред. А. И. Тереножкина. Киев, 1973. Рис. 8: 20); 2 - Толстая могила, центральная гробница (по: Мозолевский Б.М. Товста Могила. Рис.39); 3-1 - Гайманова могила, Северная гробница, вторая тризна, комплект №7 (по: Бидзиля В.И., Полин С.В. Скифский царский курган Гайманова Могила. Кат.74, рис. 84: 13, 14, 14, 16); 3-2 - Гайманова могила, Северная гробница, конь 8 (по: Там же. Кат. 204, рис. 130: 7, 8, рис. 567); 4 - Чертомлык (по: Древности Геродотовой Скифии. Сборник описаний археологических раскопок и находок в Черноморских степях. Вып. II. СПб., 1872. Табл. XXVIII, 8); 5 - Бабина могила (по: Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы). Киев, 2005.

Рис.53: 4); 6 - Никопольское курганное поле, группа II, курган 8 (по: Граков Б.Н. Скифские погребения на Никопольском курганном поле // *Материалы и исследования по археологии СССР*. №115. 1962. Рис.18: 1); 7 - Галузино, курган 4 (по: Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V-III вв. до н.э. // *Свод археологических источников*. Д 1-4. М., 1967. Табл.29: 7); 8 - Краснодарский музей (по: Канторович А.Р. "Петушки" - один из образов звериного стиля степной Скифии // *Граковские чтения на кафедре археологии МГУ 1989-1990 гг.* / Под ред. Ю.Л. Щаповой, И.В. Яценко. М., 1992. Рис.1: 11); 9 - станция Некрасовская, курган 11 (по: Эрлих В.Р. Материалы раннего железного века из окрестностей станции Некрасовской в музеях Грузии // *Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Альманах. Том первый* / Под ред. М.Д. Бухарина. М., 2011. Рис.10: 2, 3); 10 - Уляпский могильник, курган 8 (по: Масленицына Е.С., 1992. Некоторые стилистические группы памятников в искусстве Прикубанья в конце V – IV в. до н.э. Скифии // *Граковские чтения на кафедре археологии МГУ 1989-1990 гг.* / Под ред. Ю.Л. Щаповой, И.В. Яценко. М., 1992. Рис.4: 2); 11 - Дуровка, курган 9 (по: Пузикова А.И. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов). М., 2001. Рис.29: 7); 12 Горки, курган 10 (по: Гуляев В.И. На восточных рубежах Скифии (древности донских скифов). М., 2010. Рис.1); 13 - Пастырское (по: Могилов А.Д. Указ. соч. Рис. 106: 9-10); 14 - Волковцы, курган 1, 1897-1898 гг. (по: Ханенко Б.Н., Ханенко В.И. Древности Приднепровья и побережий Чёрного моря. Вып. II. 1899. Табл. XIV, 315, 317); 15 - Подолье, курган 5, погребение 1 (по: Могилов А.Д. Указ. соч. Рис. 106: 19); 16 - Песочин, курган 7 (по: Могилов А.Д. Указ. соч. Рис. 106: 20)

Это существа с опущенной конеподобной головой, туловищем в виде двух параллельных S-видных полос (в трех случаях их четыре, и они почти прямые - 8-10) с одним или двумя выступами по сторонам, вероятно, имитирующими конечности (преобразованные плавники [160]). Голова «петушка» представляет собой, как правило, узкий овал. Глаз крупный овальный или округлый, моделирован выпуклостью зеницы в углублении глазницы (1, 2, 6-13, 16), реже - округлой выпуклостью или отверстием без детализации (3-5) или вовсе не прослеживается (14, 15). Окончание морды выполнено в виде кружка или завитка (1-3, 4-7), реже - в виде загнутого клюва (8), в виде лошадиной морды, с углубленными линиями, обозначающими ноздрю и рот (11, 12), в виде морды некоего зверя с отчётливым петлевидным носом с углублением ноздри и коротким выступом нижней челюсти (9). В некоторых случаях носовая часть не выделена и слита с глазной (5, 13-16), в одном случае обломана (10). К лобно-теменной части головы, как правило, примыкает листовидная или овальная «шапочка», имеющая поперечное рифление и отделенная от головы гладким валиком (1-2, 7, 13-16), полоской (3) или впадиной (4-6, 8). В редких случаях такая «шапочка» укорочена и смещена на темя (9-10), а у «петушков» с лошадиными головами эта деталь отсутствует (11, 12). За глазом к голове или к шее «петушка», как правило, примыкает «гребень», сформированный дуговидными отростками-лепестками (1-3, 6-8, 13, 16), иногда преуменьшенными (4, 14, 15), иногда эта деталь отсутствует (5) или замещена коротким козлиным рогом (9, 10), а у «петушков» с лошадиными головами - короткими выступами лошадиной гривы (11, 12). «Петушок» может быть наделен ухом, помещенным позади «гребня» или рога (1, 2, 6, 9, 10, 14), а у «петушков» с лошадиными головами - перед гривой. Как уже сказано, туловище «петушка» сформировано полосами, исходящими из-под головы приблизительно из одной точки и имеющими, в большинстве случаев, изгибы у этого корня и внизу. Каждая из этих полос часто разделена еще на две рельефных полосы, в одном случае имеет поперечно зарифленную полосу в качестве оси (3). Эти полосы, формирующие основу туловища, замыкаются внизу горизонтальной дуговидной (в одном случае - прямой - 9) широкой полосой с поперечным рифлением (в ряде случаев эта деталь обломана (8, 10). Возможно, это имитация хвоста природного морского конька-гиппокампа.

Выступы по сторонам туловища «петушка», вероятно, имитируют его конечности; они короткие полуовальные или сегментовидные, поперечно зарифленные (имитация пальцев лап или плавников гиппокампа?) иногда еле заметные (9, 10, 14). Чаще их два (1-4, 6, 8, 13, 15, 16), реже один (5, 7, 9, 10, 11, 12, 14).

В рамках типа прослеживается морфологическая динамика: от изображений «петушков» с гребнем-шапочкой и хохолком, более соответствующих природному прообразу гиппокампа и его преломлению в дреннегреческом искусстве (в основном это нижнеднепровские «петушки» 1-4) - к существам, также наделённым этими деталями, но клювоголовым (прикубанский «петушок» - 8); затем хохолок превращается в рог, «шапочка» смещается за глаз, а клюв превращается в морду зверя, при этом исчезает двухчастная структура шеи-туловища, соответствующая структуре двух ног в шаге, исчезают и выступы-ручки (прикубанские «петушки»: 9, 10); кроме того, происходит общее упрощение изображения, исчезают глаза, носовая часть, одна из лапок (некоторые нижнеднепровские и все среднеднепровские «петушки»: 4-7, 13-16); наконец, на Среднем Дону морской конек приобретает вид протомы лошади (11, 12).

**Аналогии и хронология** . Ближайшая аналогия «петушкам» происходит из Болгарии - это бронзовая нащечная бляха из села Цар Асен, Силистренской обл. (по указанию автора публикации, Д.А. Топала, она происходит из грабительских раскопок)[161]. Это единственное такого рода изображение за пределами зоны восточноевропейского звериного стиля, и не случайно Д.А. Топал рассматривает ее появление в Болгарии



(наряду с рядом других элементов конского снаряжения, выполненных в скифском зверином стиле) как следствие проникновения скифских племен на территорию к югу от Дуная.

Данный образ представляет собой, очевидно, искаженное отображение гиппокампа (морского конька). При этом композиционная основа, «каркас», и некоторые для данного образа был заимствован из сложных фракийских изображений типа Крайова [162], в свою очередь, возникших еще ранее на базе мотива обособленных конечностей хищника, пришедших во фракийское искусство из скифского звериного стиля [163]. Своего рода «реверсным» воздействием на скифское искусство степного Северного Причерноморья бляхи типа Крайова обусловили возникновение образа и типа «петушка»-гиппокампа, продвигавшегося далее в Лесостепь (на территории Среднего Поднепровья, Среднего Подонья) и в Прикубанье [164].

Хронология типа и всего образа определяется объективными датировками целого ряда изображений, происходящих из комплексов, надежно датированных по античной керамике. Это Толстая могила (предельные рамки: 2-ая - 3-я четв. IV в. до н.э.) [165], Гайманова могила, северная гробница (предельные рамки: 360-325/320 гг. до н.э.) [166], Бабина могила (сер. - 3-я четв. IV в. до н.э.) [167], Чертомлык (350-320 гг. до н.э.) [168], Уляпский курган 8 (2-я пол. IV в. до н.э.) [169]. Остальные изображения, очень близкие вышеуказанным, должны датироваться в рамках, задаваемых этими хроноиндикаторами. Таким образом, хронологические пределы существования типа и всего образа определяются **2-й четвертью - концом IV в. до н.э.**

## §6. Образ лосептицы

**Идентификация.** К данному синкретическому образу нами отнесены изображения некоего существа, сочетающего черты птицы и лося: оно наделено птичьим клювом, ухом и лосиными рогами. Данное существо представлено только в редуцированном воплощении - в виде головы и шеи (иногда, возможно, это протома с рудиментарной лапой), так что невозможно понять, как именно древние мастера представляли себе его туловище и конечности.

Данный образ представлен единственным морфологическим типом (рис. 25).

**Тип 1 Чертомлыцко-уляпский** объединяет 13 оригинальных изображений, оформляющих уздечные бляхи (бронзовые налобники и наносники [170]) происходящих с территории Среднего Поднепровья (4, 5), Нижнего Поднепровья (1, 2 [171], 3, 7, 8, 12), Среднего Подонья (9) и Прикубанья (6, 10, 11, 13). Изображения моделированы скульптурно, но рассчитаны на односторонний боковой обзор, соответственно ракурс строго профильный. Голова перпендикулярна шее, параллельна грудной части, ухо противонаправлено клюву, они симметричны друг другу относительно глаза.



Тип 1 Чертомлыцко-уляпский

Рис. 25. Образ лосептицы. Тип 1 Чертомлыцко-уляпский: 1, 2 - Петровка, курган 2, погребение 3 (по: Братченко С.Н., Швецов М.Л., Дубовская О.Р. Курган IV в. до н.э. в бассейне Северского Донца. Советская археология. № 1. 1989. Рис. 3: 11; 3: 8); 3 - Чертомлык, насыпь и конская могила (южная) (по: Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. (Скифский царский курган IV в. до н.э.). Киев, 1991. С. 84, 163, кат. 17а, 47/1, рис.55, 56: 5); 4 - курган у с. Кошеватое (по: Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V-III вв. до н.э. // Свод археологических источников. Д 1-4. М., 1967. Табл.29: 8); 5 - Шпола, курган 206 (по: Могилов А.Д. Указ. соч. Рис. 167: 11); 6 - Уляпский могильник, курган 8 (по: Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Указ. соч. Кат.74); 7 - Бабина могила (по: Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы). Киев, 2005. Рис.53: 2); 8 - Гайманова могила,



Северная гробница, конь 8 (по: Бидзиля В.И., Полин С.В. Скифский царский курган Гайманова Могила. Кат.205, рис. 130: 4, рис. 568); 9 - Шолоховский курган (по: *L'or des Amazones: peuples nomades entre Asie et Europe, VIe siècle av. J.-C. - IVe siècle apr. J.-C.: Musée Cernuschi, Musée des arts de l'Asie de la ville de Paris, 16 mars-15 juillet. Paris, 2001. P. 91, cat. № 29*); 10 - Прикубанский могильник (по: Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 2010. Меоты // Античное наследие Кубани. В 3 т. Том 1. Часть III / Под ред. Г.М. Бонгарда-Левина, В.Д. Кузнецова. М., 2010. Рис.26); 11 - Майкопский клад (по: Leskov A.M. Op. cit. Cat. № 298); 12 - Чмырева могила, конское погребение, раскопки 1994 года (по: Болтрик Ю.В., Фялко Е.Е. Останні дослідження кургану Чмирева могила // Археологія і давня історія України. 8. 2012. Рис.11: 1, 12: 5); 13 - Елизаветинский курган 7, 1917 г. (по: Галанина Л.К. Конское снаряжение из коллекции елизаветинских древностей, хранящихся в Государственном Эрмитаже (раскопки Н.И. Веселовского 1914, 1915, 1917 гг.) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 38. 2010. Табл. 8: 4)

В сущности, голова сведена к крупному загнутому каплевидному клюву с впадиной рта (в то же время часто напоминающему горбатую лосиную морду - 9, 11) и к преувеличенному округлому (в одном случае (12) - овальному) концентрическому глазу, образованному выпуклостью зеницы во впадине глазницы (в двух случаях рельефный глаз отсутствует, т.к. его место полностью занято корнем рогов; в этой ситуации роль глаза, очевидно, играет круглая прорезь между основанием клюва и передним отростком рогов - 7, 10); существо наделено овально-подтреугольным ухом с впадиной раковины, сходным с ухом лося в скифском искусстве [172]. Рога сформированы двумя симметричными отростками, отходящими от точки над глазом вперед и назад и опирающимися на изгиб клюва и на ухо. Рога могут быть трансформированы в парные птичьи головки (4-6), обращенные в противоположные стороны, а могут сливаться в нечто подобное грифону гребню с четырьмя выступами (8-13).

Голова посажена на мощную короткую трапецевидную шею, оформляющую участок крепления наносника с отверстием для ремня. Шея плавно переходит в грудную часть, в одних случаях гладкую (1, 4-6, 10), в других (2, 3, 7-9, 11-13) на груди крупными полосами поперечного рельефа (в одном случае - продольного - 12) показаны то ли шерсть, то ли лапа с когтями. Шея гладкая, за одним исключением (12), когда на ее поверхности показаны 2 продольных желобка, возможно, имитирующие напряженные мускулы или шерсть.

Хронология образа и типа основана на объективной датировке блях, происходящих из насыпи и конских могил Чертомлыка, т.е. предметов, близких по времени Центральной гробнице данного кургана (максимальные рамки - 350-320 гг. до н.э.) [173]. Также хронологию определяют изображения из других комплексов, о надежной датировке которых по античной керамике уже было сказано нами выше: это Уляпский курган 8 (2-я пол. IV в. до н.э.), Бабина могила (сер.-3-я четв. IV в. до н.э.), Гайманова могила, северная гробница (предельные рамки: 360-325/320 гг. до н.э.), Елизаветинский курган 7/1917 г. (3-я четв. IV в. до н.э.) и Чмырева могила, конское погребение, раскопки 1994 года (330-315 гг. до н.э.). Этим датировкам не противоречит хронологическая позиция Петровского комплекса, определенная публикаторами по типу акинака и железных удилищ с витым стержнем (2-я четв. - сер. IV в. до н.э.) [174]. Очень близкое гаймановское шолоховское изображение должно датироваться аналогично ему, тогда как изображения из Прикубанского могильника и Майкопского клада должны датироваться идентично с очень близким им чертомлыцким; наконец, кошеватовское и шполянское изображения близки уляпскому и должны датироваться соответственно [175]. Таким образом, предельные рамки данного типа и всего образа лосептицы - **2-ая четверть - кон. IV в. до н.э.**

## §7. Образ оленептицы

### Обособленная голова

**Идентификация.** К данному синкретическому образу нами отнесены изображения синкретического существа, сочетающего черты птицы и оленя: оно наделено птичьим клювом, ухом и оленьими рогами. Это существо представлено только в редуцированном воплощении - в виде головы, шеи и грудной части.

Данный образ представлен единственным морфологическим типом (рис. 26).

**Тип 1 Семибратненский** составлен 2 оригинальными изображениями (с вариантами), оформляющими бронзовые налобники/наносники, происходящие с территории Прикубанья - из 4-го Семибратненского кургана (три налобника оформлены изображениями двух вариантов: 1-1, 1-2) и из Майкопского клада (два налобника, два варианта: 2-1, 2-2).



Тип 1 Семибратненский

Сходство семибратненских и майкопских изображений (с учетом того, что в Майкопский клад входил еще один аналогичный налобник, ныне утраченный) заставило А.М. Лескова предположить, что три налобника из Майкопского клада некогда формировали единый комплекс с тремя семибратненскими, т.е. происходили из того же кургана 4, были затем похищены и впоследствии попали в коллекцию Мерля де Массона [\[176\]](#).

Здесь представлено некое существо с головой хищной птицы, ухом копытного и рогами благородного оленя и усеченным туловищем (без конечностей), сочетающим черты обоих животных. Моделировка скульптурная, в расчете преимущественно на объемный обзор, но при этом мы видим туловище как бы со спины. Шея находится под тупым углом к туловищу, голова под тупым углом к шее, т.е. приподнята. Ухо противонаправлено клюву, они симметричны друг другу относительно глаза [\[177\]](#). Рога параллельны голове, опираются на ухо. Майкопские оленептицы (2) и одна из семибратненских (1-2) показаны с головой, развернутой на 90 градусов в сторону, у второй семибратненской оленептицы голова обращена назад по линии спины, т.е. повернута на 180 градусов (1-1).

Анатомические детали трактованы в высоком рельефе, четко и лаконично. Голова, складывается из мощного загнутого клюва (с впадиной рта и рельефной восковицей с косым краем) и преувеличенного округлого концентрического глаза, образованного выпуклостью зеницы во впадине глазницы в обрамлении рельефного края. Ухо вполне соответствует иконографии оленя и лося в скифском зверином стиле: оно овально-ромбическое, с четким рельефным краем и впадиной раковины, заполненной косым рифлением, имитирующим шерсть (в одном из вариантов майкопского изображения (2-2) раковина гладкая). Рога построены по схеме оленей Завадско-акмечетского типа (см. выше), разделяются на переднюю и заднюю часть. Передняя часть образована одним дугообразным «глазным» отростком. Задняя, основная часть рогов состоит из трех дугообразных отростков, загнутых на конце вверх: у майкопских оленептиц вверх отходит еще один короткий отросток (2), у семибратненских (1) он рудиментарен, занимает впадину между передней и задней частями рогов. В основании головы семибратненских оленептиц проходит рифленый валик, отделяющей ее от шеи и имитирующий кожно-шерстную складку, характерную для оленя или лося в природе. Шея усеченно-коническая трапецевидная, гладкая, в одном из вариантов семибратненского изображения на шее отчетливо намечены вертикальные мускулы с помощью сходящихся плоскостей (1-1). Шея плавно переходит в грудь и в спину, в верхней части гладкую, а затем переходящую далее в трапецевидную (1-1, 1-2) или овальную (2-1, 2-2) плоскость, покрытую крупным продольным рифлением, которое разделено на поперечные ступени, спускающиеся к низу налобника. Это, вероятно, одновременная имитация как шерсти на спине зверя, так и перьев птицы (ее крылья как бы сложены на спине [\[178\]](#)), что соответствует синкретизму образа оленептицы. По краям грудной части в основании шеи слева и справа уступом отграничены выпуклые овалы, очевидно, имитирующие лопаточно-плечевую часть.

**Аналогии и хронология.** В целом изучаемый образ оленептицы соответствует известной тенденции контаминации образа благородного оленя и хищной птицы, существующей в скифо-сибирском зверином стиле - ср. полнофигурные изображения клювоголовых оленей и оленекозлов на плечах пазырыкских мумий из 2-го Пазырыкского кургана и из могильников Ак-Алаха-3 (к.1) и Верх-Кальджин-2 (к.3) [\[179\]](#); ср. также сделанную в Китае, но явно в расчете на кочевнические вкусы, фигурку из провинции Шаньси [\[180\]](#). Имеется и тематическая параллель, более близкая территориально и связанная скорее с кобанским искусством - крылатый олень с крылом на костяном гребне из Гойты [\[181\]](#). Но непосредственную аналогию данному типу по композиции и по трактовке головы и рогов составляют датируемые началом - 2-й треть V в. до н.э. скульптурные головы оленей, оформляющие бронзовые конские налобники из курганов 400 и 401

с. Журовка [182], из кургана 2 у с. Волковцы (раскопки 1897-1898 гг.) [183] и из кургана 2 группы Семибратних [184]. Возможно, изучаемый тип изображений сформировался под их композиционно-стилистическим влиянием, при объективном наличии в скифо-сибирском мире идеи синкретического персонажа - оленептицы (см. также многочисленные случаи трансформации рогов оленя в птичьи головы).

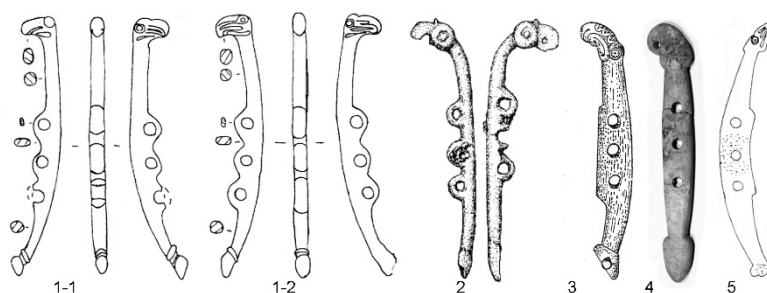
Хронологическую основу типа составляют изображения из 4-го Семибратнего кургана, который, как мы уже указывали выше, по античным чернолаковым чашам 2-й пол. или 3-й четв. V в. до н.э. или, уже, 440-430 гг. до н.э., что соответствует вышеуказанной аналогии изображений оленептицы головам оленя из Журовки, Волковцев и 2-го Семибратнего кургана. Изображение из Майкопского клада, очень близкое семибратненскому, должно датироваться аналогично.

Таким образом, предельные рамки данного типа и всего образа оленептицы - **2-ая пол. V в. до н.э.**

## §8. Комбинация элементов птицы и неопределенного копытного

**Идентификация.** Выявляются редуцированные изображения, в которых равноценно сочетаются видовые элементы птицы и неопределенного копытного. В рамках этой темы дифференцируются два морфологических типа.

**Тип 1 Роменско-фаскауский** объединяет 5 изображений, происходящих с территории Среднего Поднепровья (1, 4), Нижнего Поднепровья (3) и Центрального Предкавказья (2). Все эти изображения оформляют трехпестельчатые (1-2) и трехдырчатые (3-5) псалии - бронзовые (1, 2) и костяные (3-5). Моделировка объемная, но она рассчитана на профильное обозрение. Здесь представлены голова и шея хищной птицы (верхняя часть псалия) и нога копытного (нижняя часть псалия), в целом дуговидных очертаний. Голова увенчивается длинную цилиндрическую (1, 2) или усеченно-коническую (3-5) шею, при этом клюв немного приподнят или поднят почти вертикально (2-5), реже горизонтален (1), загнут (1, 3, 5) или закручен (2, 4). Надклювье в грушевском изображении поперечно зарифлено овалами (3). Линия рта чаще обозначена одним или двумя желобками (1, 3, 5), реже не показана (2, 4). Голова в шумейковском изображении изоморфна подошве копыта (5) (рис.27).



Тип 1 Роменско-фаскауский



Тип 2 Тауяхабльско-аксютинский

Рис. 27. Комбинация элементов птицы и неопределенного копытного. Тип 1 Роменско-фаскауский: 1-1, 1-2 - Роменский уезд (по: Могилев А.Д. Указ. соч. Рис. 57: 12, 13); 2 могильник Фаскау (Галиат) (по: Мошинский А.П. Древности горной Дигории VII – IV вв. до н.э. систематизация и хронология // Труды Государственного исторического музея. Вып. 154. М. 2006. Рис.14: 1); 3 - хут. Грушевка Запорожской обл. (по: Іллінська В.О. Скіфська вузда VI ст. до н.е. // Археологія. XIII. 1963. Рис.7: 5); 4 – могильник Нартан-1, курган 14 (по: Батчаев В.М. Указ.соч. Табл.37: 7); 5 - Шумейковский курган (по: Могилев А.Д. Указ. соч. Рис. 53:8). Тип 2 Тауяхабльско-аксютинский. 1 - аул Тауяхабль (подъемный материал) (по: Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Указ. соч. Кат.55); 2 - Аксютинцы, курган 15 в урочище «Стайкин Верх» (по: Конь и всадник. Взгляд сквозь века. Каталог выставки. М., 2003. С. 29, кат. 39); 3 - село Долинное, курган Кулаковского (по: Яковенко Э.В.

Глаз округлый, моделирован выпуклостью зеницы в обрамлении рельефного кольца глазницы, в двух случаях впадиной дан зрачок (3, 5), в одном случае глаз не прослеживается (4). Шея слабо изогнута (1, 2, 5) или прямая (3, 4). Нога укороченная, завершается преувеличенным копытом, обозначенным при переходе от надкопытной части с помощью утолщения, а в одном случае еще и поперечным валиком (1).

В отношении псалиев из могильника Фаскау (Галиат) (2) следует специально отметить, что здесь представлена именно голова птицы, а не барана или бараноптицы, т.к. «на данных псалиях есть концентрические окружности, которые следует толковать как изображение глаз, в отличие от линий спиралевидного контура, изображающих закрученные рога баранов и бараногрифонов на большом количестве предметов скифской архаики»[\[185\]](#).

На псалии из кургана 14 Нартанского могильника (4) голова и копыто переданы в разных плоскостях: голова дана в профиль, а копыто развернуто на зрителя и геометризировано, так что природная подоснова фактически утрачивается.

**Аналогии и хронология.** Изображения Роменско-фаскауского типа относятся к большому массиву изображений на трехпестельчатых и трехдырчатых псалиях, оформляемых также в виде аналогичного знака барана, лошади, хищника и комбинации птицы и копытного. Одно из изображений Роменско-фаскауского типа происходит из того же комплекса (Шумейковский курган), что и вышеупомянутые псалии с изображением лошади. Между тем костяные псалии с головой лошади с поднятым ухом разделяются по классификации А.Д. Могилова на два типа соответственно морфологии средней части псалия - с тремя петлями и с тремя дырами; трехпестельчатые псалии датируются А.Д. Могиловым **серединой VII-VI в. до н.э.**[\[186\]](#). В этих рамках следует датировать и Роменско-фаскауский тип.

**Тип 2 Тауихабльско-аксютинецкий** объединяет 3 изображения, происходящие с территории Среднего Поднепровья (2), Крыма (3) и Прикубанья (1). Все они оформляют бронзовые вотивные топорики-скипетры. Моделировка объемная, но она рассчитана на профильное обозрение. Здесь представлены голова и шея хищной птицы (клинок топорика) и нога копытного (обушок топорика). Голова увенчивает гладкую цилиндрическую шею, при этом клюв (при рассмотрении скипетра в вертикальном положении) немного приподнят. Клюв загнут, в аксютинецком и тауихабльском изображениях он длинный тонкий серповидный (1, 2), в кулаковском изображении - более короткий (3). Линия рта дана каплевидным желобком. Подбородок и короткая восковица выделены с помощью выступов над уровнем клюва. Глаз выпуклый, овально-округлый, моделирован выступом. Нога крайне укороченная, с рудиментарным пальцем, выделенным с помощью выступа, и преувеличенным подтреугольным копытом, подошва которого сформирована сходящимися плоскостями с продольным ребром между ними (**рис. 27**).

**Аналогии и хронология.** Аналогичный топорик предположительно изображен в руках у скифа на золотых пластинах парадного пояса из кургана 5 у с. Аксютинцы[\[187\]](#). Хронология данного типа основывается на датировке топорика из кургана Кулаковского, который происходит из того же комплекса, что и бляха с изображением хищника, отнесенного к выделенному нами ранее Кулаковско-ковалевскому типу свернувшихся в кольцо хищников; в свою очередь, хронологические рамки Кулаковско-ковалевского типа на основании сочетания объективных показателей (античных изделий) и анализа иконографической динамики были определены нами в рамках кон. VI - 1-й пол. V в. до н.э.[\[188\]](#). Тайухабльское и аксютинецкое изображения, очень близкие кулаковскому, должны датироваться в тех же пределах. Таким образом, рамки данного типа: **конец VI - 1-я половина V в. до н.э.**

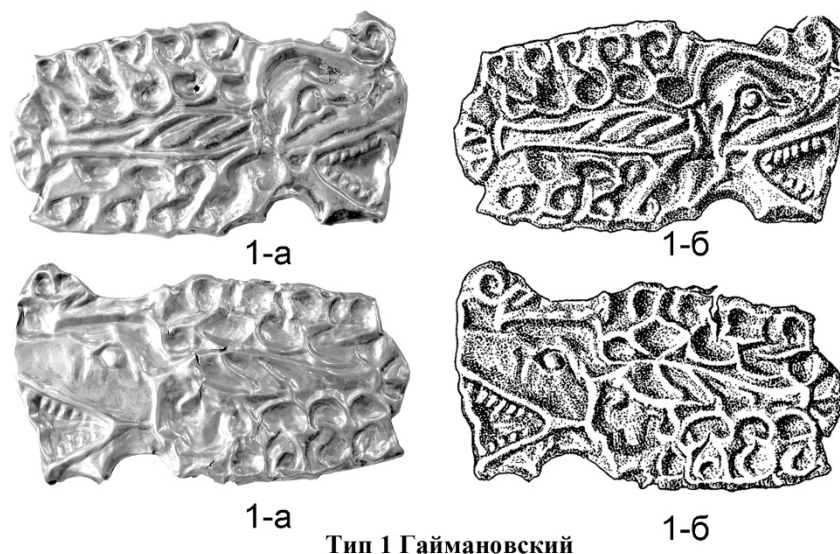
## **§9. Образ рогатой рыбы**

**Идентификация.** К данному образу относятся изображения, наделенные вышеуказанными признаками скифского звериного стиля, природными признаками надкласса Рыбы (Pisces) и, вместе с тем, природными признаками млекопитающих (хищника и оленя). Данный образ представлен единственным типом (**рис. 28**).

**Тип 1 Гаймановский** составлен 1 изображением (в двух зеркальных вариантах) - с территории Нижнего Поднепровья - из центральной гробницы Гаймановой могилы (из конской могилы). Это изображение оформляет парные золотые конские нащечники (обкладки деревянной основы). Изображения выполнены в рельефе, односторонние. Голова большая, рыло тупое укороченное, напоминающее морду хищника. Пасть распахнута, рот обозначен узким длинным желобком, во рту частыми короткими выступами показаны зубы. Глаз средних размеров, округлый, моделирован округлой выпуклостью зеницы в углублении овальной глазницы с выступающими вперед и назад каналами слезниц (опять-таки звериная черта). Голова отделена



от туловища слабо заметным сегментовидным валиком-«воротником» (имитация жаберного плавника). Туловище непропорционально маленькое в сравнении с головой, веретенообразное, покрыто имитирующими чешую косыми валиками. Спинной, брюшной и анальный плавники не отображены. Хвостовой плавник в сравнении с туловищем мощный, выполнен в виде пальметки с крупными рельефными лепестками.



Тип 1 Гаймановский

По верху туловища рыбы вдоль спины проходит широкая полоса из пяти рельефных S-видных завитков, которые являются ничем иным, как отростками задней ветви оленьих рогов, тогда как передний, «глазной» отросток рога отходит от затылка вперед, облекая голову рыбы, далее разделяется на два отогнутых назад завитка, передний из которых упирается в носовой выступ рыбы. Симметричная задней ветви оленьих рогов полоса четырех рельефных S-видных завитков проходит и под животом рыбы, но ее нельзя трактовать как рога. Скорее всего, эти четыре отростка должны имитировать ноги зверя. Таким образом, данное изображение сочетает признаки рыбы и млекопитающих (хищника и оленя).

Как уже отмечалось, центральная гробница Гаймановой могилы датируется в пределах **390-380 гг. до н.э.**<sup>[189]</sup>

## Основные тенденции в реализации образов синкретических существ в восточноевропейском скифском зверином стиле

### Основные статистические показатели

Классификация, типология, хронология и статистический анализ синкретических изображений позволяют моделировать определённую динамику репертуара соответствующих образов.

Нами выявлено и систематизировано 206 оригинальных изображений синкретических животных, наделенных признаками скифского звериного стиля и изначально воспринимаемых создателями этих изображений как сочетания отличительных признаков остальных мегаобразов - хищников, копытных и птиц, - как попарно, так и в сумме. Эти изображения образуют 46 морфологических типов и в совокупности присутствуют во всех субрегионах восточноевропейского скифского звериного стиля на всем протяжении его функционирования.

Как показал статистический анализ (табл.1), образы различных синкретических существ в совокупности составляют заметный сегмент восточноевропейского скифского звериного стиля (9% от общего количества оригинальных зооморфных изображений). Это существенно меньше, нежели доля изображений остальных трех мегаобразов – копытных (36%, 787 изображение), хищников (27%, 589 изображений) и птиц (25%, 556 изображений), но следует помнить, что ряд изображений копытных и хищников также содержат в себе черты иных животных (в первую очередь птиц, головы которых являются ведущим элементом «зооморфных превращений» рогов, лап и т.д.)<sup>[190]</sup>.



При этом количество морфологических типов изображений синкретических животных существенно выше аналогичного показателя в рамках остальных мегаобразов в восточноевропейском скифском зверином стиле. Это свидетельство разноплановости и низкой стандартизованности (порой эклектичностью) изображений синкретических существ.

В рамках этого мегаобраза доминируют 2 персонажа, оригинальные изображения которых составляют в сумме более двух третей массива синкретических изображений - внутренне неоднородный образ грифонов (преимущественно ранне- и позднегреческого типа) и крылатых львов (всего 100 изображений, в том числе 61 полнофигурное и 39 редуцированных (головы, протомы), т.е. 48,54% от всех изображений синкретических животных; формируют в совокупности 33 типа) и вполне каноничный и стандартизированный образ бараноптицы/грифобарана (48 изображений (23,30 % от всех изображений синкретических животных), которые образуют всего лишь 2 типа).

При этом если образ грифона реализуется на протяжении всей скифской эпохи, претерпевая определенные изменения в каноне от «скифской архаики» к «скифской классике» (раннегреческий (ионийский) тип, затем ахеменидский и позднегреческий типы), испытывая влияния из переднеазиатского, раннегреческого и классического греческого бестиария и соответствующей стилистики, то образ бараноптицы связан исключительно со «скифской архаикой» и, за редкими исключениями, присущ только скифской археологической культуре и зоне скифского временного присутствия или влияния.

Остальные образы в рамках мегаобраза синкретических животных не столь многочисленны и являются скрещением различных мотивов, порой тупиковым: в эпоху «скифской архаики» это гибриды грифона и бараноптицы (1 изображение), грифона и кошачьего хищника - тупорылый зверь (10 изображений, 1 тип); в эпоху «скифской архаики» и в начале эпохи «скифской классики» - комбинация элементов птицы и неопределенного копытного (8 изображений, 2 типа); в эпоху «скифской классики» - контаминация образов грифона и гиппокампа (23 изображения, 4 типа), лося и птицы - «лосептица» (13 изображений, 1 тип), оленя и птицы - «оленептица» (2 изображения, 1 тип), рыбы и грифона - рогатая рыба (1 изображение). Из них, как мы видим, относительно популярен, но только в эпоху «скифской классики» (в основном в IV в. до н.э.), мотив грифопо-гиппокампа и его дериваты (11,16 % от всех изображений синкретических животных).

На фоне остальных мегаобразов (табл. 1) очевидна не только семантическая разноплановость (уступающая лишь вариативности копытных) но и стилистическая эклектичность синкретических мотивов, в связи с которыми мы наблюдаем наибольшее количество морфологических типов в отношении к количеству оригинальных изображений (в среднем на 1 тип приходится лишь 4,5 изображения синкретических существ, тогда как у хищников этот показатель составляет 5,5 изображения, у копытных 6,2 изображения, у птиц - 10,1 изображения). Особенно выделяется в этом отношении образ грифона: здесь на 1 тип приходится в среднем 3,03 изображения. Этот статистический показатель отражает отсутствие устойчивых господствующих тенденций в разработке образа грифона, - вероятно, поскольку этот образ в своей основе является внешним для скифской художественной системы.

## **Образы синкретических существ в эпоху «скифской архаики» VII-VI вв. до н.э.**

Тема грифона, как мы видели, возникает в восточноевропейском скифском зверином стиле первоначально как трансляция канона **раннегреческого (ионийского) грифона**. Этот канон реализуется начиная с середины VII в. до н.э. - в рамках мотива погрудного изображения на бронзовых навершиях из Ставрополя и Прикубанья (тип 1 Новозаведенско-келермесский 2-й пол. VII - нач. VI в. до н.э.). Практически тогда же в Среднем Поднепровье появляется и полнофигурное воплощение данного грифона (на золотых бляшках - тип III-I-1 Перепятихинский 2-й пол. VII в. до н.э.), фактически не нашедшее никакого продолжения в скифском искусстве.

Данные изобразительные типы восходят непосредственно к ионийским, и далее, к переднеазиатским прототипам, тогда как в предскифском горизонте древностей степей Евразии конца II - начала I тыс. до н.э. отсутствуют иконографические корни грифона как кошачьего хищника с птичьей головой. Поскольку же наиболее ранние случаи отображения этого существа в скифо-сибирском зверином стиле связаны именно с его восточноевропейским локальным вариантом (в памятниках VII в. до н.э.), то данная тема как таковая могла возникнуть здесь только под переднеазиатским (ассирийским, урартским, хеттским и греко-ионийским влиянием, а в конечном счете - на базе долговременной переднеазиатской иконографии монстров, сочетающих черты кошачьего хищника и птицы - традиции, гораздо более ранней, чем греческая, и, как считает большинство исследователей, первичной по отношению к ней. Реконструкции этого процесса была посвящена специальная статья [\[191\]](#).

Для полнофигурных трактовок раннегреческого грифона в скифском искусстве следует допускать как заимствования из греческого искусства, так и напрямую из переднеазиатских первообразов[192], тогда как в отношении редуцированного воспроизведения грифона данного канона в раннескифской культуре в качестве непосредственного источника надо отдавать однозначное предпочтение древнегреческому искусству: несомненным источником изображений на бронзовых навершиях типа 1 Новозаведенско-келермесский послужили, прежде всего, многочисленные протомы грифона со стержневидным и шишковидным выступом на темени на бронзовых атташах греческих бронзовых котлов VII в. до н.э. С этого предмета данный мотив плавно перешел на изделия скифского ритуала - навершия-бубенцы, в основном не свойственные греческой культуре того времени[193].

Восприятие канона грифона раннегреческого типа в скифской среде, возможно, облегчалось тем, что вполне греческие по манере изображения такого рода украшали ряд вполне скифских вещей скифской культуры (см. фигуры на серебряном (с электровой обкладкой) зеркале и на серебряном позолоченном ритоне из Келермесских курганов №№ 3/Ш, 4/Ш[194].

Наконец, эти влияния вряд ли могли быть восприняты скифо-сибирским звериным стилем без наличия таких местных природных прототипов образу грифона в его «птичьей составляющей», как черный гриф (*Aegypius monachus*, обитает, в частности, в предгорьях и горах Кавказа, Крыма, Средней Азии и Центральной Азии[195]), а также род типичных орлов (*Aquila*) - беркуты (*Aquila chrysaetus*)[196], степные орлы (*Aquila rapax*) и т. д. - в рамках того же семейства ястребиных, к которому относятся и настоящие грифы[197]; наконец, отправной точкой могли послужить и другие ястребиные[198].

**«Ориентализирующий», переднеазиатский грифон**, по сути, не нашел отражения в собственно скифском зверином стиле, хотя встречается в своем оригинальном стилистическом воплощении на ряде знаковых для скифской культуры предметов. Таковы, например, орлиноголовые антропоморфные четвероногие и двурукие существа, стреляющие из луков на золотых обкладках ножен мечей из Мельгуновского кургана[199] и кургана I/Ш Келермесской группы[200], на что уже было указано Н.Н. Погребовой[201]. Однако эти изображения находятся вне канонов скифского звериного стиля, оставаясь в системе переднеазиатского, прежде всего ассииро-урартского искусства. Какие-либо иные «ориентализирующие грифоны», помимо мельгуновско-келермесских, в связи с собственно скифским культурным контекстом неизвестны[202]. Вероятно, тема «ориентализирующего» грифона не проникла в скифский звериный стиль в связи с жесткой детерминированностью его морфологии определенной мифологической традицией (о чем свидетельствует его усложненность), что не оставляло возможностей для новых семантических и стилистических интерпретаций в местном духе[203].

Гораздо более популярен и самобытен, нежели раннегреческий и переднеазиатский, «скифский грифон», выделенный Н.Н. Погребовой. Однако, как уже говорилось, это, по сути, ушастая птица; при этом ухо появилось в иконографии скифской хищной птицы прежде всего как подражание иконографии грифона. При этом изображения ушастой птицы - как редуцированные, так и полнофигурные - в европейской части скифо-сибирского мира в основном свойственны «скифской классике» V-IV вв. до н.э., хотя на Саяно-Алтае они появляются, возможно, с середины VI в. до н.э.[204].

На фоне практического отсутствия в раннескифском зверином стиле «ориентализирующего» грифона и малочисленности изображений раннегреческого грифона симптоматично наличие образов, либо пограничных этой теме в иконографическом и семантическом отношениях (бараноптица), либо производных от него, своего рода «квазигрифонов» (тупорылый зверь (тип 1 Говердовско-будковский 2-й пол. VII - сер. VI в. до н.э.) и гибрид грифона с бараноптицей - тип 1 Ульский 1-й пол. VI в. до н.э.).

**Бараноптица/грифобаран**, - хотя и пограничный грифону, но вполне самостоятельный мотив, - «единственный устойчивый, оригинальный образ фантастического существа в раннескифском искусстве»[205]. Как мы видели, этот образ известен со 2-й четверти VII в. до н.э., т.е. с самого начала формирования скифской археологической культуры, и существует в ее зоне в лесостепном, степном и северокавказском вариантах скифского звериного стиля до середины VI в. до н.э., оформляя в основном элементы конского снаряжения, гораздо реже налучья и навершия: 48 оригинальных изображений, объединяемых в 2 типа - голова в сочетании с ногами или копытами (Новозаведенско-аксютинецкий тип) и обособленная голова (Келермесско-новозаведенский тип).

Образ бараноптицы можно соотносить с общеиранской мифологической подосновой, нашедшей отражение в иранской письменной традиции в таком явлении, как божественная благодать Хварно/Фарн - воплощение славы, удачи и победоносности героев[206]. В то же время непосредственными иконографическими «корнями» данного мотива являются древнейшие скифские образы горных баранов и хищных птиц, имеющие в свою очередь, стилистических предшественников в переднеазиатском искусстве[207]. Образы горных баранов и птиц имеют и местные прототипы в предскифской традиции на Северном Кавказе - в

искусстве протомеотской (псалии «сиалковского варианта», птицеголовые скипетры) и кобанской культур. Слияние этих традиций, вероятно, и привело к появлению качественно нового синкретического образа бараноптицы [208].

Эталонные изображения бараноптицы, характеризующиеся тщательной проработкой всех анатомических деталей, связаны с территорией Северного Кавказа - вероятного истока данного образа, где он возник, скорее всего, в среде скифских и работавших в скифском духе нескифских мастеров «саккызско-келермесской школы» [209]. Степное и лесостепное Северное Причерноморье, равно как и Передняя Азия, были в этом отношении периферией - здесь при наличии весьма качественных отображений начинается искажающее тиражирование с утратой ряда анатомических деталей (ушей, глаз) и с превращением рогов в восковицу, - в конечном счете, с семантической трансформацией в образ барана, птицы или грифона [210]. В то же время и на Северном Кавказе стилизация могла вести к геометризации клюва и рогов бараноптицы (рис. 52, 1-2, 13). Кроме того, как мы видели, существует особая группа удлинённых голов бараноптицы на навершиях и налучьях, для которых, с одной стороны, присуще высокое качество исполнения, с другой, тематическая нечеткость, о чем свидетельствует зооморфное трансформирование рогов и вписывание дополнительных зооморфных мотивов в плоскость удлинённого клюва [211]. Очевидно, семантическая сложность и перегруженность образа бараноптицы послужила, в конечном итоге, причиной его раннего исчезновения и замены иными синкретическими мотивами.

Пересечение двух мощных иконографических линий продуцировало **гибрид раннегреческого грифона и бараноптицы** (тип 1 Ульский 1-й пол. VI в. до н.э.) - закономерно тупиковый, локальный и единичный образ.

Что касается образа, обозначенного нами как **тупорылый зверь** (тип 1 Говердовско-будковский 2-й пол. VII - сер. VI в. до н.э.), он не имеет непосредственных аналогий среди других тем в скифском зверином стиле, но по трактовке морды сходен с переднеазиатским мотивом - образами кошачьего хищника с оскаленной пастью и с высунутым свисающим языком [212]. Очевидно, именно в результате искажающего копирования такого рода изображений, и возник данный образ, появившийся вначале в Прикубанье (судя по хронологии комплексов), куда проникала переднеазиатская торевтика: показательно, что такие переднеазиатские аналоги или прототипы обнаружены в качестве импортов в том же Келермесском кургане 3/Ш, где и найдены вышеописанные навершия с тупорылым зверем и с вышеописанными грифонами раннегреческого типа (голова льва на наконечнике сосуда или ритона малоазиатского или северосирийского производства VIII-VII вв. до н.э.) [213]. Данные изображения выполнены в русле новохеттской традиции и, в особенности, сходны с образами львов в монументальной скульптуре IX в. до н.э. [214]. Существуют и более хронологически близкие аналогии - например, рельеф в виде «химеры» из Кархемыша 2-ой пол. VIII в. до н.э. [215]. Можно отметить также параллели в торевтике VIII-VII вв. до н.э. из Луристана (львы на пластинах булавок и умбонах щитов) и, особенно, Зивие (львиная протоматташ, также крылатые львы с торчащими ушами, острым ухом и открытой пастью с высунутым языком в верхнем ярусе пекторали [216]; ср. также образ крылатого льва с торчащим острым ухом и открытой пастью на ассирийских печатях IX-VIII вв. до н.э. [217]. Видимо, контаминация этого образа с темой грифона раннегреческого типа (отсюда - очень длинные торчащие уши) и, возможно, ориентализирующего типа (отсюда - гребень у некоторых тупорылых монстров) привела к появлению в скифском искусстве нового синкретического образа с неустойчивой семантикой [218]. Последнее сделало возможным трансформацию этого образа в Приднестровье в более понятный местным мастерам мотив лошади с хохолком-выступом гривы. Примечательны и относящиеся к данному типу две скульптурные звериные головки, оформляющие роговые столбики-распределители уздечных ремней из кургана 7 могильника Новозаведенное-II. Эти головки, очевидно, возникли под влиянием подобных наверший, но не сохранили какие-либо отличительные грифоньи черты, а, напротив, приобрели некоторое сходство с головой свиньи или кабана («пяточок», отсутствие языка, короткие косо обрубленные уши с раковиной, обозначенной вертикальным воронковидным отверстием).

Наконец, на пересечении иконографических линий птицы и копытного в период «скифской архаики» сформировался мотив, **комбинирующий голову птицы и ногу неопределённого копытного**; соответствующие изображения формируют тип 1 (Роменско-фаскауский) сер. VII-VI в. до н.э. и оформляют бронзовые и костяные псалии из Среднего и Нижнего и Центрального Предкавказья. Этот мотив получил свое продолжение на грани периодов «скифской архаики» и «скифской классики» (не найдя себе применения в более позднее время) - в изображениях типа 2 Тауйхабльско-аксютинецкий кон. VI - 1-й пол. V в. до н.э., оформляющих бронзовые вотивные топоры-скипетры с территории Среднего Поднепровья, Крыма и Прикубанья.

Вышеперечисленными темами ограничена реализация образов синкретических существ в эпоху «скифской архаики» VII-VI вв. до н.э.

## Образы синкретических существ в эпоху «скифской классики» V-IV вв. до н.э.

В последующую эпоху «скифской классики» в восточноевропейский скифский звериный стиль проникает тема **позднегреческого грифона**, что соответствует времени появления этого мотива в греческом искусстве. Помимо многократной вполне греческой в стилистическом отношении репродукции этого мотива на целом ряде вещей, сделанных специально для скифов (в частности, таких шедевров, как пектораль из Толстой могилы и амфора из Чертомлыка), мы наблюдаем целый ряд спорадических и узколокальных вариаций позднегреческого орлиноголового грифона, выполненных уже в скифской стилистике.

Прежде всего, это «**иконографически выверенный**» **орлиноголовый грифон с перепончатым гребнем** (часто рудиментарным), изображения которого выполнены с присущей скифскому искусству схематизацией, геометризацией и акцентированием определенных элементов. Всего насчитывается 27 оригинальных полнофигурных изображений такого рода, они формируют 7 морфологических типов (тип I-1-I-3 Малочертомлыцко-солохский, тип I-1-II-1 Красноперекоско-корнеевский, тип I-2-I-1 Красноперекоско-желтокаменский, тип II-I-2 Краснокутско-александропольский, тип II-I-4 Майкопский, тип II-I-5 Кульбоско-белозерский, тип II-I-7 Тенгинский) [219]; также сюда надо отнести изображение на псалиях из кургана 1 у ст. Кужорской, относящееся к эклектичному типу I-1-I-4 Тузлинско-кужорский. В основном эти типы хронологически спорадические и узколокальные, но в совокупности существуют в широких временных рамках (2-я пол. V - нач. III в. до н.э.) и пространственных пределах (покрывают большую часть ареала восточноевропейского скифского звериного стиля, исключая лишь территории Нижнего Подонья и Центрального Предкавказья). Эти изображения в основном оформляют или украшают аксессуары одежды - золотые нашивные бляшки, пластины, ленты головного убора, реже - бронзовые навершия ритуальных шестов, золотые обкладки ножен мечей и обивки горита, золотые конские налобники и золотые обивки деревянных сосудов.

Тема позднегреческого грифона реализована и в ряде редуцированных изображений. Самым ранним из них является мотив обособленных голов типа 1 Грищенецко-ольвийский кон. VI-V в. до н.э., - изображения, оформляющие бронзовые уздечные бляхи, происходящие с территории Среднего Поднепровья, Нижнего Побужья и Крыма. Не следует исключать, что головы этого типа могли сформироваться в собственно скифской среде - на основе характерных для скифского искусства профильных голов львов и иных хищников, контаминированных с местным образом хищной птицы. В дальнейшем канон позднегреческого грифона закрепляется в протоматипах типа 2 Носакинско-кужорский 2-ой пол. V-IV вв. до н.э., происходящих с территории Нижнего Поднепровья, Среднего Поднепровья и Прикубанья и оформляющих бронзовые и серебряные конские налобники/наносники и бронзовые псалии. Наконец, модификацию грифона позднегреческого типа, слитого с местными образами копытных или хищников, представляют головы типа 4 (Дуровско-майкопский) 2-й пол. IV в. - 1-й пол. III в. до н.э., оформляющие бронзовые наносники/налобники из Прикубанья и Среднего Подонья.

Кроме того, под влиянием тематики грифона возникают различные **гибриды кошачьего хищника и птицы**. Это может быть кошачий хищник (преимущественно лев) с крыльями - 4 морфологических типа, датируемых в совокупности в рамках 2-й четв. V - 3-й четв. IV в. до н.э., локализуемых в целом на территории Прикубанья и Крыма и связанных с оформлением бронзовых псалиев, бронзовых конских налобников и золотых нашивных бляшек (тип I-3-II-1 Кужорский, тип II-II-1 Нимфейско-майкопский, Тип III-II-1 Кужорский, тип I-1-I-4 Майкопский).

Таковыми гибридами также являются локальные высококачественные прикубанские изображения скифо-меотского «елизаветинского стиля» [220], оформляющие бронзовые псалии и конские налобники 1-й - 3-й четв. IV в. до н.э.: кошачий хищник с мордой в виде загнутого клюва, но без крыльев (изображение из «Майкопскогоклада», относящееся к типу I-1-I-1 Тузлинско-кужорский), крылатый кошачий хищник с клювовидными загнутыми вниз челюстями (тип I-3-I-1 Елизаветинский), крылатый кошачий хищник с рогами лося, лани или оленя (тип I-1-I-2 Елизаветинский), монстр с туловищем хищника, с головой птицы, с гребнем рептилии и с передними ногами копытного (тип I-1-I-5 Майкопский). Думается, что все эти образы в той или иной мере производны от иконографии грифона позднегреческого типа или находятся на грани этого мотива с мотивом грифона ахеменидского типа.

Подобные гибриды реализуются и в редуцированном исполнении: это протоматипа типа 3 Корнеевско-Будковский V-IV вв. до н.э., происходящие с территории Поднепровья (в основном Среднего) и оформляющие бронзовые конские наносники; это близкие им и, возможно, производные от них головы типа 3 Тенгинско-майкопский 2-й пол. IV - нач. III в. до н.э., происходящие с территории Прикубанья и оформляющие бронзовые конские наносники и навершия ритуального шеста; это также прикубанские



головы типа 2 Елизаветинский 3-й четв. IV в. до н.э., оформляющие бронзовые псалии. Наконец, это протома типа 4 (Уляпский), оформляющая бронзовый конский налобник 2-й пол. IV в. до н.э.

Что касается канона **ахеменидского грифона**, его модификации также встречаются в восточноевропейском скифском зверином стиле эпохи «скифской классики», хотя и гораздо реже. Такие вариации известны в V - начале III в. до н.э. Это связанный с территориями Среднего и Нижнего Поднепровья, а также Среднего Подонья тип II-I-1 Защитненско-дуровский, изображения которого украшают бронзовые уздечные бляхи, бронзовые навершия ритуальных шестов и золотую пластину. Это также происходящий с территории Нижнего Поднепровья, Прикубанья и Среднего Подонья тип II-I-3 Гаймановско-чмыревский, к которому относятся изображения на золотых нашивных бляшках. Кроме того, это тип II-I-6 Майкопско-дортобинский, изображения которого связаны с территориями Прикубанья и Крыма и оформляют навершие золотой булавки и золотые нашивные бляшки.

Наконец, возможно, что единичное и уникальное для восточноевропейского звериного стиля нижнедонское изображение льва с оленьими рогами на золотой обкладке деревянного сосуда (тип II-I-8 Елизаветовский сер. - 2-й пол. V в. до н.э.), появилось, как и его далекий пазырыкский аналог из 1-го Тузуктинского кургана (датируемый по новой хронологии Пазырыкской культуры 442 г. до н.э. - см. о дате выше, в разделе типологии), под влиянием ахеменидского канона львогрифона (с заменой козлиных рогов на олени и утратой крыльев), что и объясняет их значительное сходство. Вместе с тем хронологическая близость елизаветовского изображения с тузуктинским не позволяет исключать и взаимовлияние этих изображений и даже первичность тузуктинского изображения по отношению к елизаветовскому.

Локальными **гибридами позднегреческого и ахеменидского грифонов** являются: нижнеднепровские погрудные изображения львиноголового существа с гривой/гребнем рептилии, с козлиными/бычьими рогами, оформляющие бронзовые (обложенные золотом) конские наносники (тип 5 Солохский 400-375 гг. до н.э., тип 6 Гаймановско-солохский 400-320 гг. до н.э.); полнофигурные изображения грифона / кошачьего хищника с клювовидными челюстями и прямым рогом (тип III-II-2 Аксютинецко-беловский 3-й четв. - сер. V в. до н.э.), оформляющие бронзовые уздечные бляхи из Среднего Поднепровья и Среднего Подонья.

В конце периода «скифской классики», на пересечении иконографических линий птицы и лося<sup>[221]</sup>, возник популярный на определенном отрезке «скифской классики» (2-я четверть - конец IV в. до н.э.) образ «**лосептицы**» (тип 1 Чертомлыцко-уляпский, 13 изображений), оформляющий бронзовые конские налобники/наносники, в основном с территории Среднего и Нижнего Поднепровья и Прикубанья, реже из Среднего Подонья. Еще ранее, во 2-й половине V в. до н.э., на грани мотивов хищной птицы и оленя в Прикубанье сформировался аналогичный, но узколокальный и менее популярный образ «**оленептицы**», также связанный с бронзовыми налобниками/наносниками (тип 1 Семибратненский, 2 изображения).

Наконец, на базе природной темы рыбы - морского конька (гиппокампа), под сильным греческим (а также, в ряде случаев, греко-фракийским влиянием), на границе с образом орлиноголового грифона формируются и реализуются в предельных рамках 3-й четв. V - IV в. до н.э. следующие образы: **гиппокампа-лошади** (1 изображение) - в Прикубанье, на бронзовых псалиях (тип 1 Уляпский 1-й пол. IV в. до н.э.); **грифоно-гиппокампа** (6 изображений) - в Нижнем Поднепровье, Нижнем Подонье и Прикубанье, на бронзовых навершиях (тип 1 Краснокутско-тилигульский 350-320 гг. до н.э.) и на золотых пластинах сосудов и ножен мечей (тип 2 Акимовско-елизаветовский 3-й четв. V - 1-й четв. IV в. до н.э.); популярный образ «**петушка-гиппокампа**» (16 изображений) - в Нижнем и Среднем Поднепровье, в Среднем Подонье и в Прикубанье, на бронзовых уздечных бляхах, в одном случае на золотых обивках ритона (тип 1 Мордвиновско-уляпский 2-й четв. - кон. IV в. до н.э.). Также контаминация образа рыбы с образом копытного и хищника приводит к появлению уникального образа **рогатой рыбы**, реализованного как одно оригинальное изображение на парных золотых конских нащечниках из Гаймановой могилы (тип 1 Гаймановский 390-380 гг. до н.э.). Такое осязаемое присутствие синкретических образов, связанных с водной стихией соответствует выводам исследователей о важной роли водного начала в скифских религиозно-мифологических представлениях - ср. функции «дочери Борисфена», Апи, Арпокся и Фагимасада-Посейдона<sup>[222]</sup>.

## Выводы

В эпоху «скифской архаики» VII-VI вв. до н.э. мы наблюдаем, с одной стороны, относительную малочисленность воплощений «настоящего грифона» ориентализирующего и раннегреческого типов, с другой, напротив, наличие значительного массива «квазигрифонов» - ответвлений от основного образа и пересечений с другими синкретическими образами. Следовательно, тема синкретического существа, прежде всего грифона, пришедшая из древнегреческого и переднеазиатского искусства, оказалась недостаточно

понятой и воспринятой в скифской среде в VII-VI вв. до н.э., замещаясь синкретическими образами, более соответствующими местной идеологии, в которой такого рода сюжеты, несомненно, должны были уже присутствовать, учитывая индоиранскую подоснову в виде легенд об inferнальных зонах и населяющих их фантастических существах[223]. Возможно, учитывая параллели в хеттском и греческом искусстве, эта подоснова могла быть и более глубокой - индоевропейской[224]. Однако наличие такой идейной базы, видимо, было еще недостаточным для поглощения раннескифской средой конкретных художественных образов Древней Греции и Переднего Востока, иконография которых была детерминирована соответствующей ей мифологией (в том числе и неиндоевропейской). Отсюда - усиленная и, порой, искусная модификация этих образов, осуществлявшаяся в восточноевропейском скифском зверином стиле. В эпоху «скифской архаики» эти процессы имели место преимущественно на Северном Кавказе - на плацдарме скифских переднеазиатских походов, где концентрировались соответствующие художественные заимствования и импорты. При этом такие образы, как правило, не могли быть всеобъемлющими и либо оставались локальными и недолговечными (тупорылый зверь и гибрид грифона с бараноптицей), либо же, будучи популярными (бараноптица), тем не менее подвергались иконографическим деформациям вследствие недостаточного их понимания в других зонах скифской культуры: так, в Лесостепном Поднепровье реализация образа бараноптицы, достаточно сложного в смысловом и формальном отношении, привела к его искажению и, как следствие, к прекращению традиции[225].

Сам же образ раннегреческого грифона, интегрированный в раннескифское искусство, хотя и не нашел широкого распространения, но, во-первых, стимулировал беспрецедентную популярность образа ушастой птицы - «скифского грифона», во-вторых, создал если не иконографическую, то семантическую базу для широкого распространения в скифо-сибирской художественной системе в V-IV вв. до н.э. новых разнообразных модификаций грифона, навеянных иконографией ахеменидского львогрифона с козлиными рогами и позднегреческого орлиноголового грифона с длинным перепончатым гребнем.

В эпоху «скифской классики» V-IV вв. до н. э. основную тенденцию в реализации мегаобраза синкретических существ составили изображения позднегреческого грифона, - как полнофигурные, так и редуцированные, часто с упрощениями и искажениями. И опять-таки на периферии этого канона наблюдается гибридизация образа позднегреческого грифона с образом кошачьего хищника, птицы и, порой, копытного, дающая некие новые образы. Это, очевидно, свидетельствует о дальнейшем переосмыслении скифским обществом семантики грифона и о ее модификации в соответствии с некими местными (скифскими, меотскими и т.д.) мифологическими концепциями.

---

[1] По возможности, учтены и публикации 2014 года. Кроме того, в состав данного корпуса источников вошел и ряд неопубликованных изображений, являющихся результатом раскопок автора или же раскопок, соавтором которых он является.

[2] См. подробнее: Канторович А.Р. Проблема классификации изображений скифо-сибирского звериного стиля (историографический очерк) // Российская археология. № 3. 2014. С. 156-161.

[3] Принципы идентификации и подсчета элементов «зооморфных превращений» обоснованы в специальной работе автора, посвященной характеристике этого художественного приема, чрезвычайно популярного в скифском зверином стиле (см. Канторович А.Р. Классификация и типология элементов "зооморфных превращений" в зверином стиле степной Скифии // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т. 1 / Под ред. А.В. Евглевского. Донецк, 2002. С. 77-130).

[4] В нашей работе были учтены только те предметы из «Майкопского клада», которые репродуцированы в фотографиях в его исчерпывающем издании в монографии А.М. Лескова (Leskov A.M. The Maykop Treasure. Philadelphia, 2008) и в иных изданиях (Greifenhagen A. Schmuckarbeiten in Edelmetall. Band I. Berlin, 1970). Те изделия, которые представлены только в рисунках и, очевидно, не сохранились, нами (во избежание неточностей и ошибок) не учитывались и не анализировались.

Как известно, термин "Майкопский клад", введенный М.И. Ростовцевым, условен, поскольку не доказано, что эти разнообразные древности относятся к определенному скифскому кладу, погребению или могильнику на Кубани. Их с равным основанием можно считать происходящими из разных комплексов, находившихся не только на Кубани, но и под Никополем (Фаркаш Э. Искусство кочевников в музеях США // Вестник древней истории. № 4. 1992. С. 199, 200; Leskov. Op. cit. Pp. 37, 193). И всё же большинство предметов, изученных нами, судя по скифо-меотскому стилю изображений, происходят из Прикубанья. Поэтому далее мы будем условно употреблять этот термин без кавычек.

[5] Aeschyl. Prom., 829-833.

[6] Безусловные упоминания о грифах/грифонах встречаются в греческих текстах V в. до н. э. - у Эсхила (Aeschyl. Prom. 829-833) и Геродота, ссылающегося на данные Аристея Проконесского (Herod. Hist. III, 116; IV, 13-14, 27, 79, 152). При этом, как отмечал А. Фуртвенглер, в схолиях к Эсхилу содержится указание на то, что о грифонах упоминал уже Гесиод Furtwängler A. Gryps // Ausführliches Lexikon der Griechischen und Römischen Mythologie. Leipzig, 1886-1890 / Hrsg. W.H. Roscher. Bd I. Sp.1768. Подробнее о терминах «гриф» и «грифон», о проблеме идентификации грифона и об иконографии грифона в раннескифском зверином стиле см: Канторович А.Р. К вопросу об истоках и вариациях образов грифона и грифоподобных существ в раннескифском зверином стиле VII-VI вв. до н.э. // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гузиной. Труды Государственного исторического музея. Вып. 191 / Под ред. Д.В.Журавлева, К.Б. Фирсова. М., 2012. С. 106-133.

[7] См., например: Furtwängler A. Op.cit. Sp.1742; Robert C. Gryps // Paulys Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft, VII Band. Stuttgart., 1912. Spalte 1906-1911.

[8] В частности, Ктесием Книдским, Помпонием Мелой, Плинием Старшим, Павсанием, Солином, Элианом и др.

[9] Azarpay G. Some classical and Near Eastern motives in the art of Pazyryk // Artibus Asiae, XXII, 4. 1959. P.326.

[10] Кроме того, ретроспективно термин «грифон» переносится исследователями на более ранние сходные синкретические образы переднеазиатского, крито-микенского и, иногда, древнеегипетского искусства, что в полной мере оправданно лишь в отношении переднеазиатских изображений, иконография которых стимулировала появление первых древнегреческих образцов, получивших соответствующее обозначение (Furtwängler. Op.cit. Sp.1742).

[11] Жизнь животных в 6 томах. Т.5: Птицы / Под ред. Н. А. Гладкова, А. В. Михеева. М., 1970. С.160-166, табл.17; 182-185, табл.21.

[12] Погребова Н.Н. Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. XXII. 1948. С. 62.

[13] Погребова Н.Н. Указ. соч. С. 66-67.

[14] См. примеры: Канторович А.Р.. К вопросу об истоках и вариациях образов грифона... С. 121-122, рис.12.

[15] Furtwängler A. Op. cit. Sp.1759-1760, 1766, abb.

[16] Типы обозначены индексом, содержащим номера соответствующих таксонов классификации и именуются по местонахождению предметов с изображениями, либо эталонными для иконографии данного типа, либо маркирующими крайние пространственные или временные границы относящихся к нему изображений. Ввиду значительного объема типологических описаний характеристика каждого типа в данной статье ограничена его тематическими, техническими и композиционными показателями, тогда как описание анатомических деталей в большинстве случаев опущено.

[17] Здесь и далее указывается количество оригинальных изображений, без учета копий и зеркальных отображений.

[18] Конкретные местонахождения предметов с изображениями каждого типа и источники иллюстраций указаны в подписях к рисункам. Порядковые номера изображений в тексте соответствуют номерам изображений на рисунках. Масштаб разный.

[19] Галанина Л.К. Келермесские курганы. "Царские" погребения раннескифской эпохи (Степные народы Евразии, 1). М., 1997. С.190, 192.

[20] Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Хронология центральной группы курганов могильника Новозаведенное-II // Скифы и сарматы в VII-III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология / Под ред. В.И. Гуляева, В.С. Ольховского. М., 2000. С. 238-241, 247, рис.1: 1.

- [21] Эрлих В.Р., Нехаев А.А. Курганы эпохи скифской архаики у хутора Говердовского в Адыгее // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа / Под ред. Х.М. Мамаева. Грозный-Москва, 2011. С.143.
- [22] Носакинский могильник по торевтике боспорского производства, по чернолаковым сосудам, по вооружению и узде в целом датирован в рамках 2-й пол. IV в. до н.э. (Бидзиля В.И., Болтрик Ю.В., Мозолевский Б.Н. Савовский И.П. Курганный могильник в урочище Носаки // Курганные могильники Рясные могилы и Носаки / Под ред. В.И. Бидзили. Киев, 1977. С.64.
- [23] Дата комплекса установлена по фасосским амфорам (Ксенофонта И.В. Остродонные амфоры Уляпского могильника из собрания ГМВ // Материальная культура Востока. Вып. 5. 2010. С. 139; Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонта И.В., Эрлих В.Р. Меоты Закубанья в сер. VI - нач. III вв. до н.э.: Некрополи у аула Уляп. Святилища и ритуальные комплексы. М., 2013. С. 56).
- [24] Minns E.H. Scythians and Greeks. A survey of ancient history and archaeology on the north coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus. Cambridge, 1913. Fig. 318; Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага-Ленинград. 1966. С. 74, табл.312.
- [25] Островерхов А.С., Охотников С.Б. О некоторых мотивах скифского звериного стиля на памятниках из собрания Одесского археологического музея // Вестник древней истории. № 2. 1989. С. 59.
- [26] К данному типу примыкают, но не включаются нами в его состав и соответственно не учитываются в рамках общей статистики изображения, абсолютно лишённые видовой определенности - на бронзовых налобниках/наносниках из могильника Криволиманский, к.20, п.2 (Прохорова Т.А. Погребение эпохи раннего железа из могильника Криволиманский-I. Советская археология. № 1. 1987. Рис.2, б), из Острой могилы (Яценко И.В. Скифские погребения близ Ногайска // Вестник древней истории. № 1. 1956. Рис.5: б), из кургана 2 у с. Аксютинцы (1883-1885 гг.) (Могилов А.Д. Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. Київ; Кам'янець-Подільський, 2008. Рис.167, 16) и из кургана Вакулина Могила (Там же. Рис.167, 17). Эти изображения находятся на границе образов птицы, хищника и грифона.
- [27] В принципе, Боковую гробницу Скифской могилы, близкую по времени Центральной гробнице этого кургана, С.А. Скорый и Я. Хохоровский датируют более узко - 2-ой пол. V в. до н.э., исходя из хронологической позиции хиосских амфор из Центральной гробницы. Однако авторы раскопок делают при этом оговорку, что как таковые уздечные комплексы из Боковой гробницы могут датироваться в рамках всего V в. до н.э. (Скорый С., Хохоровски Я. Аристократический курган Скифская Могила вблизи Мотронинского городища (Украинская Правобережная Лесостепь) // Stratum plus. 3. 2005-2009. С. 272, 273).
- [28] Дата установлена в первую очередь по чернолаковому скифосу группы St. Valentin (Бидзиля В.И., Полин С.В. Скифский царский курган Гайманова Могила. Киев, 2012. С. 514).
- [29] Канторович А.Р. Изображения обособленных конечностей хищников в искусстве скифского звериного стиля Восточной Европы: типология, хронология, анализ истоков и эволюции (монография в журнале) // Stratum plus. 3. 2012. С.41-47.
- [30] Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитейное искусство из курганов Адыгеи (VIII-III века до н.э.). М., 2006. Кат.107.
- [31] Ксенофонта И.В. Указ. соч. С.141, 144, кат.23; Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонта И.В., Эрлих В.Р. Указ. соч. С.66.
- [32] Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII-IV вв. до н.э. СПб, 2003. С. 261, 296.
- [33] Бідзіля В.І. Дослідження Гайманової Могили // Археологія. 1, 1971. С. 55.
- [34] Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. С. 286, 296.
- [35] Бидзиля В.И., Полин С.В. Указ. соч. С.452, 510.
- [36] Силантьева Л.Ф. Некрополь Нимфея // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 69. 1959. С. 85-86. Рис.48: 1.
- [37] Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V-III вв. до н.э. // Свод археологических источников. Д 1-4. 1967. Табл.37: 5.



- [38] Галанина Л.К. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга) // Свод археологических источников. Д1-33. М., 1977. Табл.13, 1.
- [39] Онайко Н.А. Античный импорт в Поднепровье и Побужье в VII-V вв. до н.э. // Свод археологических источников. Д 1-27. М., 1966. С. 25, 60; Петренко В.Г. Указ соч. С. 92; Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. Табл.26. С. 2.
- [40] Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV-II вв. до н.э. С.59; Петренко В.Г. Указ. соч. С. 93.
- [41] Петренко В.Г. Указ. соч. С. 92.
- [42] Петренко В.Г. Указ. соч. С. 92, 93; Галанина Л.К. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга) // Свод археологических источников. Д1-33. М., 1977. С.29.
- [43] Алексеев А.Ю. Хронология и хронография Причерноморской Скифии V в. до н.э. // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып.31. 1991. С. 50, 51, рис. 2: 20; Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. С. 296.
- [44] Галанина Л.К. Кубанское уздечное снаряжение IV в. до н. э. (по материалам Елизаветинского кургана, раскопанного Н.И. Веселовским в 1913 г.) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 37. 2005. С. 104.
- [45] Ханенко Б.Н., Ханенко В.И. Древности Приднепровья и побережий Чёрного моря. Вып. II. Киев, 1899. Табл. XXI, 401; Ильинская В.А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья. Киев, 1968 С.79; Алексеев А.Ю. Скифская хроника (Скифы в VII-IV вв. до н.э. Историко-археологический очерк). СПб., 1992. С.149; Бидзиля В.И., Полин С.В. Указ. соч. 528-529.
- [46] Эрлих В.Р. Святилища некрополя Тенгинского городища II: IV в. до н.э. М., 2011. С. 48-81, рис.16-18, 21-22 (цветные); рис.10, 11, 13, 17, 22, 68-72 (черно-белые).
- [47] См. о данном образе: Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитнейное искусство из курганов Адыгеи (VIII-III века до н.э.). М., 2006. С.75-78.
- [48] Пузикова А.И. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов). М., 2001. С.183, 184. Эта датировка указана в публикации А.И. Пузиковой на с.182, тогда как на с.184 данной монографии содержится опечатка - дата указана как 1-я пол. IV в. - 1-я пол. III в. до н.э. (Пузикова А.И. Указ. соч. С. 183, 184).
- [49] Переводчикова Е.В. О локальных чертах скифского звериного стиля Прикубанья // Советская археология. № 4. 1987. С. 49.
- [50] Там же. С.47, 49.
- [51] Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Указ. соч. Кат. 67.
- [52] Ксенофонтова И.В. Указ. соч. С. 144, кат.22, рис. 3: 6; Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р. Указ. соч. С.28.
- [53] Minns E.H. Op. cit. Fig. 318; Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов... С.74. Табл. 312.
- [54] The Golden Deer of Eurasia. Scythian and Sarmatian Treasures from the Russian Steppes. N.Y. 2000. P. 166, fig. 107; Канторович А.Р., Яблонский Л.Т. О северопричерноморских и северокавказских параллелях изображениям в скифо-сибирском зверином стиле из Филипповских курганов // Нижневолжский археологический вестник. Выпуск 10. Под ред. А.С. Скрипкина, Л.Т. Яблонского. Волгоград, 2009. С. 74-76, рис.5-6)
- [55] Еще один грифон с вероятными оленьими рогами представлен на золотой пластине из кургана 45 у с. Берестяги (Бобринский А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т.III. СПб., 1901. Табл. XIX, 2), однако недостаточное качество опубликованного изображения и отсутствие знакомства автора с данным изделием de visu не позволяют пока включить это изображение в изучаемый массив.

- [56] Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Указ. соч. Кат.69.
- [57] Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Указ. соч. Кат.115, 117.
- [58] Leskov. Op. cit. Cat. №172.
- [59] Эрлих В.Р. Святилища некрополя Тенгинского городища... Рис.103:6.
- [60] Галанина Л.К. Кубанское уздечное снаряжение IV в. до н. э. С. 98, 104.
- [61] Мозолевский Б.Н. Малый Чертомлык // Скифы Северного Причерноморья / Под ред. Е.В. Черненко. Киев, 1987. С. 68; Бидзиля В.И., Полин С.В. Указ. соч. С. 514-515.
- [62] Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. С. 261, 296.
- [63] Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е., Чередниченко Н.Н. Бердянский курган // Российская археология. № 3. 1994. С.154, 155; Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. С. 261-262; Бидзиля В.И., Полин С.В. Указ. соч. С.519.
- [64] Манцевич А.П. Курган Солоха. Публикация одной коллекции. Л., 1987. С. 65.
- [65] Галанина Л.К. Кубанское уздечное снаряжение IV в. до н. э. С. 98, 104.
- [66] Бидзиля В.И., Полин С.В. Указ. соч. С. 514.
- [67] Мозолевский Б.Н. Скифский царский курган Желтокаменка // Древности степной Скифии / Под ред. А.И. Тереножкина, Б.Н. Мозолевого, Е.В. Черненко. Киев, 1982. С. 217; Бидзиля В.И., Полин С.В. Указ. соч. С. 546-547.
- [68] Это различные псалии из кургана 4 группы Семибратних (Borovka G. Scythian Art. L., 1928 Pl. 14; Rostovtzeff M. The Animal Style in South Russia and China. Princeton, N.Y., 1929. Tabl.V:18; Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов... Рис.60, 61; Отчет Императорской археологической комиссии за 1876 г. СПб, 1879. Рис. на с.134, №3; Отчет Императорской археологической комиссии за 1877 г. СПб, 1880. Рис. на с.14, №7; Канторович А.Р. Меото-скифское искусство Прикубанья (VII - начало III в. до н.э.) // Античное наследие Кубани. В 3 т. Том 1. Часть III / Под ред. Г.М. Бонгарда-Левина, В.Д. Кузнецова. М., 2010. Рис.42), находка на Тамани (Piotrovsky V., Galanina L., Grach N. *Scythian Art*. Leningrad, 1986. Cat. № 86) и Майкопский клад (Leskov. Op. cit. Cat. № 249). Хронология этой серии основывается на объективной датировке 4-го кургана группы Семибратних 440-430 гг. до н.э. по античным чернолаковым чашам (Горнчаровский В.А. О хронологии Семибратних курганов // Третья Абхазская международная археологическая конференция: Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа: Материалы /. Под ред. М.Т.Кашубы, А.Ю. Скакова. Сухум., 2013. С.232, табл.1).
- [69] По свидетельству Е.Н.Черепановой и А.А Щепинского, в Водославовке в одном комплексе с еще одним навершием найдено навершие с "изображением скифского бога Геракла-Таргитая, оседлавшего дракона и охотящегося на оленя" (Черепанова Е.Н., Щепинский А.А., 1966. С.75). Очевидно, именно последнее изделие является ближайшим аналогом навершиям из Слоновской Близницы. О нем упоминают Н.А. Онайко (Онайко Н.А. Антропоморфные изображения в меото-скифской торовитике // Художественная культура и археология античного мира. Сборник памяти Б.В. Фармаковского / Под ред. Н.И. Сокольского, И.Б. Брашинского, К.С. Горбуновой, П.Н. Шульца, Г.А. Цветаевой, И.Г. Шургая М.: Наука. 1976. С. 178, прим. 17) и И.Д. Ратнер (Ратнер, 1984. С.67), оно упомянуто и учтено в типологии наверший Е.В. Переводчиковой, но до сих пор, к сожалению, остается неопубликованным и недоступным для исследования.
- [70] См. подробнее о стилистике и семантике данной сцены: Канторович А.Р. Изображения на скифских навершиях из кургана Слоновская Близница: стилистика и семантика // Российская археология. № 4. 1998. С. 78-88.
- [71] См. подробнее: Онайко Н.А. Антропоморфные изображения... С. 168-169, рис.5; Канторович А.Р. Изображения на скифских навершиях из кургана Слоновская Близница. С.78-88.
- [72] Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV-II вв. до н.э. Табл. V, № 304; Бидзиля В.И., Полин С.В. Указ. соч. С. 519-520.

- [73] Яценко И.В. Искусство эпохи раннего железа // Произведения искусства в новых находках советских археологов. М., 1977. С. 48, 93-94.
- [74] К данному типу примыкают изображения на бронзовых навершиях из кургана Каменская Близница (Андросов, Мухопад, 1987. С.68-69, рис.6:6), однако в силу крайней схематизированности и неясности (по сути, они десемантизированы), данные изображения не включаются в данный тип и не учитываются в общей статистике.
- [75] Бідзіля В.І. Указ. соч. С.55; Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. С. 228, 230, 243, 263; Бидзиля В.И., Полин С.В. Указ. соч. С. 452, 510.
- [76] Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. С. 268-270; Бидзиля В.И., Полин С.В. Указ. соч. С. 562-563.
- [77] Мозолевський Б.М. Товста Могила. Київ, 1979. С. 229; Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. С. 264, 266; Бидзиля В.И., Полин С.В. Указ. соч. С. 521-523.
- [78] Мозолевский Б.Н. Скифский царский курган Желтокаменка. С. 217; Бидзиля В.И., Полин С.В. Указ. соч. С.546-547.
- [79] Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. С. 268-270; Бидзиля В.И., Полин С.В. Указ. соч. С. 565.
- [80] Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. С. 263, 286, 296, прим.318; Бидзиля В.И., Полин С.В. Указ. соч. С. 240, 407.
- [81] Болтрик Ю.В., Фялко Е.Е. Останні дослідження кургану Чмирева могила // Археологія і давня історія України. 8. 2012. С. 57.
- [82] Leskov. Op. cit. Pp. 49-50, cat. № 62.
- [83] Канторович А.Р. Сюжет стоящего/идущего оленя в восточноевропейском скифском зверином стиле и его реплики в искусстве «савроматской» и кара-абызской культуры // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника). Серия «Археология евразийских степей». Выпуск 8 / Под ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевского, Г.Р. Руденко. Елабуга, 2009. С. 247-248, 250-251, рис.3:1-4.
- [84] Там же. С. 247-248.
- [85] Алексеев А.Ю. Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. СПб., 2012. С.252.
- [86] Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. С. 261-262; Про датування Бердянського кургану (за керамічними матеріалами) // Археологія. 1. 2000. С. 108-109; Бидзиля В.И., Полин С.В. Указ. соч. С. 519.
- [87] Мозолевський Б.М. Указ. соч. С. 229; Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. С. 264, 266; Бидзиля В.И., Полин С.В. Указ. соч. С. 521-523.
- [88] Grač N. Der Kurgan Kul'-Oba. Zwei Gesichter der Eremitage. Band I. Die Skythen und ihr Gold. Bonn, 1997. S. 157.
- [89] Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. С. 268-270; Бидзиля В.И., Полин С.В. Указ. соч. С. 565.
- [90] Отрошенко В.В. Парадный меч из кургана у с. Великая Белозерка // Вооружение скифов и сарматов / Под ред. Е.В. Черненко. Киев, 1984. С. 126.
- [91] Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов... С.59.
- [92] Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Указ. соч. С. 56-61, рис. 9-11, 15.
- [93] Ср. такие канонические версии позднегреческого грифона, как голова на рукояти махайры из 3-го Семибратнего кургана (Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов... Табл. 137), головы на уздечных

распределителях из Филипповских курганов (The Golden Deer of Eurasia... Fig. 10) или на деталях саркофага из Большой Близницы (Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов... Табл. 312).

[94] Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Указ. соч. С. 55-61, рис.11.

[95] Кобылина М.М. Поздние боспорские пелики // Материалы и исследования по археологии СССР. № 19. 1951. Рис. 5: 1; 6: 3; 4: 7; Шталь И.В. Свод мифо-эпических сюжетов античной вазовой росписи по музеям РФ и стран СНГ. Т.1. М., 2000. С. 150, кат. 56а; 152, кат. 60а, 64а; 154, кат. 62а; 155, кат. 63а; 156, кат. 65а.

[96] Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л. 1960. Рис. 87.

[97] Венедиков И., Герасимов Т. Тракийского искусство. София. 1973. Табл. 152.

[98] Ср. Мелюкова А.И. Скифия и фракийский мир. М. 1979. С.119.

[99] Канторович А.Р. Сюжет стоящего/идущего оленя... С. 247-248, 250-251, рис.3:1-4.

[100] Канторович А.Р. "Летающие" и лежащие олени в искусстве звериного стиля степной Скифии // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея). Вып. 2 / Под ред. Р.М. Мунчаева. Армавир - М., 1996. С. 46-59.

[101] Там же.

[102] Borovka G. Op. cit. Pl. 20B.

[103] Алексеев А.Ю., Боковенко Н.А., Васильев С.С., Дергачёв В.А., Зайцева Г.И., Ковалюх Н.Н., Кук Г., Ван дер Плихт Й., Посснерт Г., Семенцов А.А., Скотт Е.М., Чугунов К.В. Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб: «Теза». 2005. С.166.

[104] Венедиков И., Герасимов Т. Указ. соч. С.94.

[105] Алексеев А.Ю., Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. С.252.

[106] Интересно, что такая трансформация в голову козла находит себе параллель на восточной окраине скифо-сибирского мира, где мы встречаем яркий пример использования голов горного козла в качестве элемента "превращения" парных кошачьих хищников на бронзовой пряжке из Монголии (Ол-Сум), из коллекции П.К.Козлова (рис.9, 10) (Руденко С.И. Указ. соч. С.319-320, рис.160).

[107] Leskov. Op. cit. Cat. 316.

[108] Ксенофонтова И.В. Указ. соч. С. 138-139, 142-144, кат. 9-12, 21; Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р. Указ. соч. С. 23.

[109] Ксенофонтова И.В. Указ. соч. С. 141, 144, кат.23; Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р. Указ. соч. С.66.

[110] Скорий С.А. Курган Переп'ятиха (до етнокультурної історії Дніпровського Лісостепоного Правобережжя). Киев, 1990. С. 38-43, фото 7, 1; 7, 2-5, 8, 1-4.

[111] Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л., 1925. С. 482.

[112] Скорий С.А. Указ. соч. С. 38-42.

[113] Скорий С.А. Указ. соч. С.65, рис.10:1-3.

[114] Marunti M.G., Rudenko S.I., Manganaro G., Grifo. Enciclopedia dell'arte antica classica e orientale. Vol. III. Roma, 1960, fig.1346.

[115] Скорий С.А. Указ. соч. Рис.10, 2.

[116] Кисель В.А. Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов. СПб., 2003.С. 54, рис.51.



- [117] Frankfort H. Cylinder seals. L., 1939. P. 311-313, fig.113.
- [118] Furtwängler A. Op.cit. Sp.1762, abb.
- [119] Скорый С.А. Указ. соч. Рис.10, 3.
- [120] Frankfort H. Op. Cit. P. 311-312.
- [121] Шкурко А.И. Фантастические существа в искусстве Лесостепной Скифии // Труды Государственного исторического музея. Вып. 54, 1982. С. 3.
- [122] Скорый С.А. Указ. соч. С. 67, табл.2.
- [123] Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А., Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья. Киев, 1989. С. 32, 141, 258-259; Скорый С.А. Указ. соч. С.66-68; Скорый С.А. Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента). Киев, 2003.С. 34, 121.
- [124] Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Указ. соч. С.96.
- [125] Ильинская В.А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья. С. 76-77; Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. Табл.26: 10.
- [126] Канторович А.Р. Истоки и вариации образа бараноптицы (грифобарана) в раннескифском зверином стиле // Материалы и исследования по археологии России. Вып.8. М., 2007. С.235-257; Канторович А.Р. Проблема хронологии образа бараноптицы (грифобарана) в раннескифском зверином стиле // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова / Под. ред. В.А. Алёхина и др. СПб., 2012. С. 362-370, табл.1, рис.1-3. К сожалению, в этой публикации в результате технической погрешности, допущенной при нанесении символов на карту, значок, соответствующий погребению у пос. Семеновка под Каховкой (Херсон. обл.) был помещен мною на территорию Крыма (Там же. С. 366, рис.3). В настоящей публикации (рис.18 - карта) эта ошибка исправлена.
- [127] Там же. С. 362, табл.1.
- [128] При подсчете в целях статистической точности были исключены фрагментированные изображения голов с сохранившимися бараньими рогами, но с утраченной передней частью, так как нельзя быть абсолютно уверенным, принадлежали ли они бараноптицам или же баранам. Это одна из костяных уздечных пронизей из кургана 2/В Келермесского могильника (Галанина Л.К. Келермесские курганы. С.240, кат.241, табл.22), завершение костяного псалия из к.6 могильника Новозаведенное-II (Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Погребения подростков в могильнике Новозаведенное-II // Материалы и исследования по археологии России. Вып. 7, 2006. С. 339, рис.4: 7 (верхний)) и костяное навершие псалия из кургана 10 могильника Новозаведенное-II. По той же причине здесь не учитывались изображения с недостаточным качеством воспроизведения птичьих черт или с преднамеренной иконографической «пограничностью». Имеются в виду одна из бронзовых пронизей-распределителей уздечных ремней из Захарейковой могилы (Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И. Курганы VI в. до н.э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ / Под ред. А.И. Тереножкина. Киев, 1980. Рис. 36: 2) и из Музея Метрополитен (Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М. 2001. Рис. 13); а также бронзовые псалии из кургана 1 у хутора Говердовского, раскопки А. А. Нехаева (Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Указ. соч. Кат. 53) и из кургана 12 могильника Нартан (Батчаев В.М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Вып. II. / Под ред. В.И. Марковин. Нальчик, 1985. Табл. 33: 30).
- [129] Канторович А.Р. Истоки и вариации образа бараноптицы... С. 235-257; Канторович А.Р. Проблема хронологии образа бараноптицы... С. 362-370.
- [130] Галанина Л.К. Келермесские курганы. С.184-192; ср. Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии С. 103-107. О предложении А.Ю. Алексеева и Т.В. Рябковой удревнить дату ранней группы Келермесских курганов (курганов Веселовского 1/В и 2/В) до времени ранее 670-х гг. до н.э. (первое упоминание переднеазиатских походов скифов в ассирийских источниках), не исключая и VIII в. до н.э. см.: Алексеев А.Ю., Рябкова Т.В. Скифы // Античное наследие Кубани. В 3 т. Том 1 / Под ред. Г.М. Бонгарда-

Левина, В.Д. Кузнецова. М., 2010. С. 243-245. Наши аргументы против этой гипотезы см.: Канторович А.Р. Проблема хронологии образа бараноптицы... С. 366-367.

[131] Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. С. 53, 295.

[132] Шрамко И.Б. О начальном периоде существования Бельского городища // Від Кіммерії до Сарматії. 60 років відділу скіфо-сарматської археології Національної академії наук України. Київ, 2004. С.103-106; Шрамко И.Б., Задников С.А. Новые находки ранней античной керамики на Бельском городище // СΥΜΒΟΛΑ. Вып. 1 / Под ред. Р.М. Мунчаева. М.-Київ. 2010. С.294-300.

[133] Иванчик А.И. Указ. соч. С. 210. При этом соответствующий слой III В поселения Хазанлу датирован А.И. Иванчиком шире - 1-й пол. VII в. до н.э. (Иванчик А.И. Указ. соч. С. 279-280).

[134] Балахванцев А.С. Арамейская надпись из Рысайкино (к вопросу о скифских походах в Переднюю Азию) // Культуры степной Евразии и их взаимодействия с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова / Под ред. В.А. Алёхина и др. СПб., 2012. С. 360.

[135] Соответственно М.И. Артамонов, Э. В. Яковенко и А. И. Шкурко трактуют налчье из Темир-горы как образ бараноптицы (грифобарана) (Артамонов М.И. Происхождение скифского искусства // Советская археология. № 4. 1968. Рис.4; Яковенко Э.В. Предметы звериного стиля в раннескифских памятниках Крыма // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / Под ред. А.И. Мелюковой, М.Г. Мошковой. М., 1976. С. 128, 129; Шкурко А.И. Фантастические существа... С. 3), а Б.Б. Пиотровский, Л. К. Галанина и Н. Л. Грач - как воспроизведение птичьей головы (Piotrovsky B., Galanina L., Grach N. Op. Cit. P. 20).

[136] См. Канторович А.Р. Истоки и вариации образа бараноптицы...С. 245.

[137] Пиотровский Б.Б. Кармир-блур. Ереван, 1950. Т. 1. Рис. 64; Рябкова Т.В. Три костяных псалы из Прикубанья в коллекции Эрмитажа // Археологические вести. Вып. 20. 2014. Рис.3:9; Пиотровский Б.Б. Скифы и древний Восток // Советская археология, XIX, 1954. С. 142, рис. 1.

[138] Hauptmann H. Neue Funde eurasischer Steppennomaden in Kleinasien // Beiträge zur Altertumskunde Kleinasien. Bd.1. Mainz, 1983. S. 251-270, abb. 4.

[139] Копейкина Л.В. Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана Темир-Гора // Вестник древней истории. № 1. 1972. С. 156.

[140] См. Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии С. 295

[141] Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Хронология центральной группы курганов могильника Новозаведенное-II. С. 239-240: 246; Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Погребение знатной скифянки из могильника Новозаведенное II (предварительная публикация) // Материалы и исследования по археологии России. Вып. 6, 2004. С. 197.

[142] Эрлих В.Р. Раскопки кургана Ульской группы в 2007 г. // Материальная культура Востока. Вып. 5. 2010. С.117.

[143] Шкурко А.И. Фантастические существа... С. 3. В.А. Ильинская, трактовавшая прикубанские изображения данной серии в качестве фантастических животных (Ильинская В.А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья. С.158) отнесла приднепровские изображения данной серии (безязыкие и с закрытой пастью) к другой образной группе, трактовав их как схематизированные головы коней - результат переработки малопонятного здесь образа грифона под влиянием местной лесостепной иконографии лошади (Іллінська В.О. Скіфська вузда VI ст. до н.е. Археологія XIII, 1963. С.45. Рис.3, 10; Ильинская В.А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья. С. 158, табл. XXXVI, 11). Нам представляется обоснованной критика этой позиции со стороны А.И. Шкурко, который интерпретирует все изображения тупорылого зверя как хищника с грифоньими чертами и настаивает, что при всей схематизации данных образов, происходившей в Приднепровье, они «не становятся ближе к коню» (Шкурко А.И. Фантастические существа... С. 3, табл. II, 4-8).

[144] К данному образу в качестве десемантизирующего подражания примыкают композиционно сходные изображения зверя с зауженной мордой, но без языка и со слабо намеченным ртом на аналогичных

навершиях, происходящих из кургана 2 у с. Коцюбинчики в Западном Подолье (Бандривский М.С. Курганы в Швайковцах и Коцюбинчиках - новый источник для датировки Западно-подольской группы раннескифской культуры (по материалам раскопок 2007-2009 гг.) // Российский археологический ежегодник, №3. 2013. Рис.14-16). Эти изображения не включаются нами в массив источника не только из-за их крайней видовой неопределенности, но и в силу их соответствия скорее требованиям восточногальштатской, нежели скифской, стилистики (ср. аналогичное фрако-гальштатское изображение на бронзовом навершии из Гернесег-Горнешты (Dumitrescu V. *Arta preistorica in Romania*. București, 1974. Fig. 472, 3. Не случайно М.С. Бандривский, опубликовавший и тщательно проанализировавший навершия из Коцюбинчиков, полагает, что здесь изображена лань и что эти навершия «по всем признакам представляют собой промежуточное звено между навершиями восточноевропейской лесостепи и Карпатского бассейна» (Бандривский М.С. Указ. соч. С. 258-259).

[145] Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов... Табл. 123, 125.

[146] Горнчаровский В.А. Указ. соч. С. 232, табл.1.

[147] Piotrovsky B., Galanina L., Grach N. Op. Cit. Cat. № 207.

[148] Соответственно мы разделяем позицию А.И. Мелюковой, считающей, что здесь представлен грифон-гиппокамп, пожирающий хищника, в противовес мнению С.С. Бессоновой, трактовавшей это существо как образ «собако-птицы» (Безсонова С.С. Образ собако-птаха в мистецтві Північного Причорномор'я скифської пори // Археологія. 23. 1977. С. 15, рис.5; Мелюкова А.И. Краснокутский курган. М., 1981. С. 36). Показательно, что в более поздней своей работе С.С. Бессонова также называет эти существа грифоно-гиппокампами (Бессонова С.С. Крылатый конь - гиппокамп - морской конек и скифский Посейдон // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. Т.ХІ / Под ред. П.П. Толочко. Запоріжжя, 2004. С. 28).

[149] Ханенко Б.Н., Ханенко В.И. Древности Приднепровья и побережий Черного моря, 1907. Вып. VI. Киев, 1907. Табл. V, 562.

[150] Безсонова С.С. Указ. соч. С. 11-24.

[151] Ср., например, Тревер К.В. Сэнмурв-Паскудж, собака-птица. Л., 1937. Рис.2.

[152] Коровина А.А. К вопросу об изучении Семибратних курганов // Советская археология. № 2. 1957. С. 186.

[153] Горнчаровский В.А. Указ. соч. С. 232, табл.1.

[154] Там же.

[155] Ильинская В.А. Скифская узда IV в. до н.э. // Скифские древности / Под. ред. А. И. Тереножкина. Киев, 1973. С. С.55.

[156] Канторович А.Р. "Петушки" - один из образов звериного стиля степной Скифии // Граковские чтения на кафедре археологии МГУ 1989-1990 гг. / Под ред. Ю.Л. Щаповой, И.В. Яценко. М., 1992. С. 30-39.

[157] Бессонова С.С. Крылатый конь.... С.27-28.

[158] Мозолевський Б.М. Указ. соч. С.59.

[159] К данной группе изделий, очевидно, примыкают морфологически сходные среднеднепровские бронзовые уздечные бляхи из Новоселки, к.4 (2 экз.) (Могилев А.Д. Указ. соч. Рис.106, 11-12) и Умани, к.4, п.3 (4 экз.) (Могилев А.Д. Указ. соч. Рис. 106,20), однако в первом случае собственно изображение «петушка» практически отсутствует, остались лишь его контуры, во втором случае изображение крайне неопределенно в видовом отношении. Соответственно эти изображения не включены нами в общий корпус источников.

[160] См. Бессонова С.С. Крылатый конь.... С.27.

[161] Топал Д.А. [без указания года]. Новые кельтские и скифские находки из Северо-Восточной Болгарии // <http://archaeology.ru/ONLINE/Topal/topal.html>. Рис.3.

- [162] Канторович А.Р. "Петушки" - один из образов звериного стиля степной Скифии. С. 36-37, рис.1:6.
- [163] Мелюкова А.И. К вопросу о взаимосвязи скифского и фракийского искусства// Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / Под ред. А.И. Мелюковой, М.Г. Мошковой. М., 1976. С. 115-116.
- [164] Данная гипотеза, высказанная нами в 1992 году (Канторович А.Р. "Петушки" - один из образов звериного стиля степной Скифии. С. 36-37), была впоследствии поддержана С.С. Бессоновой (Бессонова С.С. Крылатый конь.... С.27).
- [165] Мозолевский Б.М. Указ. соч. С. 229; Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии С. 264, 266; Бидзиля В.И., Полин С.В. Указ. соч. С. 521-523.
- [166] Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии С. 263, 286, 296, прим.318; Бидзиля В.И., Полин С.В. Указ. соч. С. 240, 407.
- [167] Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы). Киев, 2005. С.356; Бидзиля В.И., Полин С.В. Указ. соч. С. 556.
- [168] Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. (Скифский царский курган IV в. до н.э.). Киев, 1991. С.130-131; Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. С. 267-269.
- [169] Ксенофонтowa И.В. Указ. соч. С. 141, 144, кат.23.
- [170] Здесь следует отметить, что с учетом копий насчитывается значительно больше изображений - 52, причем их основная масса (40 экз.) происходит из кургана Чертомлык.
- [171] Данные наносники (1, 2) позолочены.
- [172] Канторович А.Р. Изображения лося в восточноевропейском скифском зверином стиле: классификация, типология, хронология // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Альманах / Под ред. М.Д. Бухарина. Том третий. М., 2014. С. 478-480, рис.14: 23.
- [173] Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Указ. соч. С. 130-131; Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. С. 267-269.
- [174] Братченко С.Н., Швецов М.Л., Дубовская О.Р. Курган IV в. до н.э. в бассейне Северского Донца. Советская археология. №1. 1989. С. 171-172.
- [175] При этом комплекс кургана у с. Кошеватое датирован В.Г. Петренко по типам наконечников стрел и бляшек от конской сбруи, в том числе со звериным стилем рубежом V-IV или IV в. до н.э. (Петренко В.Г. Указ. соч. Табл. 30, 3). Думается, что вышеназванные параллели заставляют исключить для кошеватовского изображения рубеж V-IV вв. до н.э. и датировать его не ранее 2-ой трети IV в. до н.э.
- [176] Leskov. Op. cit. P. 178-179.
- [177] В одном из вариантов семибратненского изображения (1-1) ухо частично утрачено или же это следствие недолива металла.
- [178] Ср. Leskov. Op. cit.. P. 178.
- [179] Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск, 2001. Рис.151: а, б, в.
- [180] Oro: Il mistero dei sarmati e degli sciti. Catalogo della mostra (Milano, 15 marzo-15 giugno 2001). Milano, 2001. P. 149-150, fig.51.
- [181] Прокопенко Ю.А. Историко-культурное развитие Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. Ставрополь, 2005. Рис.185: 21.
- [182] Бобринский А.А., 1905. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 году в Чигиринском уезде Киевской губернии // Известия археологической комиссии. Вып. 14. СПб. С.18, рис.46; Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов... Таб.80.



- [183] Ханенко Б.Н., Ханенко В.И. Древности Приднепровья и побережий Чёрного моря. Вып. II. Киев, 1899. Таб. XVI, 316.
- [184] Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов... Таб. 114.
- [185] Мошинский А.П. Древности горной Дигории VII - IV вв. до н.э. систематизация и хронология // Труды Государственного исторического музея. Вып. 154. М. 2006. С.25.
- [186] Могилов А.Д. Указ. соч. С. 27.
- [187] На краю Ойкумены. Греки и варвары на северному берегу Понта Эвксинского. М., 2002. С. 92, № 398; Конь и всадник. Взгляд сквозь века. Каталог выставки. М., 2003. С.29, № 38.
- [188] Канторович А.Р. Эволюция и хронология сюжета свернувшегося в кольцо хищника в восточноевропейском скифском зверином стиле // Проблемы истории, филологии и культуры. № 4. 2014. С. 79-87.
- [189] Бидзиля В.И., Полин С.В. Указ. соч. С. 452.
- [190] Канторович А.Р. Классификация и типология элементов "зооморфных превращений"... С. 86-101, 121.
- [191] Канторович А.Р. К вопросу об истоках и вариациях образов грифона и грифоноподобных существ... С. 106-122, рис.1-12.
- [192] Ср. Скорый С.А. Указ. соч. С.65, рис.10, 1-3.
- [193] Канторович А.Р. К вопросу об истоках и вариациях образов грифона... С. 117-120, рис.10.
- [194] Галанина Л.К. Келермесские курганы. Табл. 1, кат. 52; табл. 38, 39, кат. 41. Данные предметы - импортные; они изготовлены, скорее всего, в Малой Азии, в греко-ионийской и лидийской среде, хотя нельзя исключать, пусть и с меньшей вероятностью, их производство где-то в другом месте по заказу скифского вождя, - но опять-таки малоазийскими мастерами (Кисель В.А. Указ. соч. С. 52-56, 85-99).
- [195] Жизнь животных. Том 5. Птицы. С. 182. Ср. Руденко С.И. Указ. соч. С.285-293; Кубарев В.Д., Черемисин Д.В., 1984. Образ птицы в искусстве ранних кочевников Алтая // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск. Рис.3.
- [196] Ср.: Полосьмак Н.В. Стережущие золото грифы (Ак-алахинские курганы). Новосибирск, 1994. С. 8.
- [197] Жизнь животных в 6 томах. Т.5: Птицы. С. 173-177, рис.86, 87, табл.20.
- [198] См. подробнее: Канторович А.Р. К вопросу об истоках и вариациях образов грифона... С. 109-110, рис.2, 3.
- [199] Граков Б.Н. Скифы. М., 1971. Табл. XXV.
- [200] Галанина Л.К. Келермесские курганы. Табл.9, кат.1.
- [201] Погребова Н.Н. Указ. соч. С. 62, 65-66.
- [202] Погребова Н.Н. Указ. соч. С. 62; Шкурко А.И. Фантастические существа... С. 3.
- [203] Канторович А.Р. К вопросу об истоках и вариациях образов грифона... С. 112-114.
- [204] Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И., 2005. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. Барнаул. С.55, рис.58
- [205] Шкурко А.И. Фантастические существа... С. 3.
- [206] Канторович А.Р. Истоки и вариации образа бараноптицы... С. 238-240.

[207] Артамонов М.И. Происхождение скифского искусства. С. 35, 36; Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII-IV века до н.э.). (Вопросы политической истории, эволюции культур и этногенеза). Грозный, 1972. С. 142-146; Шкурко А.И. Фантастические существа... С. 3; Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и древний Восток. М., 1992. С.129-132.

[208] Подробнее о вероятных истоках данного образа см. Канторович А.Р. Истоки и вариации образа бараноптицы... С. 240-243.

[209] Шкурко А.И. Фантастические существа... С. 3; Чежина Е.Ф. Раннескифские зооморфные псалии из Южного Приуралья и Нижнего Поволжья // Сообщения Государственного Эрмитажа. Т. LII. Л., 1987. С. 27; Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII-IV вв. до н.э.). СПб., 2006. С.67; Канторович А.Р. Меото-скифское искусство Прикубанья. Рис. 21.

[210] Ср. Шкурко А.И. О локальных различиях в искусстве лесостепной Скифии // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / Под ред. А.И. Мелюковой, М.Г. Мошковой. М., 1976. С. 91; Королькова Е.Ф. Указ. соч. С. 68.

[211] Канторович А.Р. Истоки и вариации образа бараноптицы... Рис. 5.

[212] Шкурко А.И. Фантастические существа... С. 3.

[213] Галанина Л.К. Келермесские курганы. Табл. 38-39, кат. 40.

[214] Галанина Л.К. Келермесские курганы. С.148; Кисель В.А. Указ. соч. С. 66.

[215] Akurgal E. The Art of the Hittites. New York, 1962. P. 293, fig. 126.

[216] Ghirshman R. Protoiranien, Meder, Achämeniden. Universum der Kunst, Bd. 5. München, 1964. Abb. 63, 90, 137, 139.

[217] Frankfort H. Op. Cit. Pl.XXXIV, a.

[218] Канторович А.Р. К вопросу об истоках и вариациях образов грифона... С. 123-124, рис.15.

[219] К этим типам примыкают золотые нашивные бляшки, происходящие из памятников IV в. до н.э. (с территории Нижнего Поднепровья и Крыма), оформленные в виде искаженных и упрощенных отображений сфинкса (?) (Носаки, курган 13 - Бидзиля В.И., Болтрик Ю.В., Мозолевский Б.Н. Савовский И.П. Указ.соч. Рис.35: 3; Солоха, боковое погребение - Манцевич, 1987, кат.44) и орлиноголового грифона позднегреческого типа (Куль-Оба, собрание Государственного Эрмитажа и собрание Одесского археологического музея - Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов... Табл.225; Островерхов А.С., Охотников С.Б. Указ.соч. Рис.3: 4; Treasures from the Black Sea Coast. Catalogue of the exhibition at the National Museum in Cracow. March-June, 2006. Krakow, 2006. P.122, fig.8). Однако, как представляется, эти изображения - результат не взаимопроникновения скифской и греческой стилистики, а следствие тиражирования и схематизации в собственно греческой художественной среде. Поэтому в наш корпус источников данные изображения не включаются.

[220] Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Указ. соч. С.102-103

[221] Канторович А.Р. Изображения лося в восточноевропейском скифском зверином стиле: классификация, типология, хронология. Рис.14.

[222] Раевский Д. С. Мир скифской культуры. М., 2006. С.64-66, 84; Бессонова С.С. Крылатый конь...С.25.

[223] Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. СПб, 2001. С. 25-78.

[224] Черемисин Д.В., Запороженко А.В. "Сакральные центры" Евразии на Алтае, на Енисее и легенда об аримаспах и грифах в современных интерпретациях // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 230.

[225] Шкурко А.И. Фантастические существа... С. 3.



[лицензии Creative Commons «Attribution-NonCommercial-NoDerivatives»](#)  
(«Атрибуция — Некоммерческое использование — Без производных произведений») 4.0 Всемирная.



ISSN: 2410-4671

Свидетельство о регистрации СМИ: [Эл № ФС77-55611](#) от 9 октября 2013 г.